

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
АДОЛЬФО БИОЙ КАСАРЕС
Библиотека классического детектива

ЭНТОНИ БЕРКЛИ
ДЕЛО
ОБ ОТРАВЛЕННЫХ
ШОКОЛАДКАХ

Энтони Беркли

Дело об отравленных шоколадках

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151223
Дело об отравленных шоколадках: Азбука; СПб.; 2000
ISBN 5-267-00243-7*

Аннотация

Энтони Беркли – один из лучших авторов психологического детектива. Главный герой его произведений – писатель Роджер Шерингэм, создатель Клуба криминалистов-любителей, – в расследовании криминальных тайн предпочитает опираться на интеллект и интуицию.

Образец классического романа Золотого века детектива.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	63
Глава 6	84
Глава 7	98
Глава 8	112
Глава 9	134
Глава 10	152
Глава 11	169
Глава 12	197
Глава 13	211
Глава 14	228
Глава 15	244
Глава 16	263
Глава 17	283
Глава 18	297

Энтони Беркли

Дело об отравленных шоколадках

Глава 1

Сделав изрядный глоток старого доброго бренди, Роджер Шерингэм откинулся на спинку кресла, стоявшего во главе большого стола.

В комнате царил полумрак, наполненный табачным дымом и голосами, восторженно обсуждающими такие волнующие темы, как убийства, отравления, смертельные яды и тому подобные прелести жизни. Клуб криминалистов, любимое детище Роджера Шерингэма, созданное им, можно сказать, по собственному образу и подобию, объединял лучшие умы современности, функционирующие теперь под его, Роджера Шерингэма, руководством. Когда на первом же заседании Клуба пять месяцев назад он был единодушно избран президентом, он второй раз в жизни испытал блаженное чувство абсолютно законной и безоговорочной гордости за свою персону. Первый раз он познал это восхитительное чувство, когда некий издатель, сущий ангел в человеческом обличье, согласился опубликовать его первый роман.

Справа от Шерингэма, на самом почетном месте, восседал мистер Морсби, главный инспектор Скотленд-Ярда. В настоящий момент главный инспектор находился в крайне затруднительном положении, поскольку взялся раскуривать огромную сигару, совершенно не представляя себе, как это Делается. Роджер Шерингэм повернулся к нему.

– Не подумайте, Морсби, – небрежно начал он, – будто я свысока отношусь к вашему, вне всякого сомнения, достойному учреждению, но мне, честно говоря, представляется, что Скотленд-Ярду здорово не хватает духа истинной криминалистики, которым насквозь пропитана эта комната. Я, разумеется, имею в виду чистую криминалистику, а не, извините, практику сыска. И знаете, здесь это противопоставление ощущается острее, чем где бы то ни было. Ну, может, парижское Сюрте еще может с вами тягаться.

– Вы полагаете? – осведомился старший инспектор, имевший профессиональную привычку выслушивать любые глупости с самым любезным видом, и вернулся к своей сигаре, тут же с ужасом обнаружив, что совершенно забыл, с какого конца начал ее поджигать.

Роджер не зря говорил о духе криминалистики, витавшем в комнате. Попасть в члены Клуба было задачей практически невыполнимой. Одного желания всецело посвятить себя благородному делу криминалистики тут было недостаточно. Соискатель членства в Клубе должен был доказать свою полную готовность к этой тяжелой, но почетной миссии.

Помимо глубоких познаний во всех без исключения разделах криминалистики, будь то методика расследования преступлений или криминальная психология, соискатель должен был досконально знать все сколько-нибудь значительные уголовные дела – и не только знать, но, в случае необходимости, и умело применять свои познания на практике. Кроме того, соискатель должен был обладать недюжинным интеллектом и редкостной интуицией. Если он действительно обладал всем этим, он представлял президенту научное исследование на тему, предложенную членами Клуба, и, если президент находил оное заслуживающим внимания, созывалось общее собрание, на котором кандидат со своим исследованием должен был завоевать ум и сердце каждого без исключения действующего члена Клуба. Если хоть один был против, кандидат безжалостно изгонялся.

По оригинальному замыслу, в Клубе должно было быть тринадцать членов, однако на текущий момент выдержать столь жесткий отбор удалось только шести.

Этим вечером все шестеро были в сборе: блистательный адвокат, знаменитый драматург – точнее, знаменитая, ибо это была женщина, – потом еще исключительно одаренная писательница, чей дар, к несчастью, пока не был по достоинству оценен широкой публикой, известный автор детективных романов, пользующийся репутацией самого интеллектуального – хотя и далеко не самого интеллигентного – творца детективной прозы, и, наконец, сам Роджер Шерингэм. Ну и

еще мистер Эмброуз Читтервик, настолько же никому не известный, насколько и ничем не примечательный. Поскольку он отлично знал это и сам, посвящение в члены Клуба шокировало его не меньше, чем блестящее общество, в котором он так неожиданно оказался.

Любой хозяин был бы горд принимать подобных гостей. За вычетом, разумеется, мистера Читтервика. Роджер Шерингэм был переполнен гордостью и немного нервничал. Он подготовил собранию изрядный сюрприз, но был не совсем уверен, как его примут. Он поднялся с кресла.

– Леди и джентльмены, – начал он и, улыбнувшись, смолк, выжидая, когда снова наступит тишина: по традиции, оратора в Клубе приветствовали деликатным постукиванием пепельницы или портсигара о стол. – Леди и джентльмены, пользуясь своим положением президента и вытекающими из него полномочиями, я хочу несколько изменить повестку сегодняшнего заседания. Предварительная программа вам известна. Сегодня наше собрание почтил своим присутствием старший инспектор Морсби, став, таким образом, первым представителем Скотленд-Ярда, допущенным на собрания нашего клуба. – Он сделал паузу, пережидая очередную барабанную дробь. – Приглашая инспектора, мы ожидали от него, что, плотно поев и выпив, он размякнет и настолько утратит бдительность, что начнет делиться подробностями уголовных дел, сокрытых им в свое время от прессы...

Под усилившийся аккомпанемент портсигаров Роджер

подкрепился глотком бренди и продолжил:

– Однако, господа, должен признаться, что, достаточно хорошо зная инспектора и имея богатый опыт неудачных попыток разговорить его, я изначально не верил в успех этой затеи. Поверьте моему опыту, главный инспектор Морсби ни при каких обстоятельствах не сообщил бы нам ничего такого, что с легким сердцем не отдал бы назавтра в «Дейли курьер». К счастью или к несчастью, дамы и господа, старший инспектор Морсби являет собой образчик неподкупности. И вот, перед лицом этой суровой действительности, я взял на себя смелость повернуть течение нашего сегодняшнего заседания в иное русло. Мне в голову пришло соображение, которое, смею надеяться, будет оценено вами по достоинству. В том, что оно не оставит вас равнодушными, я уверен. – Роджер умолк и с Улыбкой оглядел присутствующих.

Старший инспектор Морсби, побагровев от натуги, изо всех сил втянул воздух сквозь снова погасшую сигару.

– Это соображение, – продолжил Роджер, – имеет самое непосредственное отношение к мистеру Грэхему Бендиксу.

За столом начали перешептываться.

– Точнее, – размеренным голосом сообщил Роджер, – к миссис Грэхем Бендикс.

Шепот смолк, и за столом воцарилась мертвая тишина. Роджер выдержал паузу и снова открыл рот:

– Многие из присутствующих лично знакомы с мистером Бендиксом. Я припоминаю, что его имя неоднократно упо-

миналось на наших собраниях как одна из достойных кандидатур в члены Клуба. Высказывалось мнение, что он в избытке обладает всеми необходимыми для этого качествами. И принадлежало это мнение, если не ошибаюсь, сэру Чарльзу.

Адвокат солидно качнул своим внушительным черепом.

– Да, помнится, я действительно говорил нечто подобное.

– На этом, однако, дело и кончилось, – продолжал Роджер. – Кандидатуру мистера Бендикса мы отклонили, и, признаться, я до сих пор не понимаю, как это вышло. Вероятно, кто-то из действующих членов Клуба воспользовался своим правом вето. Как бы там ни было, уже один факт, что кандидатура мистера Бендикса не вызвала у нас в свое время решительного отторжения, говорит о том, что и в его жилах течет кровь истинного криминалиста, а значит, постигшая его трагедия не может оставить равнодушными тех, кто его знал, да и тех, кто не был с ним знаком – как, например, я сам – лично.

– Совершенно верно! – воскликнула высокая красивая дама, сидевшая от него справа.

Она говорила с уверенностью, которая достигается привычкой говорить, когда все остальные молчат. Алисия Дэммерс, писательница, обожала всевозможные общества, организации и комитеты, методично посещая любое доступное ей заседание и с неослабевающим интересом выслушивала длинные речи ораторов, поддерживая их по мере необходи-

мости. При этом собственные ее взгляды отступали на второй план, и она с одинаковым энтузиазмом поддерживала и ярых либералов, и убежденных консерваторов.

– В общем, – заключил Роджер, – я предлагаю уделить этому делу самое пристальное внимание.

Роджеру явно удалось удивить собравшихся. Сэр Чарльз приподнял свою седую кустистую бровь. От взгляда, сверкнувшего из под этой брови, свидетели обвинения в суде сразу же начинали ежиться и менять свои показания. Затем сэр Чарльз скосил глаза на нос и раздраженно смахнул с носа золотое пенсне на черной шелковой ленточке. Сидевшая напротив него маленькая пухлая дама наклонилась к мисс Дэммерс и что-то шепнула ей, прикрыв рот ладошкой. Даму звали миссис Филдер-Флемминг. Она писала пьесы исключительно непристойного содержания, пользующиеся, благодаря этому, столь же исключительным успехом, и одевалась, как одевается на праздник прислуга из хорошего дома. Мистер Читтервик, удивительно похожий на ученого козла из сказки, недоумевающе моргал своими голубыми мутными глазками. Невозмутимым остался один только писатель, и то лишь потому, что изо всех сил старался походить на героя своих книг, который в самых критических ситуациях демонстрировал полнейшее хладнокровие.

– Сегодня утром я заглянул в Скотланд-Ярд, – продолжил Роджер. Разумеется, особого восторга моя идея там ни у кого не вызвала, но и препятствовать нам тоже никто не будет. В

общем, я получил официальное разрешение на расследование этого дела в частном порядке. Думаю, вам интересно будет узнать, что причиной, по которой я решил заняться этим делом, равно как и причиной, по которой нам это позволили, является то, Роджер сделал паузу и не спеша обвел собравшихся взглядом, – является то, что полиция отказывается от дальнейших поисков убийцы миссис Бендикс.

По комнате пронесся шквал возмущенных возгласов. Шесть пар горящих праведным гневом глаз обратились на Морсби, который, правда, этого не заметил, поскольку, поднеся сигару к уху, напряженно прислушивался, видимо надеясь уловить шорох тлеющего табака.

Роджер поспешно вскинул руку.

– Разумеется, эта информация сугубо конфиденциальна. Прошу вас держать все в строжайшем секрете. Итак... Поскольку проведенный полицией опрос свидетелей не дал ровным счетом никаких результатов, этот путь, мне думается, можно отвергнуть. Разумеется, всегда есть шанс, что неожиданно выяснятся новые подробности, но будем смотреть реальности в лицо: этот шанс абсолютно призрачен. Настолько призрачен, что даже полиция решила прекратить дело. Однако, друзья мои, наш Клуб – не полиция, и я предлагаю продолжить расследование с того самого момента, когда официальные власти от него отказались.

Снова обведя собравшихся взглядом, он с удовлетворением убедился, что скучающих или равнодушных лиц за сто-

лом больше нет. Не в силах больше удерживать себя к рамках официального тона, он горячо воскликнул:

– Да неужели же вам самим не интересно докопаться до сути? Здесь ведь не тупицы какие-нибудь собрались... Уж простите меня, Морсби, дружище. Если мы все вшестером займемся этим делом, то быть такого не может, чтобы хоть один да и не напал на след, который тщетно – чтобы не сказать бездарно – искала полиция. Нет, я в это просто не верю. Сэр Чарльз, слово за вами.

Знаменитый адвокат откашлялся.

– Ну что ж, мистер Шерингэм, идея, конечно, любопытная. Я, однако, воздержусь от более определенных высказываний до тех пор, пока не ознакомлюсь с деталями.

– А по-моему, мистер Шерингэм, – воскликнула миссис Филдер-Флемминг, которую буква закона тревожила куда меньше, – это просто гениальная идея! А давайте начнем прямо сегодня! – Ее круглые щеки зарделись от возбуждения. – Ты как, Алисия?

– Думаю, это может оказаться забавно, – сдержанно улыбнулась писательница.

– Кстати, – с ленцой бросил автор детективных романов, – могу уже предложить исходную версию.

Автора звали Перси Робинсон. Псевдоним Мортон Харроугейт Брэдли, под которым он печатался, так запал в душу наивной американской публике, что издатели, не задумываясь, заплатили ему вперед за три книги разом По каким-то

темным причинам американцы ужасно падки на пространственные и псевдоблагородные имена.

Мистер Читтервик не проронил ни слова, но его лицо озаорила мальчишеская улыбка.

– Отлично, – подытожил Роджер, – значит, договорились. Разумеется, все факты по делу должны быть общим достоянием, но, мне кажется, расследование только выиграет, если каждый займется им в одиночку, независимо от других. Сейчас наш гость изложит известные полиции факты. К сожалению, он имел лишь косвенное отношение к официальному расследованию этого дела, однако сегодня, перед тем как прийти сюда, специально заглянул в архив Скотленд-Ярда и внимательно изучил досье. Уверен, что после его доклада кое у кого из присутствующих уже появятся первые версии, поэтому предлагаю установить недельный срок для изучения фактов и детальной проработки гипотез, в течение этого срока запретить обсуждение любых связанных с этим делом вопросов внутри Клуба. Прощу заметить, что даже если мы и не раскроем преступления (вероятность чего весьма высока), то, по крайней мере, приобретем опыт, которого многим из нас так не хватает: кому в области практики, а кому и в сфере теории. Кроме того, интересно будет посмотреть, насколько далеко мы разойдемся в своих мнениях по одному и тому же вопросу. Итак, леди и джентльмены, позвольте мне поставить вопрос на голосование, или, говоря проще, ребром: вы за или против?

Выпалив все это единым духом, Роджер обессиленно рухнул в кресло. Первой подала голос Алисия Дэммерс.

– Я не совсем поняла насчет фактов, мистер Шерингэм. Мы что же, должны будем отыскивать их где-то сами, или же будем пользоваться сведениями, которые любезно согласился предоставить господин главный инспектор?

– А это уже вам решать, – ухмыльнулся Роджер. – Как говорится, дело вкуса. Собственно, именно это я и имел в виду, когда говорил о практике и теории.

– Ну конечно. У вас-то практики было побольше, чем у других, – надула губки миссис Филдер-Флемминг.

– Меньше, чем у полиции, – коротко возразил Роджер.

– В конце концов, это зависит от метода, – авторитетно заявил мистер Мортон Харроугейт Брэдли. – Если избрать дедуктивный, достаточно будет и фактов, собранных полицией. Возможно, конечно, потребуется уточнить один-два момента, но и только. Индуктивный же метод несомненно потребует серьезной работы по сбору дополнительной информации.

– Совершенно верно, – кивнул Роджер.

– Могу заметить, что дедукция на основе собранных полицией фактов всегда давала неплохие результаты, – сообщил сэр Чарльз Уайлдмен. – Этот способ позволил раскрыть многие крупные преступления. Так что лично я намерен действовать по старинке.

– В этом деле есть одна странность, – задумчиво пробор-

мотал мистер Брэдли, не обращаясь ни к кому в особенности. – Уверен, она-то и окажется ключом к разгадке. Ну конечно, как же я сразу не догадался! Это же все объясняет...

– А я, признаться, даже не знаю, с чего начать, – растерянно проговорил мистер Читтервик, но на него, как всегда, просто не обратили внимания.

– Лично меня это убийство интересует единственно потому, что в нем как будто напрочь отсутствует мотивация, – отчеканила Алисия Дэммерс, ясно давая понять, что, как только она будет обнаружена, дело потеряет для псе всяческий интерес.

– Думаю, вы измените свое мнение, услышав то, что имеет сообщить нам мистер Морсби, – мягко заметил Роджер. – Поверьте, его история сильно отличается от того, что вам известно из прессы.

– Так давайте же наконец предоставим ему слово, – нетерпеливо воскликнул сэр Чарльз.

– Значит, договорились? – Роджер повертел головой и радостно улыбнулся, точно ребенок, получивший в подарок долгожданную игрушку. – Все согласны?

В хоре согласных голосов недоставало только голоса мистера Читтервика, который с тоской спрашивал себя, как его угораздило во все это ввязаться. Он уже прочел огромное количество мемуаров, написанных самыми настоящими сыщиками, которые ходили в котелках и высоких черных сапогах (мемуары эти, появляясь на книжных прилавках по во-

семнадцать шиллингов и шесть пенсов, немедленно начинали падать в цене, уже через пару месяцев продаваясь по восемнадцать пенсов за штуку), но единственным, что он уяснил из всей этой макулатуры было то, что настоящий сыщик, желая изменить внешность, никогда не станет клеить усов, а просто-напросто сбреет уже имеющиеся. И все равно мистер Читтервик решительно не понимал, каким образом отсутствие усов может способствовать разрешению сколько-нибудь серьезной загадки.

К счастью, и без его голоса шум поднялся изрядный. Выкрики и восклицания стихли только тогда, когда старший инспектор Морсби медленно и неохотно поднялся со своего кресла.

Глава 2

Мучительно краснея, инспектор выждал, когда стихнут аплодисменты и, с благодарностью приняв предложение рассказывать сидя, поспешно плюхнулся в кресло, сразу же почувствовав себя в относительной безопасности. То и дело заглядывая в свои записи, он принялся излагать собравшимся загадочные обстоятельства гибели миссис Бендикс. Его рассказ, за вычетом бесчисленных пауз и отступления, свелся примерно к следующему:

В пятницу пятнадцатого ноября около половины одиннадцатого утра Грэхем Бендикс заглянул в свой излюбленный клуб «Радуга» на Пикадилли и спросил у швейцара почту. Получив у последнего письмо и несколько рекламных проспектов, он прошел в зал и устроился у камина, чтобы в спокойной обстановке просмотреть корреспонденцию. Почти одновременно с ним появился сэр Юстас Пеннфазер, человек уже немолодой и большую часть своего времени проводящий именно в «Радуге». При появлении сэра Юстаса швейцар привычно взглянул на часы, отметив, что тот, как всегда, точен. Была ровно половина одиннадцатого. Именно благодаря показаниям швейцара и удалось установить точное время, когда было совершено преступление.

Сэр Юстаса дожидались три письма и небольшой пакет. Взяв почту, он прошел в зал и устроился у камина неподале-

ку от мистера Бендикса, небрежно кивнув тому головой, поскольку близко знакомы джентльмены не были и за всю свою жизнь едва ли обменялись десятком слов. Этим утром они оказались в клубе одни.

Повертев в руках письма, сэр Юстас вскрыл пакет и раздраженно фыркнул. Мистер Бендикс выразил умеренный интерес, и сэр Юстас протянул ему находившееся в пакете письмо, мрачно бубня что-то про возмутительность методов современной рекламы. Изюм всех сил стараясь не улыбнуться (в клубе наотрез отказывались воспринимать сэра Юстаса всерьез), мистер Бендикс прочел письмо. Послание уведомляло о том, что компания «Мейсон и сыновья», мировой лидер в производстве шоколада, только что выпустила новый сорт шоколадных конфет с ликером, позиционированных как «Лакомство для Тонких Ценителей». Уверенные, что сэр Юстас как раз таковым и является, Мейсон и сыновья просили оказать им честь, приняв в дар приложенную к письму коробку конфет стоимостью один фунт, и, откушав их, не отказать в любезности сообщить им свое мнение – каким бы оно ни оказалось – в письменной форме.

– Да за кого они меня принимают? – бушевал сэр Юстас, натура взрывная и холерическая. – Или они думают, я не могу купить себе конфет? Отзыв! Да идут они к чертовой матери со своим отзывом! Я буду жаловаться в правление. Я хочу, чтобы меня оградили от этой гадости раз и навсегда. Хотя бы в своем собственном клубе!

Здесь следует заметить, что клуб «Радуга» был заведенным в высшей степени дорогим, престижным и элитарным, ведущим свою родословную от одноименной кофейни, основанной еще в одна тысяча семьсот тридцать четвертом году. Такой преемственности могли бы позавидовать и многие члены королевских фамилий.

– Тон, надо признать, и впрямь довольно дурной, – согласился мистер Бендикс. – Однако эти конфеты мне кое о чем напомнили. Я ведь как раз задолжал жене коробку. Вчера в театре мы поспорили, что она ни за что не угадает убийцу до конца второго акта: коробка шоколадных конфет против сотни сигар. Так вот она, представьте себе, угадала. Кстати, вполне приличная постановка... «Скрипящий череп». Не смотрели?

– Еще не хватало! – взорвался сэр Юстас. – У меня, слава богу, есть дела поважнее, чем смотреть, как размалеванные паяцы палят друг в друга из бутафорских ружей. Так вам, что же, конфеты нужны? Так забирайте эти, глаза б мои на них не глядели.

Фунтом стерлингов больше, фунтом меньше – для мистера Бендикса это не имело ровно никакого значения. Карманных денег, которые при нем были, с лихвой хватило бы на сотню таких коробок. Другое дело, что искать их и, тем более, покупать, ему было решительно лень.

– Вы уверены, что они не пригодятся вам самому? – спросил поэтому он.

В ответ сэр Юстас злобно пробурчал себе под нос что-то неразборчивое. Мистер Бендикс разобрал лишь слово «черт», зато разобрал его несколько раз, и, уяснив общий смысл высказывания, поблагодарил сэра Юстаса и забрал рюкзачную коробку.

Тот в сердцах сунул ему заодно сопроводительное письмо, пакет и даже тесемку, которой он был перевязан – случайность тем более счастливая, что минутой раньше он уже бросил в камин конверты от прочитанных писем.

Мистер Бендикс, в свою очередь, всучил все это швейцару, собираясь забрать конфеты чуть позже. Коробку швейцар припрятал, а пакет от нее швырнул в корзину для мусора. Туда же полетело и сопроводительное письмо, которое мистер Бендикс обронил, а швейцар поднял. Позднее все это было благополучно извлечено из корзины полицией как единственные улики, имеющие непосредственное отношение к убийству.

Что касается действующих лиц, самой колоритной фигурой был, вне всякого сомнения, сэр Юстас. В свои неполные пятьдесят лет он удивительно напоминал стареющего фермера: тяжелое красное лицо, мощная приземистая фигура и грубоватые манеры. Сходство усиливалось тем, что с годами У него чудовищно охрип голос, что случается обычно либо от виски, либо от увлечения охотой. В случае сэра Юстаса справедливо было второе, но, если настоящие фермеры тешили себя охотой на лис, сэр Юстас предпочитал го-

няться за юбками. Сказать по правде, манеры и стиль жизни сэра Юстаса оставляли желать лучшего. Но, поскольку грешил он с размахом, ему все прощали (исключение составляли несколько обманутых мужей и два-три несчастных отца). Женщины же просто таяли, когда он принимался нашептывать им двусмысленности своим низким и хриплым голосом.

На таком фоне мистер Бендикс выглядел как-то даже невзрачно. Это был высокий, темноволосый и вполне еще молодой человек лет двадцати восьми, которого можно было бы назвать обаятельным, если бы не его замкнутость и молчаливость. В отношениях с людьми он никогда не выходил за рамки сдержанного, но прохладного дружелюбия.

Его отец, скончавшийся лет пять назад, сколотил крупное состояние, скупая по бросовой цене никому до времени не нужные земельные участки. Мистер Бендикс-старший действовал с дальним прицелом, прекрасно понимая, что когда-нибудь это время придет, и тогда его земля будет стоить в десятки раз больше. «Сиди и жди, когда тебе начнут нести деньги», – было его девизом и, как показало время, девизом мудрым. Теперь его сын мог припеваючи жить на одни проценты с капитала. Следует отдать должное мистеру Бендиксу, он не стал этого делать, а пустил деньги в оборот. Вероятно, азарт был у него в крови, а бизнес, как известно, самая азартная игра на свете. Говорят также, деньги идут к деньгам – в случае мистера Бендикса эта примета работала в полной мере. У него был унаследованный капитал, у него была де-

ловая хватка, позволившая этот капитал Увеличить, и, наконец, у него была богатая жена. Дочь покойного судовладельца из Ливерпуля, она принесла мужу полмиллиона фунтов в качестве приданого. Впрочем, его интересовала именно она, а не ее деньги. Друзья говорили, что он женился бы на ней, даже будь она нищей.

Миссис Бендикс подходила ему идеально. Она была высокой, красивой, образованной и очень серьезной девушкой как раз в том возрасте, когда характер уже окончательно сложился и можно больше не бояться сюрпризов (три года назад, когда они поженились, ей было двадцать пять). Может быть, она была даже немного чересчур серьезной. Впрочем, женившись, мистер Бендикс тоже изрядно остепенился. Люди, хорошо его знавшие, говорили, что он изменился до неузнаваемости. Он провел весьма бурную молодость; разумеется, не миновал и театральных кулис, его имя частенько мелькало в светской хронике рядом с именами веселых особ сомнительного поведения. Похождений своих мистер Бендикс никогда особенно не скрывал, поскольку никогда их особенно и не стыдился – обычное дело, когда лет еще так мало, а денег уже так много. Все это прекратилось в один день, стоило ему жениться.

Бендикс боготворил свою жену и не скрывал этого. Она отвечала ему со взаимностью, хотя, в силу своего темперамента, возможно, и чуть менее пылко. Одним словом, супруги Бендикс сумели сотворить восьмое чудо света – счастли-

вый брак. И теперь это чудо было разрушено обыкновенной коробкой конфет.

Отдав коробку швейцару, продолжал Морсби, сверяясь со своими записями, мистер Бендикс вернулся в гостиную. Сэр Юстас все еще сидел у камина, погрузившись в «Морнинг пост».

Роджер улыбнулся: разумеется, такой человек, как сэр Юстас, не мог читать ничего иного.

Мистер Бендикс от нечего делать взялся за последний номер «Дейли телеграф». Это был дождливый ноябрьский день, никаких деловых встреч у мистера Бендикса намечено не было, и он провел все утро в клубе, листая журналы и играя в бильярд с такими же скучающими господами. Около половины первого, прихватив с собой конфеты, он отправился к себе домой на Итон-сквер обедать.

Миссис Бендикс, вопреки ожиданиям, оказалась дома, поскольку встреча, на которую она собиралась, сорвалась. После обеда, когда супруги пили кофе в гостиной, мистер Бендикс вспомнил про коробку, принес ее из холла жене и рассказал, каким образом она к нему попала. История очень насмешила миссис Бендикс, хотя она и уверяла в шутку, что муж просто решил на ней сэкономить. Как и любая женщина, миссис Бендикс не устояла перед конфетами и сразу открыла коробку.

– «Кюммель», «Кирш» и «Мараскине», – разочарованно протянула она, быстро пересмотрев серебряные обертки с

красивыми надписями. – И больше ничего. Ни одной новой начинки, Грэхем. Они просто насыпали сюда разных конфет, которые давно уже производят.

– Да? – рассеянно переспросил мистер Бендикс, не очень любивший сладости. – Я, признаться, думал, что все конфеты с ликером одинаковые.

– Хоть бы коробку сделали новую! – недовольно проговорила жена.

– Это же образец, – напомнил ей мистер Бендикс. – Наверное, они еще не успели.

– Уверена, они и на вкус ничем не отличаются от обычных. – заявила его жена, разворачивая «Кюммель». – Хочешь?

– Нет, дорогая, спасибо, – отказался мистер Бендикс. – Ты же знаешь, я не люблю конфет.

– Тем более. Будет тебе наказанием. Сэкономил на них, вот теперь и расплачивайся. Держи!

Она бросила ему конфетку и скорчила недовольную гримаску.

– Ой! Похоже, я ошибалась. Эти совсем другие. Начинка раз в двадцать крепче.

– С чего это они, интересно, так расщедрились? – усмехнулся Бендикс, вспоминая сладкую жижицу, которую «Мейсон и сыновья» упрямо выдавали за ликер.

Он развернул пойманную конфету, положил ее в рот и раскусил, тут же почувствовав не то чтобы неприятное, но

вполне осязаемое жжение.

– Ничего себе! – воскликнул он. – Они, что же, спирта туда налили?

– Это, конечно, вряд ли, – отозвалась его жена, разворачивая очередную конфету, – но ликер действительно какой-то очень уж крепкий. Ух ты! Прямо обжигает. Даже не пойму, нравятся они мне или нет. Тебе не кажется, что «Кирш» чересчур отдает миндалем? Попробуй теперь «Мараскине».

Бендикс покорно разжевал еще одну конфету. Она понравилась ему еще меньше, чем первая.

– Забавно, – проговорил он, трогая кончиком языка нёбо. – у меня даже язык немного онемел.

– У меня тоже так сначала было. А сейчас только пощипывает. И между прочим, что-то я не заметила особой разницы. Они так жгутся, что никакого вкуса не разберешь.

– А по-моему, самая настоящая гадость, – проговорил мистер Бендикс. – На твоём месте я бы их больше не ел.

– Наверное, экспериментальная партия, – вздохнула его жена.

Вскоре мистер Бендикс отправился в Сити на деловую встречу. Когда он уже уходил, жена, задумчиво разглядывавшая очередную конфету, сказала ему, что так обожгла язык, что, наверное, больше уже не будет.

– Мистер Бендикс очень хорошо запомнил эту фразу, – сказал Морсби, обводя собравшихся взглядом, – поскольку это было последнее, что она сказала ему в этой жизни.

Мистер Бендикс вышел из дома между четвертью и половиной третьего. В три он уже был на встрече. Еще через полчаса, покончив с делами, он взял такси и отправился в клуб выпить чаю.

В такси ему стало настолько плохо, что шофер позвал на помощь швейцара, и уже вдвоем они вывели мистера Бендикса из машины. Оба потом вспоминали, что он был мертво-бледен, его глаза остекленели, губы посинели, а на лбу выступила испарина. Тем не менее он был в полном сознании и, оказавшись у дверей клуба, сумел самостоятельно дойти до гостиной, опираясь на руку швейцара.

Напуганный его видом, швейцар хотел было послать за врачом, но мистер Бендикс, не любивший повышенного внимания к своей персоне, категорически запретил, заявив, что он просто съел что-то не то и скоро все пройдет само. Швейцара это, понятно, не успокоило, но врача он вызывать не стал.

Спустя несколько минут мистер Бендикс уже жаловался на свое недомогание сэру Юстасу, который так и сидел в клубе с самого утра.

– Начинаю подозревать, что это все из-за ваших конфет. Уж больно странный у них был вкус. Надо бы позвонить жене – узнать, как она.

Мысль, что он мог оказаться причиной, пусть и косвенной, болезни мистера Бендикса, сэру Юстасу совсем не понравилась. Однако человек он был по природе отзывчивой,

а выглядел мистер Бендикс и впрямь скверно. Поэтому сэр Юстас, не колеблясь, вызвался сходить и позвонить миссис Бендикс, поскольку ее муж был явно не в состоянии добратся до телефона. Сэр Юстас уже вставал, когда тело мистера Бендикса, бессильно обмякшее в кресле, вдруг резко выгнулось, пальцы рук изо всех сил вцепились в подлокотники, челюсти сжались, а лицо исказилось в мучительной судороге. От него вдруг резко запахло миндалем.

Сэр Юстас с ужасом понял, что мистер Бендикс умирает, причем умирает прямо у него на глазах. Он дико закричал (такого крика стены клуба не слышали за всю историю его существования), и находившиеся в помещении члены клуба бросились ему на помощь. Один из них побежал за швейцаром, чтобы тот, не медля, искал врача, а остальные вместе с сэром Юстасом остались возле корчившегося в конвульсиях мистера Бендикса, пытаясь хоть как-то облегчить его страдания. В том, что причиной судорог является сильнейшее отравление, никто как будто и не сомневался. Сам мистер Бендикс то ли не слышал обращенных к нему вопросов, то ли был не в состоянии на них ответить. Позже выяснилось, что он попросту был без сознания.

Еще до появления врача позвонил перепуганный лакей Бендиксов, который разыскивал хозяина, чтобы тот поспешил домой, поскольку «хозяйке вдруг стало совсем плохо».

Сцена, разыгравшаяся на Итон-сквере, сильно напоминала произошедшее в клубе, но закончилась гораздо быстрее.

После ухода мужа миссис Бендикс еще немного посидела в гостиной и съела не то три, не то четыре конфеты. Затем она поднялась к себе в спальню, позвонила горничной и, когда та явилась, сказала ей, что скверно себя чувствует и немного вздремнет. Точно так же, как и ее муж, она добавила, что, должно быть, съела что-то не то.

Горничная принесла ей подогретое питье с содой и висмутом и, оставив бутылку у постели, ушла. Позже, когда она рассказывала, как выглядела ее хозяйка, симптомы полностью совпали с теми, которые наблюдали швейцар и таксист у мистера Бендикса. К несчастью, в отличие от них, горничную эти явные признаки отравления несколько не насторожили. С ее собственных слов, она решила, что миссис Бендикс «опять обожралась за обедом, потому, что при всей своей скаредности уж в чем в чем, а в еде она себе никогда не отказывала».

В четверть четвертого по дому разнесся отчаянный звон колокольчика. Поспешив наверх, горничная обнаружила свою хозяйку лежащей на кровати без сознания. Девушка так перепугалась, что потратила еще сколько-то времени, пытаясь привести хозяйку в чувство. Убедившись, что это невозможно, она бросилась звонить семейному врачу Бендиксом. Того не оказалось дома, и у горничной началась истерика. Драгоценное время уходило. Наконец крики горничной услышав лакей и, оценив обстановку, вызвал другого врача. Когда тот приехал, с момента начала припадка про-

шло более получаса. Спасти миссис Бендикс было уже нельзя. Через десять минут после приезда врача она впала в кому. Когда лакей Бендиксов звонил в «Радугу», она уже была мертва.

Глава 3

На этом месте Морсби прервался, чтобы слушатели могли перевести дух и осмыслить услышанное. Впрочем, до сих пор он не сообщил им ничего такого, о чем они не могли узнать из газет. Их, само собой, больше интересовали результаты официального расследования, о которых в прессу не просочилось ни слова.

Морсби, отлично чувствующавший нетерпение слушателей, не стал затягивать паузу и, улыбнувшись, продолжил рассказ.

– Прошу извинить меня, леди и джентльмены, за то, что я рассказываю факты, которые вам и без того прекрасно известны. Поверьте, это было необходимо для того, чтобы у вас сложилась полная картина случившегося. Итак, все вы знаете, что мистер Бендикс выжил. Во-первых, он съел только две конфеты, в отличие от своей жены, которая проглотила шесть и погибла, и, во-вторых, ему попался хороший врач. Впрочем, в случае с миссис Бендикс от врача уже ничего не зависело. В организм же мистера Бендикса попало значительно меньше яда и отравление развивалось медленнее, благодаря чему у врача было время его спасти. В тот момент, кстати, врач еще не знал, какое именно вещество стало причиной отравления. Исходя из общих симптомов и специфического запаха миндаля, он лечил мистера Бендикса от

отравления синильной кислотой, но, поскольку не был полностью уверен в диагнозе, добавил в лекарство некоторые другие противоядия. Вскоре удалось выяснить, что доза яда все-таки не смертельна, а ближе к вечеру мистер Бендикс, которого перенесли в один из номеров клуба, уже пришел в сознание. На следующий день он пошел на поправку.

Поначалу, – продолжал Морсби, – в Скотленд-Ярде содалось впечатление, что смерть миссис Бендикс и тяжелейшее, с угрозой для жизни отравление ее мужа явились результатом чудовищного несчастного случая. Полиция взялась за дело сразу, как только ей было сообщено о смерти женщины, наступившей вследствие отравления ядом. Вслед за тем в клуб «Радуга» прибыл инспектор местной сыскной полиции, и, когда Бендикс пришел в себя, он, получив на то специальное разрешение врача, задал больному ряд вопросов. Инспектор, разумеется, утаил от Бендикса смерть жены – состояние больного оставалось тяжелым. Вопросы касались только самого Бендикса, поскольку было очевидно, что оба случая взаимосвязаны, и если бы удалось пролить свет на обстоятельства отравления мужа, то было бы легче выяснить, при каких обстоятельствах произошло отравление жены. Инспектор без обиняков объявил Бендиксу, что его отравили, и заставил его сосредоточиться и вспомнить, что он ел и в чем, по его мнению, мог содержаться яд. Через короткое время Бендикс вспомнил про шоколадки. Он рассказал, как они жгли рот, и добавил, что он уже говорил сэру Юстасу,

что ему стало плохо, по всей видимости, от шоколада. Инспектор об этом уже знал.

Пока Бендикс приходил в себя, инспектор брал показания у людей, которые видели Бендикса и разговаривали с ним, начиная с момента его появления в клубе во второй половине дня. Инспектор побеседовал со швейцаром и попросил своих подчиненных разыскать шофера такси: говорил он и с теми членами клуба, которые были с Бендиксом, когда он, уже почувствовав дурноту, находился в гостинной. Тогда-то сэр Юстас и сообщил инспектору, что сказал Бендикс о шоколадках.

Но в первый момент инспектор не придал большого значения этим словам. Формальности ради, он попросил сэра Юстаса поподробнее описать весь эпизод, а затем, следуя предписаниям, проверил содержимое мусорной корзины, откуда были извлечены пакет от коробки конфет и сопроводительное письмо фирмы. И опять-таки, соблюдая формальности в ходе первых шагов расследования, еще не очень ясно представляя себе, какое это имеет значение, он обратился с теми же вопросами к Бендиксу, и тот рассказал ему, как они с женой после обеда ели конфеты и что жена еще до того, как Бендикс ушел из дома, успела съесть больше него. Теперь инспектору было все ясно.

Но тут вмешался врач, и инспектор вынужден был оставить больного. Он тотчас же позвонил коллеге, который в это время работал в доме Бендиксов, и велел ему Немед-

ленно взять в гостиной коробку с шоколадными конфетами, где они, по-видимому, до сих пор находились; одновременно он просил коллегу сосчитать, сколько шоколадок в коробке не доставало. Тот ответил, что девяти или десяти. По словам Бендикса получалось, что должно было не хватать шести или семи. Инспектор тут же позвонил в Скотленд-Ярд и с точностью изложил сведения, которые только что получил.

Теперь все внимание следствия было устремлено на шоколадки. В тот же вечер они были доставлены в Скотленд-Ярд и срочно отправлены в лабораторию на анализ.

Так что врач был недалеко от истины – в шоколадках оказался нитробензол, а не масло горького миндаля. Но, как я понимаю, между тем и другим ядом различия почти нет. Леди и джентльмены, кое-кто из вас, возможно, изучал химию и знает достаточно о химикатах, а поэтому вам должно быть лучше известно, что этот химикат иногда используется в производстве дешевых кондитерских изделий (хотя последнее время реже), в которых необходим привкус миндаля. Он заменяет масло горького миндаля, которое – стоит ли об этом вам говорить – тоже является сильнодействующим ядом. В промышленности нитробензол обычно применяется в производстве анилиновых красителей.

Получив предварительный результат анализа, – продолжал Морсби, – в Скотленд-Ярде утвердились в правильности первоначальной версии, что причиной смерти женщины явился несчастный случай. Точно было установлено, что

отравление произошло ядом, используемым в производстве шоколадных конфет и других кондитерских изделий. По всей вероятности, была совершена страшная технологическая ошибка. Заключалась ошибка в том, что, используя это вещество в малых дозах в качестве заменителя натуральных ликеров, фирма переусердствовала в дозе. Предположение было подтверждено фактом. Дело в том, что все три вида конфет: «Мараскине», «Кюммель» и «Киш» в той или иной степени имеют привкус миндаля.

Но прежде чем полиция занялась фирмой, приславшей шоколад, с целью получить объяснения по делу, всплыли и некоторые другие факты. Было обнаружено, что только верхний слой конфет содержал яд. Шоколадки в нижних слоях коробки яда не содержали. Более того, ликерная начинка в каждой шоколадке нижних слоев строго соответствовала надписи на серебряной обертке, тогда как в верхнем слое, помимо яда, каждая конфетка содержала смесь всех трех вышеназванных ликеров. То есть ни в одной шоколадке, обозначенной, например, «Мараскине», не содержался только один этот ликер плюс яд. Интересно и то, что в нижних слоях коробки шоколадок с надписями «Мараскине», «Киш» и «Кюммель» вообще не было.

Более подробная химическая экспертиза выявила и другой интересный факт. Каждая конфета в верхнем слое, кроме смеси трех ликеров, содержала ровно шесть единиц нитробензола, не больше и не меньше. Полость конфеты вме-

щала достаточное количество ликерной смеси, оставляя место для определенного количества ядовитого вещества. Это говорило о многом. Еще красноречивее был тот факт, что в доньшке каждой отравленной конфеты удалось обнаружить следы просверленных отверстий, которые потом были залеплены растаявшей шоколадной крошкой.

В конце концов полиции стало ясно, что они имеют дело с тяжким преступлением.

Судя по всему, покушались на жизнь сэра Юстаса Пэнн-фазера. С этой целью убийца купил коробку шоколада с ликером фирмы «Мейсон и сыновья»; из всех шоколадок в коробке выбрал шоколадки с ликерами, которые имели привкус миндаля, чтобы ввести в заблуждение свою будущую жертву; просверлил дырочку в каждой шоколадке и освободил ее полость от начинки; ввел в отверстие, возможно пипеткой для авторучек яд, причем равное количество в каждую шоколадку; добавил в полость смесь из ликерной вытяжки; тщательно заделал дырочку и снова завернул шоколадки в серебряную обертку. Скрупулезнейший труд, тончайшим образом выполненный.

Теперь на первый план выплыли такие вещественные улики, как пакет, в котором коробка была доставлена в клуб, и вложенное в него письмо. Так что инспектор, который в свое время сообразил извлечь и то и другое из мусорной корзины, мог себя мысленно поздравить. Потому что вместе с коробкой и оставшимися шоколадками полиция получила

единственные три улики, которые должны были фигурировать как вещественное доказательство в намечавшемся деле о преднамеренном убийстве.

Старший инспектор, отныне самолично ведущий дело, прихватил с собой весь вещественный материал и явился к директору фирмы «Мейсон и сыновья». Не сообщая последнему ни об обстоятельствах дела, ни о том, как в полицию попали эти предметы, он положил письмо на стол перед директором и попросил дать объяснения касательно некоторых вопросов, связанных с письмом. Например, он спросил директора, сколько подобных писем было разослано, знает ли кто-нибудь об этом письме и через чьи руки могла быть отправлена коробка, предназначавшаяся для сэра Юстаса.

Полиция наверняка рассчитывала удивить мистера Мейсона. Но результат получился совсем обратный – мистер Мейсон сам не то что удивил, он прямо-таки привел полицию в замешательство.

– Ну, так что вы на это скажете, сэр? – Старшему инспектору стало казаться, что мистер Мейсон будет разглядывать письмо целый день.

Мистер Мейсон оторвался от письма и навел линзы своих очков прямо на старшего инспектора. Он был маленький, довольно злобный старикашка, который провел детство в трущобах Хаддерсфилда и не хотел, чтобы кто-нибудь об этом забывал.

– Откуда у вас эта хреновина? – наконец спросил он. Сле-

дует учесть, что пресса тогда еще не успела разноухать о сенсационном характере смерти миссис Бендикс.

– Я прибыл к вам, – ответил старший инспектор с достоинством, – чтобы спросить, кто отсылал это письмо, а не для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство, рассказав, как оно ко мне попало.

– Тогда катитесь к дьяволу, – решительно отрезал мистер Мейсон. – Вместе со своим Скотленд-Ярдом, – добавил он после некоторого размышления.

– Предупреждаю вас, сэр, – напустив на себя важность, чтобы старик не заметил его замешательства, строго произнес старший инспектор, предупреждаю, что ваш отказ отвечать на мои вопросы может повлечь за собой серьезные для вас последствия.

Но угроза, таившаяся в словах полицейского, не только не напугала мистера Мейсона, она привела его в еще большую ярость.

– А ну шлепай из моей конторы, – ответил он на своем родном диалекте. Ты что, пьяный? Или так, валяешь дурака? Мы таких писем сроду не посылали, так что отваливай.

Вот тогда-то старший инспектор и удивился всерьез.

– Не посылали? Ваша фирма не посылала этого письма? – он был потрясен. Такое и в голову прийти не могло. – Что же, оно – фальшивое?

– А я толкую о чем? – огрызнулся старик, злобно уставившись на старшего инспектора из-под нависших бровей. Но

ошеломленный вид полицейского его немного смягчил.

– Сэр, я вынужден попросить вас как можно полнее ответить на мои вопросы. Я расследую дело об убийстве, – полицейский помолчал, обдумывая, чем пронять старика – Беда в том, что убийца, чтобы прикрыть свое злодеяние воспользовался добрым именем вашей фирмы.

Довод действительно возымел действие.

– Ух и прохвост, истинный дьявол! – завопил старик. – Провалиться ему, душегубу! Давай, парень, спрашивай, о чем только хочешь, все как есть выложу.

Контакт таким образом был установлен, и старший инспектор принялся за работу.

Дальше с каждой минутой настроение его падало и падало. Дело, которое не стоило выеденного яйца, усложнялось и усложнялось. Он понимал, что предстоит очень трудная работа. Раньше он полагал (и его начальство было с ним согласно), что преступление было совершено по злему побуждению. Например, кто-то в фирме «Мейсон» мог затаить обиду против сэра Юстаса. В его (а скорее всего, как решил старший инспектор, – в ее) руки попала коробка конфет и письмо, ему адресованное. Возможность представилась сама собой, средством был избран нитробензол, которого на фабрике хватало, только протяни руку, затем последовал результат. В этом случае преступника можно было бы выследить с легкостью.

Теперь же обнаруживалось, что с этой симпатичной вер-

сией придется распрощаться. Во-первых, потому, что фирма письма не посылала; во-вторых, никакого нового сорта шоколадных конфет фирма не выпускала, а если это имело место ранее, то рассылка образцов по частным адресам не практиковалась, и письмо, следовательно, было чистой подделкой. Но, с другой стороны, бланк фирмы (последний аргумент в пользу прежней версии), на котором кто-то напечатал письмо, по утверждению старика, был подлинным. Точно он сказать не мог, но был почти уверен, что бланк был из старых запасов, которые уже полгода как кончились. Название фирмы могло быть подделано, но он в этом сомневался.

– Полгода назад? – Инспектор был озадачен.

– Около того, – подтвердил старик и вытащил из конторки листок бумаги. Теперь в ходу такие.

Инспектор рассмотрел новый бланк. Разница была очевидна. Бумага была тоньше и больше блестела. Но штамп фирмы выглядел так же, как на старом бланке. Инспектор записал адрес типографии, в которой печатались бланки.

К несчастью, в фирме старых бланков не осталось. Мистер Мейсон все перерыл, но не обнаружил ни одного.

– Должен вам сказать, – рассуждал Морсби, сидя в удобном кресле в обществе членов Клуба криминалистов, – до этого мы установили, что бланк, на котором было напечатано письмо, не из новых, о чем свидетельствуют пожелтевшие края. Сейчас я передам его по кругу, и вы все сможете в этом удостовериться. Только прошу обращаться с ним поаккурат-

нее.

Листок бумаги, которого касалась рука убийцы, пошел по кругу, переходя от одного будущего сыщика к другому.

– Короче говоря, – продолжал Морсби, – мы обратились в типографию Вэбстера на Фрит-стрит, где бланк был тщательно изучен работниками типографии, после чего они готовы были поклясться, что это их печать. Значит, бланк настоящий, не поддельный, а это усложняет дело.

– Вы хотите сказать, – решил высказать свое веское мнение сэр Чарльз, что, будь название фирмы скопировано другой типографией, фальсификатора можно было бы сравнительно легко обнаружить?

– Совершенно верно, сэр Чарльз. В том случае, если это не маленькая частная типография. Но и ее можно было бы выявить. Однако при создавшемся положении единственное, что мы можем предположить, – это то, что убийцей является лицо, которое имело доступ к мейсоновским бланкам полгода назад. Сами понимаете, таких лиц необъятное множество.

– Вы считаете, что бланк был выкраден с намерением использовать его так, как он был использован? – спросила Алисия Дэммерс.

– Именно так, мадам. Но что-то задержало убийцу на полгода, или он выжидал.

Что касается пакета, в котором коробка была доставлена, то тут мистер Мейсон ничего не мог прояснить. Пакет был из обыкновенной тонкой коричневой бумаги, какую можно ку-

пить в любом магазине; на лицевой стороне пакета большими печатными буквами аккуратно были выведены имя и фамилия сэра Юстаса и его адрес. Из этого ровно ничего полезного для следствия извлечь было нельзя. На почтовой марке значилось, что пакет был отправлен из почтового отделения на Саутгэмптон-стрит, в Стрэнде, в девять тридцать вечера.

– Почту вынимают из ящика в восемь тридцать и затем в девять тридцать, – объяснил Морсби. – Следовательно но, пакет был опущен в этот промежуток времени. По размеру он был невелик и вполне пролезал в щель для писем. Стоимость марки соответствует роду корреспонденции. Почта в это время уже была закрыта, поэтому через служащего почты, принимающего письма, пакет не мог быть отправлен. Пожалуйста, можете на него взглянуть, если вам интересно.

Пакет из коричневой бумаги пошел по рукам вслед за письмом.

– Вы не захватили с собой коробочку с уцелевшими шоколадками? – спросила миссис Филдер-Флемминг.

– Нет, мадам. Коробка была самая обыкновенная, мейсоновская, а шоколадки все до одной пошли на экспертизу.

– Ах, как жаль! – огорчилась миссис Филдер-Флемминг. – Я подумала, на них могли остаться отпечатки пальцев.

– Мы уже собрали отпечатки пальцев, – не дрогнул Морсби.

Пока все с мрачным видом разглядывали пакет, в комнате царило молчание.

– Естественно, мы попытались выяснить, не заметил ли кто из прохожих человека, опускавшего пакет в почтовый ящик на Саутгэмптон-стрит между восемью тридцатью и девятью тридцатью вечера, – продолжал Морсби, – но безрезультатно. Кроме того, мы попытались деликатно выяснить у самого сэра Юстаса, могло ли кому-то понадобиться лишиться его жизни и кто мог быть тот человек. Сэр Юстас сказал, что не имеет ни малейшего понятия. Конечно, как положено в делах такого рода, мы начали с вопроса: кому была бы на руку смерть сэра Юстаса? Но путного ответа так и не получили. Большая часть его имущества должна отойти его жене, возбудившей против него бракоразводное дело. Но ее в настоящее время нет в стране. Мы проверили ее местонахождение, и она как подозреваемое лицо полностью отпадает. Уж не говоря о том, что она очень милая женщина.

Последняя фраза Морсби прозвучала как-то совсем не профессионально.

– Что же касается фактов, – подвел он итог, – то нам известно лишь следующее: шесть месяцев назад убийца имел связь с фирмой «Мейсон и сыновья» и находился вечером за день до убийства между половиной девятого и половиной десятого на Саутгэмптон-стрит. И все. Боюсь, мы зашли в тупик.

Морсби не стал добавлять, что в таком же тупике оказались и члены Клуба криминалистов, сидевшие вокруг него, но он явно это подразумевал.

Все молчали.

– И это все? – спросил наконец Роджер.

– Все, мистер Шерингэм, – ответил Морсби.

Снова молчание.

– Я полагаю, полиция должна иметь свою версию, или, может быть, я не прав? – равнодушно, как бы ни к кому не обращаясь, заметил мистер Мортон Харроугейт Брэдли.

Морсби молчал, размышляя о чем-то своем.

– Ладно уж, Морсби, выкладывайте, – подбодрил его Роджер. – Совсем простая версия. Она мне уже известна.

– Ну хорошо, – сказал Морсби, воодушевляясь. – Мы склонны думать, что преступление – дело рук сумасшедшего или какого-нибудь душевнобольного, которого сэр Юстас, возможно, и не знает. Видите ли... – на лице Морсби отразилось некоторое замешательство. – Видите ли... – продолжал он, собравшись с духом, – сэр Юстас ведет такой образ жизни... как бы это сказать – вызывающий, прошу прощения за резкое слово. Мы в Скотленд-Ярде пришли к заключению, что с ним решил свести счеты какой-нибудь маньяк на религиозной или на политической почве, чтобы избавить от него мир. Как вам известно, некоторые истории такого рода нашумели в обществе. Или это просто душевнобольной, одержимый маниакальной идеей убивать людей на расстоянии, такие бывают. Вспомните дело Хорвуда, например. Неизвестный безумец послал отравленные шоколадные конфеты самому комиссару полиции. Дело привлекло боль-

шее внимание публики. Нам думается, что данный случай является аналогичным делу Хорвуда. Часто какое-то выдающееся дело становится прототипом преступления, которое повторяет все его эпизоды. Я полагаю, вы это и без меня хорошо знаете. Такова наша версия. И если она соответствует действительности, полиция имеет те же шансы задержать преступника, что и... что и...

– Что и мы, – подсказал Роджер.

Глава 4

Морсби ушел, а заседание Клуба продолжалось. Было что обсудить. Каждый в разнообразных вариантах выдвигал свои соображения, предположения, версии.

Но в одном все были единодушны: полиция ведет расследование в ложном направлении. Версия, которую поддерживает полиция, по всей вероятности, ошибочна, убийство не было случайным поступком случайного сумасшедшего. Кто-то с большой методичностью подготовил уход сэра Юстаса из этой жизни, причем был движим совершенно четким мотивом. Как все случаи, связанные с убийством, и этот требовал *cherchez le motif*, то есть надо было выявить мотив преступления.

Пока члены Клуба горячо обсуждали свои разнообразные версии, Роджер уверенно вел собрание, по мере необходимости смягчая острые углы. Суть эксперимента, не раз возвращался он к своей мысли, в том, чтобы каждый вел расследование самостоятельно, опираясь только на собственную интуицию, не используя чужих догадок, с тем чтобы в конце концов сформировать свою версию, которую затем и должен был обосновать.

– Позвольте, а разве нам не следует обмениваться теми свежими сведениями, которые может добыть каждый из нас, мистер Шерингэм? – пробасил сэр Чарльз. – Я бы со своей

стороны предложил, не в ущерб самостоятельным усилиям, сразу выносить новенькие факты на всеобщее обсуждение. Это давало бы пищу для ума и не носило бы характер скучного состязания на звание лучшего сыщика.

– Несомненно, ваша точка зрения имеет свои достоинства, сэра Чарльз, – согласился с ним Роджер. – Я и сам немало размышлял по этому поводу. Но мне кажется, что было бы лучше, если бы каждый из нас держал обнаруженные им новые факты пока в тайне – прямо начиная с сегодняшнего вечера. Видите ли, в нашем распоряжении решительно все факты, которые удалось собрать полиции. Вряд ли мы обнаружим что-то существенное, что наведет нас на след преступника, скорее всего так, две-три незначительные подробности, зато они помогут любому, кто их обнаружит, построить интересную версию, а в этом и есть суть нашей задачи.

Сэр Чарльз хмыкнул, выражая свое сомнение.

– Я бы предложил поставить вопрос на голосование, – внушительно произнес Роджер.

Состоялось голосование. Сэр Чарльз и миссис Филдер-Флемминг голосовали за то, чтобы новые факты сразу становились предметом обсуждения в Клубе; мистер Брэдли, Алисия Дэммерс, мистер Читтервик (после долгих колебаний) и Роджер голосовали против.

– Итак, решено, что новые факты держим в тайне, – подытожил Роджер и мысленно засек, кто за какое предложение голосовал. Он был склонен полагать, что голосование в дан-

ном случае показывало отношение к делу, то есть кто намерен ограничиться чистым теоретизированием, а кто всерьез захвачен игрой и на самом деле собирался заняться расследованием. И еще это могло свидетельствовать о том, у кого версия уже в голове, а у кого она еще не сложилась.

Сэр Чарльз с покорностью принял результат голосования.

– Значит, у всех сейчас по нулям, – констатировал он.

– Начиная с момента, когда мы выйдем за порог этой комнаты, – уточнил Мортон Харроугейт Брэдли, поправляя замысловато завязанный узел своего галстука. – Но я согласен с сэром Чарльзом в том отношении, что если у кого-то из нас есть сведения, которые можно добавить к тому, что сообщил нам старший инспектор, то он волен сейчас это сделать.

– А они есть у кого-нибудь? – поинтересовалась миссис Филдер-Флемминг.

– Сэр Чарльз знает мистера и миссис Бендикс, – бесстрастно заметила Алисия Дэммерс, – и сэра Юстаса тоже. Ну и я, конечно, знакома с сэром Юстасом.

Роджер усмехнулся. Он узнал излюбленный стиль мисс Дэммерс – топить в многословии пустоватую мысль. Всем было известно, что миссис Дэммерс была единственной, кто отверг (по слухам) домогательства сэра Юстаса Пеннфазера. Однажды ему взбрело в голову пополнить коллекцию дам, потерявших из-за него голову, еще одной интеллектуалкой, каковой слыла Алисия Дэммерс. Это внесло бы известное разнообразие в его коллекцию, состоявшую из женщин, ко-

торых интеллектуалками не назовешь. Привлекательная, высокая, стройная, всегда безукоризненно одетая, Алисия Дэммерс вполне отвечала его изощренному вкусу. И он совершенно серьезно намерен был ее покорить.

Многочисленные друзья мисс Дэммерс очень развлекаясь этой историей, ожидая, что из нее выйдет. Мисс Дэммерс, казалось, готова была пасть жертвой сэра Юстаса. Казалось она вот-вот поддастся его чарам. Они обедали вместе, ужинали, ездили в гости и на прогулку, и так без конца. Сэр Юстас в предвкушении близкой победы был изобретателен и обольстителен.

И вдруг она неожиданно хладнокровно дает ему отставку, и вскоре выпускает книгу, в которой разделяется с сэром Юстасом так, как может это сделать только анатом, препарируя, расчлняя мерзкопакастное насекомое. Ее книга представила сэра Юстаса миру во всей его душевной гнусности.

Мисс Дэммерс не нуждалась в доказательствах своей популярности – она никогда не распространялась о своем писательском даре, хотя в самом деле была блистательным прозаиком. Она не скрывала, что для нее в жизни не существует ничего (включая пылкие чувства какого-то там сэра Юстаса), что она не возложила бы на алтарь своего призвания, по сравнению с которым все остальное просто не имело значения.

– Мистер и миссис Бендикс стали жертвами преступления по чистой случайности, замысел убийцы на них не распро-

странялся, – обратился мистер Брэдли к мисс Дэммерс ласковым тоном взрослого, который объясняет ребенку, что за буквой «А» в алфавите следует буква «Б». – Насколько мне известно, сэра Юстаса и Бендикса связывало только то, что оба они члены клуба «Радуга».

– Я думаю, мне не обязательно высказывать свое мнение о сэре Юстасе, – заметила мисс Дэммерс. – Те из вас, кто читал «Плоть и дьявол», знают о моем к нему отношении, и у меня нет оснований считать, что с того времени, как я перестала его наблюдать, он изменился в лучшую сторону. Но я могу ошибаться. Хотелось бы послушать мнение сэра Чарльза. Интересно, совпадает оно с моим или нет.

Сэр Чарльз не читал «Плоть и дьявола» и поэтому слегка растерялся.

– Видите ли, вряд ли я могу добавить что-нибудь к тому, что сообщил о нем старший инспектор. Я едва с ним знаком и не испытываю желания познакомиться ближе.

Ни один мускул не дрогнул на лицах присутствующих. Со всем недавно все только и говорили о том, что единственная дочь сэра Чарльза должна была обручиться с сэром Юстасом и что сам сэр Чарльз относился к помолвке дочери без видимого удовольствия. Потом пошли слухи, что с объявлением о помолвке поспешили, потому что на следующий день она была официально отменена.

Сэр Чарльз старался выглядеть столь же невозмутимо, как и остальные.

– Старший инспектор намекнул на дурную репутацию сэра Юстаса. Некоторые даже называют его дьяволом. Женщины преимущественно, – бросил он словно вскользь. – И злоупотребляет алкоголем, – добавил он.

Было очевидно, сэр Чарльз дурного мнения о сэре Юстасе Пеннфазере и не скрывает этого.

– Я могу присовокупить еще одну небольшую деталь чисто психологического свойства, – вмешалась Алисия Дэммерс. – Деталь, которая показывает его как человека абсолютно бесчувственного. Только что произошла трагедия, а уже ходят слухи, что его видели с новой дамой. Меня это так удивило, – сухо присовокупила она. – Мне казалось, что страшная ошибка, из-за которой погиб другой человек, а на его счастье, не он сам, могла бы как-то отрезвляюще подействовать на него, пусть даже миссис Бендикс была ему совсем неизвестным человеком.

– Да, кстати, мне бы следовало раньше прояснить это обстоятельство, – продолжил сэр Чарльз. – Миссис Бендикс отнюдь не была неизвестным для него человеком, он был ей представлен, хотя, возможно, и забыл об этом. Они были знакомы. Однажды на премьере (не помню, какой пьесы) в антракте я беседовал с миссис Бендикс, и к нам подошел сэр Юстас. Я их познакомил, сказав что-то в том смысле, что Бендикс тоже член клуба «Радуга». Подумать только, чуть не забыл. Что касается Бендикса, – заметил сэр Чарльз с сомнением в голосе, то ничего нового к тому, что вам о нем

известно, добавить не могу. Вполне приличный, солидный человек. Совсем не потерял голову из-за своего богатства, а он очень богат. Женат на очаровательной женщине. Единственный ее недостаток – уж слишком серьезна. Из тех женщин, которые любят заседать в разных комитетах. Однако это ее не портит.

– Я бы сказала, совсем напротив, – вставила мисс Дэммерс, которая сама любила заседать в комитетах.

– Да-да, вы правы, – поспешил исправить свою оплошность сэр Чарльз, вспомнив о непонятных для него пристрастиях самой мисс Дэммерс. – Но, как позже оказалось, с ее стороны несерьезно было заключать пари, да и пари-то пустяковое.

– Она заключила и другое пари, от самой себя в тайне, – в торжественном ритме проговорила миссис Филдер-Флемминг, которая уже проигрывала интригу своей будущей драмы. – И совсем не пустяковое пари. Роковое. С самой смертью. И она его проиграла.

Миссис Филдер-Флемминг, к несчастью, была склонна вносить драматическую ноту в самую обыкновенную жизнь, что не вполне сочеталось с ее внешностью поварихи.

Она исподтишка поглядывала на мисс Дэммерс, раздумывая над тем, успеет ли она состряпать пьесу до того, как эта дамочка перебежит ей дорогу со своей новой книгой на ту же тему.

Роджер, воспользовавшись своим положением председа-

теля, попытался вернуть разговор в деловое русло.

– Да-да, бедная женщина. Но, однако, давайте не путаться в главном. Конечно нелегко согласиться, что жертва, так сказать, не имеет ни малейшего отношения к преступлению, но это так. По чудовищной случайности погиб совсем не тот человек. Нам же надо сконцентрировать все внимание на сэре Юстасе. Итак, знает ли сэра Юстаса еще кто-нибудь из присутствующих, или что-нибудь дополнительное о нем, или что-то, имеющее непосредственное отношение к преступлению?

Нет, никто ничего не знал.

– Тогда мы все в равном положении. А теперь договоримся о нашей следующей встрече. Я предлагаю посвятить всю неделю разработке версий и проведению дополнительных расследований, какие каждый из нас сочтет нужным. По истечении недели, начиная с понедельника, мы будем встречаться каждый вечер. А теперь бросим жребий, чтобы определить, в какой очередности мы будем докладывать о результатах наших расследований. Или, может быть, одного докладчика мало на один вечер? Но это – как вы сочтете нужным.

Быстро решили снова встретиться в следующий понедельник, ровно через неделю, а чтобы обсуждение проходило серьезно, каждый вечер пусть выступает только один докладчик. Жеребьевка определила порядок докладов: первый – сэр Чарльз, вторая – миссис Филдер-Флемминг, третий – ми-

стер Мортон Харроугейт Брэдли, четвертый – Роджер Шерингэм, пятая – Алисия Дэммерс и шестой – мистер Эмбруз Читтервик.

Мистер Читтервик заметно повеселел, когда его имя было произнесено последним в списке.

– Может, к тому времени, – шепнул он на ухо Мортону Харроугейту, – кто-нибудь уже раскроет преступление и мне не надо будет докладывать о своих заключениях. Если я вообще могу, – смущенно прибавил он, – делать заключения. Скажите, а вот с чего надо начинать расследование, как вообще это делается?

Мистер Брэдли снисходительно улыбнулся и пообещал мистеру Читтервику дать почитать одну из своих книг.

Мистер Читтервик был от души благодарен, но он уже перечитал все книги мистера Брэдли, и многие из них стояли на полке в его книжном шкафу.

Под конец миссис Филдер-Флемминг не преминула снова внести мелодраматическую ноту.

– Жизнь действительно непостижимая вещь, – вздохнула она, обращаясь через стол к сэру Чарльзу. – Представьте себе, я видела миссис Бендикс и ее мужа в «Империале», в их ложе, всего за день до ее кончины. Я хорошо их знала в лицо, они часто бывали у меня на премьерах. Мое место было в ложе прямо под ними. Воистину любой художественный вымысел бледнеет перед тем, что иногда подстраивает сама жизнь. Если бы в ту минуту меня озарило прозрение и я бы

увидела страшную тень, нависшую над нею, я бы...

– У вас достало б ума сказать ей, чтобы она, раскрыв коробку с шоколадом, тотчас унесла ноги, – закончил ее мысль сэр Чарльз, отношение которого к миссис Филдер-Флеминг никак не менялось в лучшую сторону.

Все разошлись.

Роджер вернулся к себе домой в Олбани чрезвычайно довольный собой. Он предвидел, что все в этом деле, до мельчайших подробностей, должно быть очень любопытным, впрочем как и вся история в целом.

Он рвался в бой. Правда, ему не повезло в жеребьевке. Он бы предпочел оказаться на месте мистера Читтервика. Тогда у него была бы возможность узнать результаты, полученные остальными, прежде чем доложить о своих. Нет, он вовсе не собирался поживиться плодами чужого ума; у него так же, как у мистера Брэдли, уже сложилась своя версия в голове. Просто было бы приятнее, прежде чем выйти со своей версией, выслушать, взвесить и, может быть, слегка покритиковать то, что скажут сэр Чарльз, мистер Брэдли и особенно Алисия Дэммерс (Роджер считал их лучшими умами Клуба). Из всех преступлений, которые когда-либо привлекали его внимание, это, пожалуй, действительно его захватило.

К своему изумлению, Роджер у себя дома застал Морсби который ждал его в гостиной.

– А, мистер Шерингэм, – приветствовал Роджера этот бдительный полицейский чин. – Я подумал, что вы не будете

против, если я вас здесь подожду. Хотелось поговорить. Вы ведь не собирались тут же отправляться спать?

– Вообще нет, – сказал Роджер, мешая виски с содовой. – Столько достаточно?

Морсби скромно отвел глаза.

Они расположились в огромных кожаных креслах у камина, и тогда только Морсби приступил к делу.

– Между прочим, мистер Шерингэм, мой начальник поручил мне, конечно неофициально, последить за тем, как вы с друзьями будете вести это дело. Не потому, что мы вам не доверяем, или считаем, что вы в своем рвении слишком далеко зайдете, или еще что-нибудь, но все-таки для нас было бы спокойнее держать вас в поле зрения, имея в виду такой приток сыщиков-любителей.

– Для того чтобы оказаться тут как тут, если кто-то из нас обнаружит что-то существенное для дела, и – это использовать, – улыбнулся Роджер. – Что ж, мне понятна официальная точка зрения.

– Для того чтобы, вмешавшись вовремя, помешать вам вспугнуть птичку, – с упреком поправил его Морсби. – Не более того, мистер Шерингэм.

– Разве? – сказал Роджер, не скрывая своего скептицизма. – Но на самом деле вы ведь не думаете, что нам понадобится ваше благородное вмешательство, не так ли, Морсби?

– Честно говоря, нет. У нас вообще не принято бросать дело, если мы считаем, что остается хоть один шанс найти

преступника. Инспектор сыскного отдела Фаррар, который этим делом занимался, очень неглупый человек.

– Так это его версия, что убийство было совершено душевнобольным, выследить которого совершенно невозможно?

– К этому мнению его привели факты, сэр. Ну а вы, конечно, в вашем Клубе можете вдоволь наиграться, ради собственной забавы, почему бы нет? – великодушно прибавил Морсби. – Раз есть желание и некуда девать время.

– Ну ладно, ладно, – сказал Роджер, стараясь не заводить-ся.

Некоторое время они сидели молча, покуривая трубки.

– Ладно уж вам, Морсби, – Роджер был добродушен.

Старший инспектор повернулся к Роджеру. В глазах его было искреннее удивление.

– Что такое, сэр?

Роджер завертел головой.

– Не темните, Морсби. Так не пойдет. Давайте, давайте...

Выкладывайте.

– Что выкладывать, мистер Шерингэм? – Морсби изобразил наивное недоумение.

– Выкладывайте, зачем вы сюда пришли, – произнес Роджер язвительным тоном. – Хотели что-то выудить у меня в пользу вашего бездарного ведомства? Правильно? Предупреждаю, на этот раз не выйдет. Теперь-то я вас лучше знаю, чем полтора года назад, в Ладмауте. Помните это.

– Я просто не понимаю, как вам могло прийти в голову нечто подобное, сэр! – У старшего инспектора Скотленд-Ярда Морсби от обиды перехватило дыхание. – Я пришел потому, что подумал, а вдруг у вас есть вопросы и я бы смог вам намекнуть, как действовать, чтобы изловить преступника раньше ваших друзей. Вот и все.

Роджер рассмеялся:

– Морсби, вы мне нравитесь. Вы просто путеводная звезда в глубокой ночи. Вам, наверное, удастся даже убедить воров, которых вы бросаете за решетку, что для вас это такое же непоправимое несчастье, как и для них. И не удивлюсь, если они вам верят. Ну что же, если вы действительно пришли ради того, чтобы мне помочь, я позволю себе несколько вопросов, и буду вам только признателен, если поможете. Скажите мне тогда вот что. Кто, по-вашему, покушался на жизнь сэра Юстаса Пеннфазера?

Морсби отхлебнул виски с содовой.

– Вы же знаете, что я это знаю, сэр.

– Абсолютно не знаю, – возразил Роджер. – Я знаю лишь, что только что вы сказали, что знаете.

– Не я же вел дело, – ускользал от Роджера Морсби.

– Кто, по вашему мнению, пытался убить сэра Юстаса Пеннфазера? – терпеливо допытывался Роджер. – И ответьте мне: считаете ли вы, что официальная версия, которую поддерживает полиция, верна? Или вы считаете, что она ошибочна?

Теперь, когда Роджер загнал его в угол, Морсби решил позволить себе хоть раз в жизни высказать свою точку зрения, пренебрегая официальными установками. Он спрятал улыбку, вызванную какой-то тайной мыслью, и медленно делая ударение на каждом слове, заговорил:

– Мистер Шерингэм, послушайте меня. Наша версия всех устраивает, разве нет? То есть благодаря этой версии с нас снимается всякая ответственность за нераскрытое преступление. Мы не виноваты в том, что убийца не найден. Мы совсем не обязаны знать всех придурков в королевстве, у которых могут возникать маниакальные позывы к убийству. Наша версия будет изложена на заключительном слушании дела в присутствии коронера и жюри. Оно состоится через две недели. Разумеется, версия будет подкреплена доказательствами и свидетельскими показаниями, свидетели покажут что надо в пользу версии, других свидетелей не будет, и коронер будет согласен, и жюри будет согласно, и прессе ничего не останется, как принять пашу версию. И все сойдутся на том, что в данном случае нельзя винить полицию за нераскрытое преступление, – убийцу поймать невозможно. И все будут довольны.

– Кроме мистера Бендикса, которому не суждено будет дожидаться возмездия преступнику, лишившему его жену жизни, – прибавил Роджер. – Вы, Морсби, я вижу, исполнены сарказма. Из всего этого я могу заключить, что вы остаетесь в стороне от этого полюбовного и всех устраивающего согла-

шения. Уж не считаете ли вы, что ваши люди провалили дело?

Последний вопрос был задан так же резко и неожиданно, как предшествующие, и у Морсби не хватило времени вспомнить об осторожности.

– Нет, мистер Шерингэм, я не думаю этого. Фаррар способный полицейский, он горы сдвинет, если надо. То есть если можно. – Морсби многозначительно помолчал.

– А! – вырвалось у Роджера.

Морсби поудобнее уселся в кресле и, уже не стесняясь, осушил стакан виски. Он сказал свое «А» и, казалось, собирался произнести «Б». Роджер сосредоточенно наблюдал, как горит огонь в камине, стараясь тише дышать, чтобы не вспугнуть порыв инспектора.

– Видите ли, дело очень, очень сложное, мистер Шерингэм, – произнес наконец Морсби. – Фаррар взялся за дело со всей душой, и даже когда понял, что сэр Юстас штука еще почище, чем он вначале думал, все равно он решил довести дело до конца. То есть не исключил возможности, что на жизнь сэра Юстаса мог покушаться какой-нибудь псих, который послал ему шоколадки с отравой из политических или религиозных соображений, воображая, что он принесет пользу человечеству или небесам, если избавит их от сэра Юстаса. Фанатик, как вы его называете.

– Убийство из-за разницы в убеждениях, – пробурчал Роджер. – Так?

– И естественно, Фаррар решил заняться личной жизнью сэра Юстаса. А как раз тут мы, полицейские, бессильны. Судите сами, легко ли нам докопаться до личной жизни баронета. Ни от кого никакого содействия, одни палки в колеса. Фаррар только ухватится за ниточку – а она рвется. Сэр Юстас и глазом не моргнув, послал Фаррара к черту.

– И был прав, со своей стороны, – задумчиво промолвил Роджер. – Кому охота выставлять на потеху суду свои шашни, да еще в таком изобилии.

– Из-за которых миссис Бендикс покоится теперь, бедняга, в могиле, – довольно резко заметил Морсби. – Нет, все-таки он виновен в ее смерти, не прямо, а косвенно, и потому обязан был сделать все, чтобы помочь следователю из полиции. Но дело на том и кончилось, Фаррар ничего больше не смог узнать. Кое-что ему удалось раскопать, парочку скандальных историй, но они никуда его не привели. Ну, и чтобы не признаваться в неудаче... Мистер Шерингэм, вы ведь понимаете, что я не должен был вам этого говорить; смотрите, чтобы дальше этих стен наш разговор не пошел.

– Боже избави, никогда, – с жаром пообещал Роджер.

– Ну а дальше, как я понимаю, Фаррару ничего не оставалось, как придумать безопасную для него самого версию. И начальник поддержал его версию, все из тех же соображений, что так будет спокойнее. Но если вы и вправду хотите докопаться до истины (Фаррар бы только пожелал вам удачи), то вот вам мой совет: займитесь личной жизнью сэра

Юстаса. У вас больше возможностей, чем у нас, вы с ним одного круга. Вы можете поговорить с членами Клуба, с его друзьями, с друзьями его друзей. Вот, собственно, для чего я к вам и пришел, – сказал Морсби в заключение, – чтобы сделать вам этот маленький подарок.

– Весьма и весьма благородно с вашей стороны, Морсби, – растроганно произнес Роджер. – Еще стаканчик.

– Благодарю, мистер Шерингэм, – сказал старший инспектор Морсби. – Не откажусь.

Смешивая виски с содовой, Роджер размышлял.

– Я думаю, вы правы, Морсби, – медленно произнес он. – И у меня возникли подобные мысли, едва я прочел первый отчет о деле. Я убежден, что разгадка – в обстоятельствах личной жизни сэра Юстаса. И если бы я был суеверным (а я таковым не являюсь), знаете, что бы мне пришло в голову? Что убийца не попал в свою цель и сэр Юстас не был убит по воле самого Провидения: для того чтобы во исполнение этой воли он, несостоявшаяся жертва преступления, по иронии судьбы, стал бы карающей рукой своего несостоявшегося убийцы.

Вы это серьезно, мистер Шерингэм? – усмехнулся старший инспектор. Он тоже суеверным не был. А Роджер продолжал увлеченно:

– «Кара Судьбы» – неплохое название для фильма, а? Между прочим, тут есть большая доля истины. Вспомните, как часто вы там, у себя в Скотленд-Ярде, зависите от случая:

сам случай подбрасывает вам необходимую улику, на которой выстраивается все доказательство. И сколько паз цепь, казалось бы, случайных совпадений приводит вас к верному решению! Я не умаляю значения сыскного дела, нет. Но только подумайте, как часто бывает, что блестящая работа сыщика почти завершена, не хватает самой малости, чтобы все сошлось, и вдруг – случайное везение (вполне заслуженное, но везение), и преступление раскрыто. Я могу припомнить десятки таких случаев. Дело Милсома и Фаулера, например. Вы понимаете, что я хочу сказать? Так вот: чистый ли случай или сама Судьба карает преступника за содеянное?

– Да, честно говоря, мистер Шерингэм, какая мне разница, случай или что-то еще. Главное – поймать того, кого надо.

– Морсби, – засмеялся Роджер, – вы невозможный человек, вас не проймешь.

Глава 5

Сэр Чарльз, как он любил говорить, доверял только фактам и терпеть не мог всякой психологической чепухи. Факты были дороги его сердцу. Более того, они были для него хлебом насущным. Годовой доход сэра Чарльза, который составлял примерно тридцать тысяч фунтов, полностью зависел от его виртуозного искусства манипулировать фактами. И в этом искусстве у судейского барьера ему не было равных. Он мог разделаться с любым неудобным для него фактом, пусть даже очевидным, придав ему смысл. Для человека менее искушенного, чем он сам (например, для прокурора), совершенно неожиданный. Сэр Чарльз брал такой факт в руки, внимательно и смело его разглядывал, вертел так и сяк, заглядывая даже туда, куда, казалось, заглянуть невозможно, выворачивал его наизнанку, чтобы, подобно древним прорицателям, по его потрохам прочесть уготованную этому факту печальную участь, плясал на его останках, пока не стирал в порошок, из которого потом лепил новый факт, соответствующий его, сэра Чарльза, замыслу. Если тот, прежний факт вес же имел наглость снова вынырнуть и напомнить о себе, сэр Чарльз приходил в исступление и ревел страшным ревом как разъяренный бык. Если же и это действия не имело он прибежал к последнему средству: тут же, на глазах всего суда, из глаз его лились горькие слезы.

И поэтому нечего удивляться, что сэр Чарльз Уайлдмен, королевский адвокат, имел высокий годовой доход. Ему платили за то, что в его руках самые убийственные факты, грозящие его клиенту неминуемой карой, преображались в нечто наивно-умильно-трогательное, и – о чудо! – возникала картина младенческой невинности его подопечного. Возможно, у читателя вызовут интерес некоторые статистические данные, касающиеся, к примеру, числа убийц, которых сэр Чарльз спас от виселицы на протяжении своей благородной карьеры. Так вот, если из них соорудить башню, водрузив одного на другого! – на вторую третьего и так далее, то будет воздвигнуто весьма высокое сооружение.

Сэр Чарльз редко выступал на стороне обвинения. Адвокату истца не принято реветь от ярости, да и слезы едва ли уместны. А сэр Чарльз гордился подобными средствами. Они составляли в его адвокатской практике некий ритуал. Могучий рев, переходящий у всех на глазах в слезы, считался коронным номером сэра Чарльза. Он принадлежал к старой школе адвокатов, он был последним мамонтом этой славной плеяды. Помимо всего прочего, услуги адвокатов старой школы весьма щедро оплачивались.

Ровно через неделю после того, как Роджер выдвинул предложение о расследовании дела, Клуб криминалистов вновь собрался на очередное заседание. И когда сэр Чарльз суровым взглядом обвел притихшее собрание, поправив свое пенсне, сверкавшее на его мясистом носу золотой пере-

носицей, члены Клуба сразу поняли, что им предстоит редкий спектакль. И притом бесплатно, тогда как выступление сэра Чарльза на стороне обвинения с кратким изложением дела, но в настоящем суде обошлось бы кое-кому не менее чем в тысячу гиней.

Сэр Чарльз заглянул в блокнот, который держал в руке и прочистил горло. Никто из адвокатов не умел так внушительно прочищать горло, как сэр Чарльз.

– Леди и джентльмены, – с большой важностью произнес он, – вполне естественно, что я более, чем кто либо из вас, заинтересован в расследовании этого убийства по причинам личного характера, которые, без всякого сомнения, вам должны быть известны. Имя сэра Юстаса упоминалось одно время рядом с именем моей дочери. И о помолвке мало сказать, что объявили раньше, чем нужно она вообще не должна была состояться, поскольку для этого не было никаких оснований. И все же я ощущаю, хотя и в крайне ничтожной степени, некоторую личную ответственность за попытку покушения на жизнь человека, которому молва прочила роль моего будущего зятя. Я не хотел бы выделять личный аспект в трактовке доверенного нам дела, которое я буду рассматривать с той же беспристрастностью, с какой мне доводилось вести другие доверенные мне дела. Однако это сделать придется, поскольку обойти это обстоятельство невозможно. Благодаря ему я имел больше возможностей, чем остальные члены Клуба, подойти ближе к задаче, поставлен-

ной перед нами президентом. Я имею в виду тот факт, что лучше остальных знаю сэра Юстаса и к тому же обладаю доступными мне сведениями, которые, пройдя сложный путь доказательств, должны, я убежден, привести к желаемой разгадке преступления. Согласен, я обязан был изложить известные мне сведения своим коллегам по Клубу еще неделю назад, и от всей души прошу меня простить за то, что тогда я этого не сделал; оправданием может служить тот факт, что я не мог себе представить, что сведения, которыми я располагаю, могут оказаться полезными и пригодиться в деле. И только когда я принялся размышлять над нашим делом, пытаюсь распутать этот чудовищный, трагический узел, только тогда я осознал важность того, что знал и какое значение мое сообщение может иметь для раскрытия преступления.

Сэр Чарльз остановился, и под сводами зала эхо несколько раз повторило ритмические модуляции его голоса.

– Ныне же, вооруженный этими сведениями, – произнес он, обводя грозным взором лица присутствующих. – я могу с полной уверенностью заявить, что загадка убийства мною разрешена.

Слова сэра Чарльза были встречены волной изумленных возгласов. И хотя члены Клуба понимали, что сэр Чарльз и рассчитывал на подобное впечатление, изумление их было искренним.

Сэр Чарльз сбросил с носа пенсне, державшееся на широкой ленте, и характерным жестом взмахнул им в воздухе.

– Да, я полагаю, более того, я уверен, что смогу сорвать завесу с этой тайны. Но есть повод и для огорчения. Жаль, что мне выпал жребий выступить первым. Наверное, было бы интереснее, если бы нам было позволено прежде выслушать версии других членов Клуба, с тем чтобы доказать их ошибочность, и уже потом приблизиться к верному решению. Разумеется, в том случае, если эти версии существуют. Хотя меня несколько не удивит, если окажется, что ваши выводы вполне совпадают с моими. Ничуть не удивит, поверьте. Я не считаю, что обладаю сверхординарными способностями заставлять факты говорить за себя. Я даже горжусь тем, что отнюдь не сверхчеловеческий дар помог мне проникнуть вглубь обстоятельств мрачной тайны, лежащей в основе нашего дела, и не увидеть там ничего такого, к чему не пришли бы официальные расшифровщики неразрешимых тайн и загадок (я имею в виду, разумеется, профессиональную сыскную службу). Дело отнюдь не в моем даре. Напротив, я самое обычное живое существо, не наделенное никакими выдающимися свойствами, отличающими меня от других, мне подобных. И для меня не будет неожиданностью, если окажется, что я всего-навсего шел по следам кого-то из вас, уже взявшего след того, кто совершил это тяжкое преступление. Я же, со своей стороны, берусь утверждать, что доказательства, которые я намерен привести, не оставят и тени сомнений в том, что виновно в убийстве именно это лицо, и никто другой.

Отметя, таким образом, всякую мысль о том, что кто-то из членов Клуба мог быть ничуть не глупее его, сэра Чарльза, сэр Чарльз потребовал тишины и приступил к делу:

– Начиная расследование, я задал себе вопрос, извечный вопрос, правильный ответ на который во все времена, пока существует человечество, а следовательно, и убийства, безошибочно и верно выводит на след преступника. Вопрос, которым задается каждый преступник, не удосуживаясь, однако, подумать, что кроме него кто-то еще может найти на него ответ. Это вопрос – *qui bono?* – Сэр Чарльз выдержал напряженную паузу. – В чьих интересах? – перевел он, делая этим одолжение тем, кто латыни не знал. – Кому это было бы на руку? – перефразировал он на случай, если бы в аудитории оказалось два-три недоумка. – Кому на руку была бы смерть сэра Юстаса Пеннфазера?

Из-под нависших бровей он вопросительно оглядел сидевших, но каждый послушно вел свою роль и не торопился с догадками. Сэр Чарльз, со своей стороны, был слишком опытным оратором, чтобы раньше времени дать им ключ к тому, что он собирался поведать. Поэтому, предоставив своим слушателям теряться в догадках, сэр Чарльз резко изменил курс повествования.

– Итак, в этом преступлении я усматривал три неоспоримых улики, – продолжал он, переходя почти на обычный разговорный тон. – Я говорю, конечно, о сфабрикованном письме, пакете и самих шоколадках. Из всех трех улик па-

кет представляет известное значение, поскольку здесь важна почтовая марка. Адрес, написанный печатными буквами, я считал бесполезным для дознания. Он мог быть написан кем угодно и когда угодно. Следовательно, как мне казалось, он никуда бы нас не привел. Сами шоколадки и коробка из-под них тоже не могли бы служить серьезной уликой. Может быть, я ошибаюсь, но так мне казалось. Такие конфеты выпускаются в огромном количестве и продаются в сотнях магазинов; в данном случае выйти на след человека, купившего их, было бы невозможно. Более того, полиция уже должна была навести справки, действуя по всем этим направлениям. Короче, у меня в руках оставались только две вещественные улики: фальшивое письмо и марка на пакете. Опираясь на эти две улики, я должен был выстроить пирамиду моих доказательств.

Сэр Чарльз снова прервал речь, чтобы дать возможность своим слушателям постичь всю трудность стоявшей перед ним задачи; возможно, он недооценивал тот факт, что задача могла быть общей для всех. Роджеру уже давно не терпелось вмешаться, и потому, воспользовавшись паузой, он очень мягко поинтересовался:

– Так вы уже можете назвать преступника, сэр Чарльз?

– К своему глубокому удовлетворению, я уже смог ответить на вопрос, который я еще раньше задал себе и который только что обозначил для вас в своем сообщении, – ответ сэра Чарльза был исполнен достоинства, но исчерпывающего

объяснения не содержал.

– Я понимаю. Значит, можете, – поймал его на слове Роджер. – Интересно было бы услышать, кто он, чтобы легче следить за ходом вашей аргументации. По-видимому, вы прибегли к индуктивному методу?

– Может быть, может быть, – пробрюзжал сэр Чарльз. Он терпеть не мог, когда его пытались поддавливать.

Какое-то время он, насупившись, молчал, переживая обиду – он всегда огорчался, когда задевали его реноме.

– Как я сразу понял, задача предстояла нелегкая, – возобновил он свое повествование в более строгом тоне. – Я был чрезвычайно ограничен во времени и при необходимости широкого дознания, требующего весьма обильных усилий от меня самого, вряд ли была у меня возможность самому проводить расследование по всем намеченным мною направлениям. Обдумав в целом предстоящее мне дело, я заключил, что единственное, что мне оставалось в этой ситуации, – это предаться тщательному анализу фактов, пока я окончательно не сформулирую версию, которая выдержала бы все проверки на состоятельность при сопоставлении с теми данными, которыми я уже располагал. А затем мне предстояло прояснить целый ряд моментов (что я до той поры не имел возможности сделать), которые должны были подтвердиться в том случае, если бы моя версия оказалась верна. Проработка этих подробностей должна была осуществляться другими людьми, действующими от моего имени. В слу-

чае, если бы полученные ими результаты совпали с посылками, содержащимися в моей версии, можно было бы считать, что она себя полностью оправдала. – Сэр Чарльз остановился и перевел дыхание.

– Иными словами, – прошептал Роджер на ухо Алисии Дэммерс, преобразуя сотню слов всего в шесть, – я решил вести расследование индуктивным методом, – но он произнес это так тихо, что никто, кроме мисс Дэммерс, ничего не услышал.

Она ответила ему понимающей улыбкой. Писать – не говорить. Творчество письменное – это вам не то что устное.

– Моя версия готова, – внезапно выпалил в трех словах сэр Чарльз. Наверное, он еще не успел отдышаться. – Да, я выстроил свою версию. Кое-что в ней, по необходимости, является плодом моего домысла. Разрешите мне привести пример. Больше всего озадачивал вопрос: как мог попасть в руки преступника бланк фирмы «Мейсон и сыновья»? Вряд ли подозреваемое мною лицо могло иметь эти бланки под рукой постоянно, и еще меньше вероятность того, что подозреваемое лицо могло каким-то способом раздобыть бланк. Мне трудно вообразить, каким способом, осуществляя свой план, преступник, о котором я говорю, мог завладеть бланком фирмы, не вызывая подозрений. Посему я и заключил, что преступник имел доступ к бланкам в силу объективных обстоятельств, благодаря которым он мог воспользоваться фирменным бланком, не вызывая подозрений.

Сэр Чарльз окинул аудиторию взглядом триумфатора, ожидая реакции. Роджер решил его поддержать, несмотря на то что мысль сэра Чарльза была слишком очевидной и в комментариях не нуждалась.

– Прелюбопытнейшая мысль, сэр Чарльз, в высшей степени оригинальная, – проговорил он.

Сэр Чарльз склонил голову, выражая свою признательность.

– Чистая догадка, должен вам признаться, – сказал он. – Результат работы мысли. Но догадка, вполне себя оправдавшая.

Сэр Чарльз был в полном восхищении от собственной пронизательности, что сказывалось на стиле его речи. Предложения стали короче и не завивались в придаточные, дополнительные, обстоятельственные, причинно-следственные кружева, которые были в арсенале любимых средств сэра Чарльза. При этом он от возбуждения тряс крупной головой.

– Я стал размышлять, как такой предмет, как бланк фирмы, мог оказаться в распоряжении кого бы то ни было и чтобы при последующем дознании этот факт не оказался в противоречии с принятыми в фирме порядками. Наконец меня осенила мысль, что многие фирмы имеют практику вкладывать в конверты вместе с копией оплаченного счета, который они высылают своим постоянным клиентам, бланк фирмы, на котором выражают этим преданным клиентам свои

наилучшие пожелания, благодарность и так далее. Догадка повлекла за собой три вопроса: были подобные послания в практике фирмы «Мейсон и сыновья» или нет. Имеет ли подозреваемое мною лицо постоянный счет в фирме, а точнее, учитывая пожелтевшие края бланка, имело ли это лицо счет в прошлом? И не было ли на упомянутом бланке следов другой, первоначальной фразы, позже начисто стертой ластиком? Леди и джентльмены, – гремел сэр Чарльз, порозовев от волнения, – шансы на то, что эти три вопроса найдут положительное решение, были мизерными, весьма мизерными. Ставя их перед собой, я знал, что если все три лучат положительные ответы, то в таком совпадении нельзя видеть лишь чистую случайность, – сэр Чарльз понизил голос. – Я знал, – медленно проговорил он, – что, если мои три вопроса получат утвердительный ответ, это будет означать, что вина подозреваемого мною лица доказана раз и навсегда, как если бы оно было поймано с поличным в моем присутствии в тот самый момент, когда впрыскивало собственной рукой яд в злосчастные шоколадки.

Он замолк, обедев тяжелым взглядом лица присутствующих. Все глаза были устремлены на него.

– Леди и джентльмены, на все три вопроса ответ был положительным.

Ораторское искусство сильно воздействует на человеческий ум. Роджер знал все эти краснобайские приемы, которые теперь сэр Чарльз по привычке отрабатывал на членах

Клуба. Роджеру казалось, что, произнося «леди и джентльмены», сэр Чарльз еле удерживается, чтобы не прибавить «присяжные заседатели». Этого вполне можно было ожидать, потому что сэр Чарльз наверняка имел обоснованную версию, в которой не сомневался, и излагал ее в наиболее естественной для него манере, отработанной многолетней судебной практикой. Так что не велеречивость сэра Чарльза раздражала Роджера.

Его раздражало другое. Он и сам постарался обнаружить след зверя и теперь убедился, что искал его прямо в противоположном направлении, чем сэр Чарльз. Но будучи твердо убежден в том, что именно он, а не сэр Чарльз, взял верный след, Роджер поначалу даже подсмеивался над тем, как сэр Чарльз вился вокруг своей добычи. Но, удивительное дело, риторика сэра Чарльза с ее дешевыми, по мнению Роджера, штучками посеяла в нем некоторые сомнения.

Может быть, причиной тому была не только риторика сэра Чарльза? В его разглагольствованиях мелькали весьма существенные факты. И каким бы напыщенным старым болтуном ни был сэр Чарльз, дураком его не назовешь. Роджер почувствовал, что обескуражен, потому что его собственная добыча – и он это признавал в глубине души – не так-то просто шла в руки.

А когда сэр Чарльз перешел непосредственно к изложению своей версии, Роджер совсем огорчился.

– Тут не может быть никаких сомнений, – говорил сэр

Чарльз. — Через нанятого мной агента я выяснил, что «Мейсон и сыновья», будучи старой уважаемой фирмой, имеют обыкновение поощрять свою постоянную клиентуру (девять десятых их продукции идет в оптовую торговлю) изъявлениями благодарности в виде нескольких приятных слов, которые они печатают на своих бланках, обычно по середине листа. Далее я установил, что интересующее меня лицо являлось постоянным клиентом фирмы и открыло постоянный счет пять месяцев тому назад, что подтверждает итоговый чек, после которого счет не возобновлялся. Более того я нашел время самолично посетить Скотленд-Ярд для того, чтобы ознакомиться с письмом уже во второй раз. Взглянув на обратную сторону письма, я безошибочно сумел разобрать следы слов, хоть и едва заметные, но слова эти напечатаны были как раз в середине листа. Нижняя половина их была забита строчкой письма, и потому не могло возникнуть мысли о том, что просто в текст письма были внесены исправления; кроме того, следы соответствовали длине фразы, которую я имел в виду: «Примите пожелания и т. д.». И были очевидны упорные попытки стереть, зачистить, замазать, разгладить поверхность листа, чтобы не только не было следов печатных литер, но чтобы даже не были заметны вмятины от ударов лапок по бумаге. Это окончательно подтвердило правильность моей версии, после чего я занялся выяснением некоторых других обстоятельств дела, вызывающих у меня сомнения. Времени было мало, и мне пришлось обратиться за содей-

ствием в четыре надежных сыскных агентства, распределив между ними задачи, имеющие целью выявить недостающие звенья в цепочке моих доказательств. Таким образом, я не только сэкономил время, но и постарался избежать опасности, что собранные данные как целое могут попасть в чужие руки, ибо я распределил задачи между агентами так, что ни у кого из них не мелькнуло и тени догадки о предмете моего дознания. И я имею полное основание считать, что в этом я весьма преуспел. Следующей моей заботой была почтовая марка. Мне предстояло с неопровержимостью доказать, что подозреваемое мною лицо в определенный день и час находилось в районе Стрэнда. Вы мне скажете, – сэр Чарльз пробежал взглядом по внимающим лицам своих слушателей и остановился на мистере Мортоне Харроугейте Брэдли, как будто предвидя, что именно он выдвинет против него подобное возражение, – вы скажете, – сурово повторял сэр Чарльз, обращаясь к мистеру Брэдли, – что в этом не было необходимости. Пакет мог быть отправлен ничего не подозревающим сообщником по просьбе преступника, с тем чтобы последний имел беспорное алиби на этот промежуток времени. Тем более что лицо, которое я подозреваю, действительно находилось за границей. И потому тем проще было обратиться к подруге, которая могла в тот момент направляться в Англию, и попросить ее бросить пакет в ящик у нас в стране, дабы избежать излишних почтовых расходов, которые при пересылке писем за границу составляют немалую

сумму. Нет, я с вами не могу согласиться, – грозно продолжал сэр Чарльз, направляя весь свой гнев против мистера Брэдли. – Я хорошо это продумал и могу смело заявить, что лицо, имеющее отношение к преступлению, не пошло бы на такой риск, потому что подруга непременно бы вспомнила инцидент с письмом, прочтя некоторое время спустя криминальную хронику в газете. Почти неизбежно, что так оно и было бы. Нет, – заключил сэр Чарльз, окончательно сокрушая своего оппонента в лице мистера Брэдли, – я убежден, что лицо, которое у меня на подозрении, считало, что пакет должен быть опущен собственноручно, минуя каких бы то ни было посредников.

– Совершенно верно, но, однако же. – произнес тоном ученого мужа мистер Брэдли, – леди Пеннфазер могла иметь сообщницей вполне осведомленную особу, готовую разделить с ней вину. Вы не рассматривали такую возможность?

Мистер Брэдли всем своим видом демонстрировал, что все, что говорил сэр Чарльз, ему глубоко безразлично, но поскольку сэр Чарльз обращался именно к нему, то приходилось из вежливости ему отвечать.

Сэр Чарльз залился краской. Он всегда гордился особым своим умением скрывать имя подозреваемого, не произнеся его ни разу до конца своей речи, и когда нервы слушателей уже на пределе, он небрежно это имя обронит, совсем как в детективных романах. И надо же было гнусному писаке все испоганить.

– Сэр, я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что я вообще не называл имен, это было бы слишком опрометчиво, – сэр Чарльз модулировал голосок; совершенно в джонсоновской манере. – Нет нужды напоминать вам о том, что такое диффамация?

Мистер Харроугейт улыбнулся своей возмутительной наглой улыбкой (в самом деле, он был несносный молодой человек).

– А что тут такого, сэр Чарльз? – веселился он, лаская пальцами нечто плюгавое и лоснящееся под его носом, чем были его усы. – Я же не собираюсь писать роман о том, как леди Пеннфазер намеревалась убить своего мужа Вы это имели в виду или закон о клевете?

Сэр Чарльз, который, конечно, имел в виду закон о клевете, кинул на него разъяренный взгляд.

Роджер поспешил ему на помощь. Спор напоминал ему схватку быка с оводом, которую всегда забавно наблюдать. Но Клуб криминалистов был создан, чтобы раскрывать чужие преступления, а не плодить новые в собственной среде. Нельзя сказать, что Роджер как-то особенно не любил быка или овода. Каждый из них забавлял его по-своему. Он не питал антипатии ни к тому, ни к другому. Мистер Брэдли же, наоборот, терпеть не мог обоих: и Роджера, и сэра Чарльза. Он не терпел Роджера даже больше, чем сэра Чарльза, потому что Роджер был джентльмен, но не обнаруживал этого, сам же Брэдли джентльменом не был, но изо всех сил ста-

рался показать, что он истинный джентльмен.

– Я рад, что вы затронули эту сторону, сэр Чарльз, – умиротворенно произнес Роджер. – Нам надо как следует это обдумать. Я даже себе не могу представить, как вести дело дальше, не придумав, как обойти закон о клевете.

Гнев сэра Чарльза смягчился.

– Трудная задача, – с готовностью согласился он. Адвокат в его душе взял верх над поддавшимся гневу простым смертным. Настоящий адвокат всегда прежде всего займется толкованием запутаннейшего подпункта в параграфе закона, отложив все мелкие дела, как, например, выступления на процессе, точно так же, как настоящая женщина прежде наденет самое тонкое белье и напудрит носик, а уж потом сунет голову в газовую духовку.

– Мне кажется, – осторожно начал Роджер, стараясь не задеть профессиональной гордости сэра Чарльза (потому что он, как непрофессионал, собирался высказать нечто отчаянно дерзкое), – мне кажется, нам следует пренебречь этим законом. Что я имею в виду? – заспешил он, заметив, как при этих словах исказилось лицо сэра Чарльза. Еще бы, его призывали посягнуть на святая святых, на *lex intagenda*. – Я хочу сказать, мы должны условиться, что когда мы начнем тут высказываться, чтобы у нас все было совсем как в компании близких друзей, чтобы говорили без предубеждений, не принимая ничего на свой счет, но и не... – он путался, сбивался, – ну, словом, чтобы не получилась игра в кошки-мышки,

как в суде.

Не очень тактично сэра Роджера все это выразил.

Но вряд ли сэр Чарльз его слышал. Он сидел с каким-то странным, отрешенным взглядом, как сам Лорд Вершитель Кассационного Суда, размышляющий над людскими судьбами.

– Как известно, – пробормотал он, – под клеветой понимаются словесные утверждения порочащего характера, приносимые с целью публичной огласки, дающие противоположной стороне законное основание на подачу судебного иска за клевету на сторону, распространяющую не соответствующие действительности порочащие сведения. В этом случае констатируется судебное наказание проступка, который влечет за собой судебную ответственность. При отсутствии доказательств относительно материального ущерба в состав преступления входят словесные утверждения клеветнического характера, ложность которых презюмируется, причем бремя доказательства состоятельности порочащих утверждений ложится на плечи обвиняемого. Из чего следует, что мы можем оказаться в весьма двусмысленной ситуации, когда ответчик по делу о клевете становится, по сути дела, свидетелем обвинения в гражданском деле об убийстве. И я не знаю, чем это может кончиться, – в крайнем замешательстве произнес сэр Чарльз.

– А как насчет привилегии? – тихо подсказал ему Роджер.

– Конечно, – продолжал сэр Чарльз, не обращая на него

внимания, – в исковом заявлении о клевете должны быть точно зафиксированы словесные утверждения, а не только их смысл и общие выводы. При невозможности доказать факт произнесения этих утверждений свидетель обвинения освобождается от обвинения в клевете. Но я не знаю, как иск может быть запущен в дело, если выступления не будут протоколироваться, а затем протокол не буде! – подписан каким-нибудь свидетелем, который сможет таким образом подтвердить факт распространения клеветы.

– А привилегия? – повторил Роджер, начиная терять терпение.

– Более того, – продолжал сэра Чарльз с улыбкой. – Я склонен считать, что в данном конкретном случае утверждения, носящие, возможно, порочащий характер, даже ложный характер, могут быть произнесены из благородных побуждений вполне искренне. В этом случае презумпция ложности меняет место на противоположное и бремя доказательства, что ответчик по делу об убийстве, подавая иск о клевете, руководствовался преступным умыслом, вытекающим из самого преступления, ляжет, к большому удовлетворению жюри, на плечи свидетеля обвинения. В таком случае, как я представляю, суд будет руководствоваться исключительно соображениями общественной пользы, а это справедливо означает...

– Привилегию суда! – громко произнес наконец Роджер. Сэр Чарльз устремил на него тусклый взгляд судейского

крючоктвора. Но на этот раз слово было услышано.

– Я уже подходил к этому пункту, – недовольно произнес сэр Чарльз. – В нашем деле Клубу вряд ли удастся получить привилегию общественного обвинителя. Что касается частной привилегии, то в этом случае мы не можем знать, в какой степени мы будем допущены к процессу. Мы даже не вправе заявлять, что все утверждения, которые мы здесь выдвигаем, носят сугубо частный характер, потому что на самом деле не вполне понятен наш статус: частное ли мы юридическое лицо, представленное некоей общественной группой, или некая общественная группа, представляющая совокупность частных лиц. Конечно, можно считать и так и так, – увлеченно продолжал сэр Чарльз, – или, что то же самое, является ли наш Клуб собранием частного или общественно-го типа. Вопрос, конечно, очень спорный, – сэр Чарльз сбросил с носа пенсне, выражая свое бессилие перед неразрешенным вопросом. – Но мне хотелось бы рискнуть выдвинуть мнение, – решительно произнес он, – что передача нашего дела на рассмотрение суда должна быть подкреплена привилегией ввиду того, что мы действуем не с целью *animus injurandi*, а исходим из высших соображений не только правового порядка, но и морального и общественного долга, и потому должны быть наделены правом высказывать *veritas convicti*, так как, будучи исполнены *bona fide*, руководствуемся не столько своими, сколько общественными интересами. Однако должен прибавить, – сэр Чарльз как будто сам

испугался собственной решительности, – что еще нельзя с точностью предвидеть, как пойдут события, а потому было бы разумнее не называть никаких имен, однако давая при этом недвусмысленно понять намеком, полунамеком и прочей недоговоренностью, кого именно мы имеем в виду.

– Но все-таки, – вмешался президент, преодолев овладевшее им утомление, – считаете ли вы, что нам может быть дана привилегия выступить, упоминая любое имя?

Пенсне сэра Чарльза символически описало полный круг в воздухе.

– Я думаю, – проговорил сэр Чарльз с необычайной важностью, на которую он имел право, потому что, будь его мнение произнесено в зале суда, а не здесь, оно бы обошлось Клубу в очень круглую сумму, – я думаю, – сказал сэр Чарльз, – рискнуть можно.

– Решено! – с облегчением произнес президент.

Глава 6

– Смею утверждать, – снова заговорил сэр Чарльз, – многие из вас наверняка уже сделали свое заключение о личности убийцы. Наше дело с такой поразительной очевидностью вызывает в памяти одно из классических дел об убийстве, что параллель эта не может остаться незамеченной. Я, конечно, имею в виду дело Мари Лафарж.

– А! – проронил Роджер удивленно.

Что до него, то никакого сходства он не заметил. Он смущенно поерзал в кресле. Как же он не подумал? Параллель очевидна.

– В том деле, – продолжал сэр Чарльз, – мы имели жену, которой было предъявлено обвинение в том, что она послала своему мужу некий отравленный предмет. Было ли это пирожное или коробка конфет – значения не имеет, возможно, не стоит столь...

– Но ведь никто, у кого есть голова на плечах, до сих пор не верит, что виновна была Мари Лафарж, – с необычной для нее горячностью перебила его Алисия Дэммерс. – Было же доказано, что пирожное послал прораб, или как там еще, его звали Дэнис, если не ошибаюсь. У него были более веские мотивы для убийства, чем у Мари Лафарж.

Чарльз бросил на нее суровый взгляд:

– Мне кажется, я сказал «было предъявлено обвинение».

Я имел в виду только факт и вовсе не собирался высказывать свое мнение по существу этого дела.

– Простите, – прознесла Алисия Дэммерс без тени смущения.

– Я всего лишь заметил сходство – не более. А теперь вернемся к нашему спору и начнем с того места, на котором остановились. Вспомним вопрос, который был мне задан, – сэр Чарльз не пожелал переходить на личности. Вопрос относительно того, что леди Пеннфазер могла иметь сообщницей человека верного, готового принять часть вины на себя. У меня такая мысль тоже возникала, но я отмел это сомнение. Все было задумано и выполнено ею одной, – он умолк, ожидая вопросов.

– Как же это могло случиться, сэр Чарльз? – решил помочь ему Роджер. – Она все это время находилась на юге Франции. Это установлено полицией. У нее неоспоримое алиби.

Сэр Чарльз одарил его лучезарной улыбкой:

– У нее было неоспоримое алиби, но я его разрушил. Вот что случилось на самом деле. За три дня до того, как был отправлен пакет, леди Пеннфазер для виду уехала в Авиньон. В конце недели она вернулась в Ментону. В регистрационной книге отеля в Авиньоне есть ее подпись, счет ею оплачен, тут все в порядке. Но вот что странно: установлено, что она не взяла с собой в Авиньон служанку, в высшей степени привлекательную молодую женщину с хорошими манерами, потому что счет оплачен за проживание одного человека. Но

служанки не было и в Ментоне. Что, она в воздухе растворилась? – негодуя, обратился сэр Чарльз к присутствующим.

– Ну и ну! – отозвался мистер Читтервик, слушавший сэра Чарльза с огромным вниманием. – Сообразительная дама.

– Весьма сообразительная, – с готовностью согласился сэр Чарльз, безусловно считавший, что столь порочная дама не может не быть сообразительной. – Служанка играла в отеле роль своей госпожи, а госпожа в это время вернулась в Англию. Мне удалось это точно установить. Мой агент, получив от меня телеграмму с инструкциями, показал хозяину отеля в Авиньоне фотографию леди Пеннфазер и спросил, жила ли у него в отеле эта дама. Хозяин заверил, что нет, эта дама никогда в его отеле не останавливалась. Тогда мой агент показал фотографию служанки (ему удалось ее сфотографировать без ее ведома). Хозяин тут же ее узнал и сказал, что это леди Пеннфазер. Еще одна моя догадка с большой точностью подтвердилась.

Сэр Чарльз удовлетворенно откинулся в кресле и широким жестом смахнул с носа пенсне, исполненный гордости от сознания собственной проницательности.

– Так что, у леди Пеннфазер все же была сообщница? – проговорил мистер Брэдли, изображая взрослого, обсуждающего сказку «Три медвежонка» с четырехлетним ребенком.

– Но не причастная к самому умыслу, – отрезал сэр Чарльз. – Мой агент деликатно осведомился у служанки и выяснил, что ее госпожа должна была по срочному делу вы-

ехать в Англию. Но первые полгода она уже прожила в Англии, и если бы стало известно, что она хоть ненадолго туда возвращалась, ей бы пришлось платить налог за вторую половину года, а это составило бы приличную сумму. Она сообразила, как ей избежать лишних денежных расходов, а служанке пообещала щедрое вознаграждение. Предложение, разумеется, было принято. Очень, очень сообразительная дама, – он с улыбкой окинул взглядом членов Клуба, ожидая их одобрения.

– Какая же вы умница, сэр Чарльз, – промурлыкала Алисия Дэммерс, чтобы поддержать его.

– К сожалению, у меня нет точных данных, что леди Пеннфазер действительно побывала в нашей стране, – сказал сэр Чарльз. – И с точки зрения следствия дело не может быть закончено без оных. Однако их может восполнить полиция. В остальном я заявляю, что дело мною закрыто. Мне чрезвычайно неприятно утверждать это, но выбора у меня нет. Леди Пеннфазер – убийца миссис Бендикс.

Сэр Чарльз умолк, и воцарилась тишина. Все погрузилось в глубокую задумчивость. Вопросов была тьма, но никто не решался задать их первым. Роджер, не мигая, уставился перед собой, будто провожая тоскливым взглядом уходящую от него добычу. Сомневаться в том, что сэр Чарльз раскрыл преступление, не приходилось.

Мистер Эмброуз Читтервик наконец отважился нарушить тишину:

– Мы поздравляем вас, сэр Чарльз. Вы нашли блестящее решение, просто поразительное. Меня смущает только мотив. Ради чего леди Пеннфазер должна желать смерти своему мужу, если она с ним разводится? Или она, быть может, боится, что ее ходатайство о расторжении брака не будет удовлетворено?

– Совсем напротив, – ласково произнес сэр Чарльз. – Именно то обстоятельство, что ей известно, что ходатайство будет удовлетворено, и заставило ее желать его смерти.

– Я... я не понимаю, – сконфуженно заикаясь, проговорил мистер Читтервик.

Сэр Чарльз помолчал, наслаждаясь общим замешательством. И затем милостиво позволил себе снять напряжение. Как опытный оратор он прекрасно чувствовал аудиторию.

– В самом начале я заметил, что располагал некоторыми сведениями, которые помогли мне прийти к заключению по этому делу. Теперь я хотел бы этими сведениями поделиться с вами. До вас дошли слухи о помолвке сэра Юстаса с моей дочерью. Я не нарушу тайну, если скажу, что несколько недель тому назад сэр Юстас пришел ко мне и официально попросил моего разрешения на их помолвку, после того как его брак будет расторгнут. Нет нужды излагать вам все подробности, о которых шла речь во время нашей беседы. К делу имеет отношение лишь то, что сэр Юстас категорически заявил, что его жена крайне противилась их разводу и согласилась на него только тогда, когда сэр Юстас написал заве-

щение, по которому все имущество сэра Юстаса после его смерти переходило ей, включая поместье в Уорчестершире. Леди Пеннфазер сама имеет небольшой годовой доход, но сэр Юстас, не желая ущемлять ее имущественных прав как бывшей жены, пошел на это. Однако поместье заложено, и то, что он получает за аренду, почти полностью пожирают проценты по закладной. С учетом прочих расходов ей досталось бы в общем-то не так уж много. Следует учесть, что при заключении брачного соглашения с леди Пеннфазер жизнь сэра Юстаса была застрахована на приличную сумму, причем в страховом полисе был оговорен и заклад имения. Со смертью сэра Юстаса закладная аннулируется. И посему сэру Юстасу почти нечего было предложить моей дочери, как он сам откровенно признался. Не только я, но и вы, – продолжал свои рассуждения сэр Чарльз, – не можете не отметить во всем этом весьма важное обстоятельство. По завещанию после смерти мужа леди Пеннфазер, которую нельзя отнести к людям состоятельным, могла бы стать довольно богатой. Но тут вдруг до нее доходят слухи о возможности нового брака сэра Юстаса по завершении бракоразводного процесса. И вполне вероятно, что завещание будет изменено в пользу новой жены, – не так ли? О характере леди Пеннфазер достаточно хорошо свидетельствует то обстоятельство, что она пошла на согласие Дать развод только после того, как вынудила сэра Юстаса подписать завещание в свою пользу. Очевидно, мы имеем Дело с хищницей, жадной

до денег. Для таких убийство – логичный шаг, на который их толкает жажда денег. А в Данном случае ей оставалось только убийство. На него была вся надежда. Я не думаю, – заключил сэр Чарльз, – Что мне следует развивать эту мысль дальше. – Снова пенсне взвилось в воздух.

– Необычайно убедительно, – вздохнул Роджер. – и вы собираетесь доложить свою версию полиции, сэр Чарльз?

– Я полагаю, что, не совершив этого, я выкажу тем самым непростительное небрежение своим гражданским долгом, – сэр Чарльз был высокопарен. Он был явно доволен собою и не мог этого скрыть.

– Хм! – Судя по всему, мистер Брэдли отнюдь не разделял самодовольства сэра Чарльза. – Куда же в вашей версии делись шоколадки? По-вашему, она их здесь изготовила или привезла с собой?

– Разве это так существенно? – отмахнулся сэр Чарльз.

– Я бы счел существенным увязать ее действия по крайней мере с ядом.

– С нитробензолом? Можно увязать ее действия с покупкой шоколадных конфет. Это для нее сложности не представляло. И то, что в качестве яда она выбрала нитробензол, можно отнести к ее уже установленной сообразительности.

– Понятно, – мистер Брэдли разгладил усики и вызывающе взглянул на сэра Чарльза. – Если хорошенько подумать, то вы вовсе не доказали виновность леди Пеннфазер в этом деле. Вы доказали только вероятность мотива и возможность

преступления.

У мистера Брэдли неожиданно оказалась союзница, которая приняла его сторону.

– Именно так! – воскликнула миссис Филдер-Флемминг. – Как раз это я и хотела сказать. Если вы вашу версию сообщите полиции, сэр Чарльз, вам, я думаю, спасибо не скажут. Мистер Брэдли прав, вы совсем не доказали, что леди Пеннфазер виновата или что-то в подобном роде. Я уверена, вы заблуждаетесь, и очень сильно.

Сэр Чарльз был так ошарашен, что на мгновение лишился дара речи. Он так и сидел, широко округлив глаза.

– Заблуждаюсь? – единственное, что он выдал из себя. Очевидно, возможность собственной ошибки никогда не приходила ему в голову.

– Наверное, лучше сказать – вы не правы, – сухо поправила себя миссис Филдер-Флемминг.

– Но, мадам, – впервые в жизни сэр Чарльз не находил слов. – Почему? Почему я не прав? – слабо сопротивлялся он.

– Потому что я в этом уверена, – отрезала миссис Филдер-Флемминг, не утруждая себя объяснениями.

Пока Роджер наблюдал эту сцену, совершалась медленная перемена и в нем. Прежде он находился под гипнотическим воздействием сэра Чарльза и, поддавшись напору его доводов и его самоуверенности, вынужден был принять его версию. Теперь его мнение изменилось на прямо противо-

положное. Теперь он полностью отрицал версию сэра Чарльза. Пропади все пропадом, но у этого парня, у Брэдли, голова все же покрепче. Он действительно прав. В версии сэра Чарльза были такие прорехи, что, будь он защитником леди Пеннфазер, наверняка бы заметил, что в каждую из них может проехать карета, запряженная шестеркой лошадей.

– Конечно, – в задумчивости вымолвил он. – Ничего нет необычного в том, что до своего отъезда за границу леди Пеннфазер имела постоянный счет в фирме «Мейсон и сыновья». Так же как совершенно обычная вещь для такой фирмы, как «Мейсон», вместе с копией счета об оплате присылать благодарственное письмецо. Как сказал сам сэр Чарльз, это делают многие старые, уважающие себя фирмы. И тот факт, что бланк, на котором было напечатано письмо, уже однажды использовали для подобной цели, ничего необычного в себе не содержит. Это очевидно, и кто бы ни был убийцей, он обязательно постарался бы заполучить этот фирменный бланк. Так что положительные ответы на три вопроса, из которых исходил сэр Чарльз, по-моему, не более чем случайное совпадение.

Сэр Чарльз повернулся к новоявленному противнику как разъяренный бык.

– Да, но вероятность случайного совпадения была крайне ничтожна, просто мизерна! – взревел он. – И если это действительно совпадение, то самое невероятное за всю мою практику.

– Ах, сэр Чарльз, вы во власти предубеждений, – мягко проговорил мистер Брэдли. – И все ужасно преувеличиваете. Вы выставляете один шанс против миллиона. А по моим прикидкам, тут скорее один против шести. Раскладки и комбинации, сами понимаете.

– К черту ваши раскладки, сэр! – в бешенстве зарычал сэр Чарльз. – И ваши комбинации туда же!

– Господин президент, – обратился Брэдли к Роджеру, – где записано в правилах нашего Клуба, что один из его членов может в оскорбительном тоне пройтись по поводу нижнего белья другого члена Клуба? Кроме того, сэр Чарльз, – он повернулся к противнику, – я не тот, в чьих правилах ходить в подобном тряпье, и я даже в раннем детстве в нем не ходил.

Только президентское кресло и положение, к которому оно обязывало, помешало Роджеру присоединиться к смешкам, пробежавшим вокруг стола. Чтобы ссора не разбросала Клуб, он решил остудить страсти.

– Брэдли, по-моему, вы уклонились от темы. Сэр Чарльз, я отнюдь не намерен разрушать вашу версию и, кроме того, не могу не оценить блестящую манеру, в которой вы ее изложили. Но если она заслуживает права на существование, то должна устоять под натиском любых аргументов, выдвинутых против нее. Только и всего. И я в самом деле считаю, что вы придаете слишком большое значение ответам на ваши три вопроса. Что бы вы хотели об этом сказать, мисс Дэм-

мерс?

– Я согласна, – твердо произнесла мисс Дэммерс. – То, как сэр Чарльз настаивает на особой важности своих трех вопросов, напоминает мне известный трюк авторов детективных романов. Насколько я помню, он сказал, что если три его вопроса получат положительные ответы, то это будет означать, что виновность подозреваемой окончательно доказана, как если бы сам сэр Чарльз видел собственными глазами, как она впрыскивает яд в шоколад. Его доводы покоятся на весьма шатких основаниях, поскольку убедительность положительных ответов весьма мизерна, а ведь сомнительны сами шансы получить такие ответы. Иными словами, он навязал свое решение, не подкрепленное ни доказательствами, ни солидной аргументацией.

– Вы считаете, авторы детективов как раз этим и занимаются – навязывают свое решение? – поинтересовался Брэдли с кроткой улыбкой.

– Несомненно, мистер Брэдли. Я часто замечала это и в ваших книгах. Вы так навязчиво подаете свою мысль, что читателю ничего не остается, как принять ее, не оспаривая. «В этом пузырьке, – говорит сыщик, – красная жидкость, а в этом – синяя. Если обе жидкости окажутся чернилами, то из этого мы заключаем, что они были приобретены для того, чтобы заполнить пустые чернильницы в библиотеке. И это заключение единственно подлинное, как если бы мы прочли мысли убитого преступником человека». А между тем крас-

ные чернила могла купить служанка, чтобы покрасить свитер, а синие купил секретарь для своей авторучки; да мало ли других объяснений. Но они просто-напросто отменяются. Разве не так?

– Абсолютно так, – согласился Брэдли, ничуть не смущаясь. – А зачем тратить время на несущественные мелочи? Главное – дать понять читателю, в каком направлении думать, и он послушно пойдет за тобой. Вы правильно усвоили технику. Почему бы теперь самой не попробовать? За это хорошо платят, между прочим.

– Может быть, когда-нибудь и попробую. По крайней мере, должна вам сказать, у вас сыщики хоть работают, а не бездельничают в ожидании того, что объявится кто-то и укажет им, кто совершил убийство, как делают другие так называемые сыщики в так называемых детективных романах, которые мне тоже приходилось читать.

– Весьма польщен, – сказал мистер Брэдли. – Значит, вы все-таки читаете детективные романы?

– Разумеется, – довольно резко ответила мисс Дэммерс. – А почему бы и нет?

И она отвернулась от мистера Брэдли так же внезапно, как парировала его вызов.

– А как же быть с письмом, сэр Чарльз? Шрифт, например. Вам не кажется он важным в расследовании? – повернулась она к адвокату.

– Это деталь, которой бы надо заняться; я ведь, в сущно-

сти, лишь наметил основные направления, – сходство сэра Чарльза с быком уже исчезло. – Полагаю, полиция завершит проработку деталей.

– Думаю, им будет трудновато найти связь Полин Пеннфазер с пишущей машинкой, – заметила миссис Филдер-Флемминг не без ехидства.

Оппоненты сэра Чарльза, судя по всему, укрепляли свои позиции.

– Но позвольте, а как же мотив? – настаивал он сокрушенно. – Вы должны признать, что мотивация неоспорима.

– Вы не знакомы с Полин, сэр Чарльз? – спросила мисс Дэммерс.

– Не знаком.

– Оно и видно, – обронила мисс Дэммерс.

– Вы не согласны с версией сэра Чарльза, мисс Дэммерс? – осмелился спросить мистер Читтервик.

– Не согласна, – убежденно ответила мисс Дэммерс.

– Могу ли я спросить, по какой причине? – снова собрался с духом мистер Читтервик.

– Конечно можете. И то, что я скажу, решит все окончательно. Увы, сэр Чарльз, но это так. Когда произошло убийство, я была в Париже, и примерно в то время, когда пакет был опущен в почтовый ящик, я беседовала с Полип Пеннфазер в фойе Гранд-опера.

– Что?! – изумленно воскликнул сэр Чарльз, услышав своими ушами, как рухнули остатки его блестящей версии.

– Мне кажется, я должна принести извинения за то, что не сообщила об этом раньше, – произнесла мисс Дэммерс с невозмутимым спокойствием, – но мне было интересно, какую версию вы можете выстроить против Полин. И я искренне вас поздравляю. Это было великолепно сделано, если иметь в виду индуктивный подход. И если бы я с самого начала не знала, что исключительно все зиждется на заблуждении, вы бы легко смогли меня убедить.

– Но почему, почему она действовала тайно и зачем надо было подставлять вместо себя служанку, если ее путешествие было совершено с невинной целью? – с трудом проговорил сэр Чарльз, а в это время в голове его мелькали мысли о частных самолетах и за сколько времени они могут перенести человека с Плас-Опера на Трафалгар-сквер.

– Я же не сказала, что это было невинное путешествие, – тон мисс Дэммерс был совершенно беспечен. – Не один сэр Юстас ждет не дождется развода, чтобы снова вступить в брак. И Полин тоже времени зря не теряет. И правильно делает. В конце концов, она уже не первой молодости. И не забывайте, что существует такая странная инстанция, как королевский судья по бракоразводным делам. Неужели непонятно?

Президент поспешно объявил заседание закрытым. Ему не хотелось, чтобы один из членов Клуба скончался от апоплексического удара тут же, у него на руках.

Глава 7

Миссис Филдер-Флемминг нервничала, ужасно нервничала.

Без всякого смысла она лихорадочно перелистывала странички своего блокнота, и, пока Роджер произносил вступительное слово, предваряя ее доклад, она вся извелась от нетерпения. Правда, она уже успела шепнуть на ухо Алисии Дэммерс, что она думает по делу об убийстве миссис Бендикс, уверяя ее, что это единственно верный и окончательный вывод. Голова ее просто разламывалась от фактов, добытых ею, и можно было подумать, что само небо послало ей случай наконец-то всех сразить наповал. Но, увы как свидетельствовал ее вид, по каким-то причинам не сможет она, не пожелает этим случаем воспользоваться Она трепетала от волнения, сотрясавшего все ее существо до самой его глубины, и если бы члены Клуба не знали миссис Филдер-Флемминг преотлично, они могли бы подумать, что все так и есть на самом деле.

– Вы готовы, миссис Филдер-Флемминг? – Роджер с удивлением наблюдал ее слишком откровенное возбуждение.

Миссис Филдер-Флемминг покрепче усадила на голове свою шляпку, которая совсем ее не украшала, потеряла носик (не знавший пудры и потому от прикосновений зардевшийся еще невинней) и обвела робким взором общество, распо-

ложившееся вокруг стола. Роджер все с тем же изумлением смотрел на нее. Миссис Филдер-Флемминг совершенно очевидно выступить было страшно. Что-то неведомое заставляло ее не желать того, что надвигалось, более того, это неведомое довлело над важностью задачи, стоявшей перед миссис Филдер-Флемминг. Она нервно откашлялась.

– Мне предстоит очень трудное дело, – тихим голосом приступила она, – я почти не спала всю прошедшую ночь. Невозможно себе представить, как это все отвратительно для такой женщины, как я, – она замолчала и кончиком языка облизала губы.

– Ну пожалуйста, миссис Филдер-Флемминг, мы вас просим. – Роджер чувствовал, что должен ее подбодрить. – Мы все волнуемся перед выступлением. Я слышал, однажды на своей премьере вы произнесли прекрасную речь.

Миссис Филдер-Флемминг взглянула на него с недоумением. Видимо, его слова ничуть не прибавили ей спокойствия.

– Я не об этом, мистер Шерингэм, – произнесла она не без резкости. – Я говорю о том бремени фактов, которые попали ко мне в руки, и о тяжком долге, который мне надлежит здесь выполнить.

– Вы хотите сказать, что распутали это дельце? – осведомился мистер Брэдли весьма непочтительно.

Миссис Филдер-Флемминг окинула его мрачным взглядом.

– К моему бесконечному сожалению, – произнесла она Низким, тревожащим голосом, – мне это удалось.

Миссис Филдер-Флемминг, казалось, наконец овладела собой. Она заглянула в свои записи и уже куда уверенней снова заговорила:

– Криминалистика всегда привлекала меня как профессионального драматурга. Мой интерес к ней связан с неисчерпаемым опытом человеческой драмы. Неотвратимость убийства, обреченная на гибель жертва, подсознательно знающая это, но тщетно сопротивляющаяся своей злой судьбе, жребием избранный убийца, сначала бессознательно, а затем осознанно и бесповоротно стремящийся к начертанной злым роком развязке, силы потаенные, возможно неведомые ни жертве, ни убийце, упрямо ведущие их к осуществлению трагической развязки, не говоря о чудовищности совершаемого... я всегда ощущала, что любое самое простое или самое страшное убийство замешено на глубочайшей человеческой драме, с которой не идет в сравнение ни одна даже самая сложная ситуация, возникающая порой в жизни людей. Вспомните пьесы Ибсена: нагромождение неизбежно противоборствующих обстоятельств, которое мы назовем судьбой; тут есть нечто и от Эдгара Уоллеса – в катарсисе, через который приводит он нас, взирающих на драму жизни, к очищению в финале. И потому совершенно естественно, что я буду рассматривать наше дело в какой-то степени под углом зрения моей профессии (тем более что тут я столкнулась с дра-

матическим поворотом, какой даже трудно было бы измыслить). Призвание мое сказалось также и в том, как я подошла к решению стоявшей передо мной задачи. Как бы то ни было, я поступила именно так, и никак иначе. Результат более чем оправдал мои самые страшные ожидания. Я рассматривала дело в свете одной из древнейших драматических ситуаций, и вскоре оно открылось передо мной со всей своей неприглядной очевидностью. Я имею в виду ситуацию, которая у джентльменов, именующих себя театральными критиками, неизменно носит название «вечного трагического треугольника». Конечно, я должна была начать с одного из участников треугольника, с сэра Юстаса Пеннфазера. Из двух других участников один должен был быть женщиной, другой – мужчиной или тоже женщиной. И тут я обратилась к очень старому и очень мудрому афоризму *chercher la femme*, и... – голос миссис Филдер-Флемминг зазвучал торжественно, – я ее нашла.

Надо сказать, что до сего момента аудитория не была так уж захвачена ее речью. Даже многообещающее вступление не пробудило большого интереса, поскольку все предвидели что миссис Филдер-Флемминг не преминет подчеркнуть, что ее слабой женской натуре претит такой акт, как передача преступника в руки правосудия. Ее трудновоспроизводимые фразы, очевидно заученные ею наизусть специально для предстоящего спектакля, вводили от смысла и сбивали с толку.

Миссис Филдер-Флемминг напрасно ждала изумленных возгласов, которыми, по ее расчетам, должна была сопровождаться ее последняя фраза. Она возобновила свою речь, и на этот раз в ее манере не было ни репетиционной зубрежки, ни работы на публику. Она со всей серьезностью перешла к сути, что возымело должное действие.

– Понятно, что в моем представлении это не должен быть банальный треугольник, – она бросила победный взгляд на сэра Чарльза. – Я ни секунды не подозревала леди Пеннфазер. Преступление было совершено с невыразимым изяществом, и это вселило в меня уверенность, что я имела дело с ситуацией весьма нетривиальной. Кроме того, треугольник не обязательно включает в себя мужа и жену. Любые три человека по воле обстоятельств могут составлять треугольник. Обстоятельства создают треугольник, а не герои, его составляющие. Сэр Чарльз сказал, что это дело напомнило ему дело Мари Лафарж и даже в каком-то смысле дело Мэри Энселл (мог бы он добавить). У меня возникли те же аналогии, но я от них отказалась. По-моему, дело Молине, которое слушалось в Нью-Йорке, содержит больше параллелей. Вы, безусловно, помните его подробности. Мистер Корниш, директор гимнастического клуба, получил на адрес клуба в рождественской почте маленький кубок и бутылочку с бромсальтерской водой. Он решил, что кто-то над ним пошутил, и сохранил пакет, с целью выяснить, кто был тот шутник. Несколько дней спустя женщина, жившая в том же пансионате,

нате, что и Корниш, пожаловалась на головную боль, и Корниш дал ей выпить немного бром-сельтерской. Она тут же скончалась, а Корниш, который отпил всего глоток, потому что она сказала, что лекарство ужасно горькое, тяжело переболел, но выжил. В результате был арестован и отдан под суд человек по фамилии Молине, член того же клуба. Многое свидетельствовало против него. Кроме того, было известно, что он страшно ненавидел Корниша и даже однажды напал на него с кулаками. Более того, за год до этого был убит другой член клуба, по фамилии Барнет. Смерть наступила по причине отравления образцом новой порошка от головной боли, который был также прислан как бы в шутку Барнету на адрес клуба. А незадолго до эпизода с Корнишем Молине женился на девушке, которая была помолвлена с Барнетом в самый канун его смерти. Молине был влюблен в нее с незапамятных времен, но тогда она предпочла Барнета. Насколько вы помните, Молине был осужден на первом процессе и оправдан на втором. Позже он сошел с ума. Итак, мне представляется, что тут мы имеем полную параллель. Наше дело являет собой по многим позициям усложненное дело Корниша – Барнета. Сходство необыкновенное. Отравленный предмет, посланный на адрес клуба, смерть невинного лица по ошибке, как в случае Корниша, сохранен пакет, есть треугольник, как в деле Барнета (в треугольнике, заметьте, нет ни жены, ни мужа). Все это просто ошеломляет. Более того, это и проявляет кое-что. Такие вещи по чистой случай-

ности не происходят.

Миссис Филдер-Флемминг остановилась и высморкалась в платочек, негромко, но с чувством. Она уже взяла нужный курс и сумела направить по этому курсу аудиторию. И если не слышно было «ахов» и «охов», то, на крайней мере, в продолжение всей паузы стояла полная тишина.

– Я сказала, что сходство было не только ошеломляющим, но и выявляющим. Я объясню позже, в чем заключается эта его особенность. Пока же замечу только, что мне в моем расследовании это чрезвычайно помогло. Мысль о слишком близкой параллели с делом Корниша была большой неожиданностью для меня, но, ухватившись за это открытие, я странным образом почувствовала уверенность в том, что именно в этой аналогии и следует искать разгадку гибели миссис Бендикс. Это чувство овладело мною с такой силой, что я все поняла – и очень точно. Да, меня посещают порой приступы интуиции (называйте их как хотите), и ни разу еще я не была ими обманута. И в данном случае интуиция меня не подвела. Я стала рассматривать дело в свете дела Молине. Поможет ли мне оно в поисках женщины, которой не хватает в нашем деле? Каковы были особенности дела Барнета? Барнет получил злополучный пакет, потому что должен был жениться на девушке, а убийца твердо решил этому воспрепятствовать. При таком количестве параллелей не наблюдаем ли мы... – миссис Филдер-Флемминг сдвинула свою нелепую шляпку совсем набекрень и решительным взором обве-

ла своих слушателей, уподобляясь первохристианину, который, укрепленный верой, пытаться смирить взглядом стаю разъяренных львов. – Не наблюдаем ли мы нечто подобное и в нашем деле?

Вот теперь миссис Филдер-Флемминг была наконец вознаграждена. Она услышала возгласы изумления и самые искренние «ах!». Громкий негодующий возглас сэра Чарльза напомнил скорее фыркание. Мистер Читтервик тихонько ахнул, но больше от страха, как бы чего не случилось между сэром Чарльзом и миссис Филдер-Флемминг: они переглянулись, и это не сулило добра. В глазах сэра Чарльза читалось грозное предупреждение, а в ее колючих глазах сверкнул нескрываемый вызов.

Президент Клуба тоже сдержано ахнул, лихорадочно соображая, что же делать в его положении, если два члена Клуба затеют рукопашную прямо у него под носом.

Мистер Брэдли и ахнуть не успел. Он зашелся от восторга, и было отчего. Миссис Филдер-Флемминг раздражить быка удалось лучше, чем ему самому. Он отнюдь не завидовал ей, нет, ему и так было совсем неплохо – сиди себе и потирай руки от удовольствия. Даже в своих самых наглых тореадорских выпадах против сэра Чарльза ему и в голову бы не пришло заявить, что родная дочь его жертвы послужила поводом к убийству. Неужели эта потрясающая тетка могла слепить из насквозь дырявой версии целое дело? А вдруг окажется, что это правда? В конце концов, можно и это пред-

положить. В прежние времена убийства из-за хорошеньких женщин совершались довольно часто. А почему бы и нет – ради прехорошенькой дочки королевского адвоката?

Последней ахнула миссис Филдер-Флемминг, пораженная собственной смелостью.

Только Алисия Дэммерс не проронила ни звука. Ее умное личико ничего, кроме любопытства, не выражало. Она с нетерпением ждала, чем кончится пикировка между ее подружкой и сэром Чарльзом. Даже если бы на скамье подсудимых оказалась ее собственная мать, она, похоже, с той же бесстрастностью воспользовалась шансом поупражняться в быстроте смекалки и проверке своего интеллекта на остроту. Не вникая в суть происходившего, а происходило то, что впервые один из членов Клуба оказался замешанным в деле об убийстве, она давала понять – резкий блеск ее глаз об этом и говорил, – что сэр Чарльз должен быть рад, раз из-за его дочери какой-то смельчак отважился на подобный поступок.

Сэр Чарльз, напротив, отнюдь не ликовал. Вены на лбу у него побагровели и вздулись, и казалось, в нем, того и гляди, что-то лопнет. Миссис Филдер-Флемминг снова ринулась бой, как перепуганная, но решившая не отступить курица.

– Мы условились между собой не принимать во внимание закон о клевете, – она и впрямь кудахтала. – Личность для нас как бы не существует, и если в процессе обсуждения воз-

никает чье-либо имя, нам известное, мы имеем право произнести его без колебаний, как если бы оно было нам совершенно незнакомо. Мы ведь договорились об этом вчера на вечернем заседании, не так ли, господин президент? И разве поприще, которое мы избрали, не обязывает нас ставить долг перед обществом выше личных интересов?

На мгновение Роджера охватил панический страх. Ему совсем не хотелось, чтобы его великолепный Клуб распался, рассыпался, чтобы никогда уже вновь из праха не возникнуть. И хотя боевой задор и бесстрашие миссис Филдер-Флемминг не могли не восхищать его и он даже немножко завидовал ей, так как сам таким характером не обладал, он понимал сейчас, что повод подвернулся самый неподходящий – речь шла не о ком-нибудь, а о сэре Чарльзе. Однако же право было на стороне миссис Филдер-Флемминг, а разве защита интересов правосудия не входила в обязанности президента?

– Совершенно справедливо, миссис Филдер-Флемминг, – сделав над собой усилие, проговорил он, надеясь, что его голос не утратил присущей ему твердости.

Голубые глаза сэра Чарльза полыхнули гневом в его сторону. Но тут миссис Филдер-Флемминг снова вскочила на своего взрывоопасного конька, и сэр Чарльз устремил горящий гневом голубой взор на нее. Нервничая, Роджер следил за их схваткой и думал о том, насколько недопустимо взаимодействие голубых лучей с взрывоопасными веществами.

Миссис Филдер-Флемминг вольтижировала на начиненном порохом коньке, временами рискуя сорваться, и тогда взрыв был бы неминуем, но каждый раз она чудом овладевала ситуацией.

— Итак, я продолжаю. В моем треугольнике теперь были два очевидных участника. Где же следовало искать третьего, если принять аналогию с делом об убийстве Барнета? Очевидно, в некоем лице, прототипом которого мог служить Молине, в том смысле, что для этого лица брак между первым участником и вторым представлялся абсолютно недопустимым. Как вы заметили, пока я не противоречу выводам сэра Чарльза, которые мы вчера вечером выслушали. Но к своим выводам я шла другим путем. А ведь сэр Чарльз тоже говорил о треугольнике, таковым его не именуя (возможно, он и не увидел там треугольника). Заметьте однако, что первые два участника его треугольника точно совпадают с моими.

Миссис Филдер-Флемминг метнула вызывающий взор на сэра Чарльза, ожидая с его стороны возражений. Но поскольку ее последнее заявление показалось сэру Чарльзу несущественным, он не счел нужным ей возражать, чтобы не пускаться в лишние споры о том, что он вовсе не имел в виду никакого треугольника, когда выступал на прошлом заседании. Он решил не заметить вызова. Гнев в его очах погас. И в намеках миссис Филдер-Флемминг на третье лицо в ее треугольнике (об этом говорил весь его вид) он не чувствовал для себя никакой беды.

– И только когда мы подходим к выявлению третьего участника треугольника, – с воодушевлением продолжала миссис Филдер-Флемминг, – наши мнения с сэром Чарльзом расходятся. Сэр Чарльз предложил кандидатуру леди Пеннфазер. Я не имею удовольствия быть знакомой с леди Пеннфазер, но мисс Дэммерс, которая хорошо ее знает, считает, что характеристика, данная ей сэром Чарльзом, во всех отношениях ошибочна. Нет, она не корыстная хищница, не скупая, не жадна до денег, и даже представить себе невозможно, что она способна на чудовищное преступление, которое сэр Чарльз слишком поспешно пытался ей приписать. Как я понимаю, леди Пеннфазер – милейшая и добрейшая женщина. Возможно, она позволяет себе некоторую свободу, но это не умаляет ее достоинств – напротив, в глазах кое-кого из вас от этого она только выигрывает.

Миссис Филдер-Флемминг старалась всем внушить, что она сама не только допускала легкие отступления от морали У других, но в каких-то случаях даже могла покровительствовать заблудшим. Правда, мало кто ей верил. Те, кто знал ее хорошо, отнюдь не забыли, как она порвала с одной из своих племянниц, которая, пронюхавши, что ее Пожилой супруг во всех четырех частях Англии завел по любовнице, сбежала от него со своим молодым поклонником, нежно ею любимым.

Пребывая в счастливом заблуждении, что ее друзья давно забыли эту историю, миссис Филдер-Флемминг продолжала:

– Мы расходимся с сэром Чарльзом не только в идентификации третьего лица в треугольнике. Но и в том, как каждый из нас вышел на свое решение. У нас с ним крайне противоположные взгляды на самое главное – на мотивацию преступления. Сэр Чарльз пытался убедить нас в том, что убийство совершено в корыстных целях. Я же считаю, что убийца руководствовался совсем не такой уж низменной целью. Нам всегда внушали, что убийство ничем не может быть оправдано. Но бывают случаи, когда мы почти готовы оправдать убийцу. По-моему, это тот самый случай. В своих попытках разгадать, кто был третьим участником треугольника, я исходила из характера самого сэра Юстаса. Поразмыслим немножко. Не будучи связанными законом о клевете, мы можем смело утверждать, что с определенной точки зрения сэр Юстас представляет собой весьма нежелательный для общества элемент. Вообразите, что молодой человек любит девушку, и, конечно, в его глазах знакомство девушки с таким господином, как сэр Юстас, абсолютно недопустимо. Сэра Юстаса мало назвать аморальным человеком, его аморальности невозможно найти оправдания, а это еще более серьезное обвинение. Он развратник, мот, без стыда и совести в отношениях с женщинами, негодяй, который разрушил семейное счастье с очаровательной женщиной, притом что эта женщина была достаточно широких взглядов, чтобы не обращать внимания на его интрижки с дамочками и другие грехи, столь свойственные мужчинам вообще. Для юной де-

вушки брак с таким человеком, как сэр Юстас, – трагедия. А теперь вообразите отчаяние молодого человека, всем сердцем любящего девушку, при мысли о том, что будущий муж ее любимой не кто иной, как сэр Юстас, – продолжала миссис Филдер-Флемминг тоном трагической актрисы. – И разве трудно себе представить, что человек этот пойдет на все, чтобы избавить ее от сэра Юстаса. А для настоящего мужчины, – прибавила миссис Филдер-Флемминг, покраснев от волнения, – нет ничего невозможного.

Тут миссис Филдер-Флемминг остановилась. Повисла пауза, полная напряженного ожидания.

– Занавес, конец первого акта, – тихонько сострил мистер Брэдли на ухо мистеру Читтервику.

Мистер Читтервик отозвался чуть слышным нервным смешком.

Глава 8

Едва был объявлен перерыв, сэр Чарльз, как обычно, поднялся со своего кресла. Так и в театре к первому антракту (если в тот вечер не дают пьесы миссис Филдер-Флемминг) зрителю необходима разрядка. Сэр Чарльз тоже желал разрядиться – и немедленно.

– Господин президент, – прогремел сэр Чарльз, – я требую ясности! Что, миссис Филдер-Флемминг действительно собирается обвинить в преступлении одного из друзей моей дочери? Так это или не так?

Президент весь сжался, когда перед ним выросла клоко-чущая от негодования гора, и больше всего на свете ему захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не быть президентом.

– Ничего не могу сказать, не знаю, – пытался он разуверить сэра Чарльза, но получилось фальшиво и неубедительно.

Миссис Филдер-Флемминг сама нашла в себе силы ответить сэру Чарльзу.

– Я еще никому не предъявила обвинения, сэр Чарльз, – холодно произнесла она, преисполненная чувства собственного достоинства. (Но ее шляпка, вместо того чтобы горделиво венчать голову хозяйки, съехала набок и теперь нахально парила над ее левым ухом.) – Я только развивала свою

тему.

Если бы это сказал мистер Брэдли, сэр Чарльз бросил бы ему презрительно: «К черту вашу тему». Однако, подчиняясь дурацким условностям современной цивилизации, требующей корректности в обращении между полами, он ничего не ответил, но его голубые глаза снова вспыхнули гневом.

Коварная, как все представительницы слабого пола, миссис Филдер-Флемминг тут же воспользовалась этой ничтожной и вынужденной уступкой.

– А между прочим, – кольнула она, – это еще не конец.

Сэр Чарльз уселся на свое место сам не свой, отпустив крепкое словечко.

Мистер Брэдли еле сдержался, чтобы не хлопнуть мистера Читтервика по спине, а после пощекотать у него под подбородком.

Миссис Филдер-Флемминг объявила конец перерыва и позвонила в колокольчик, предупреждая, что занавес перед началом второго акта ее спектакля поднимается. Спокойствие, которое она собою являла, было слишком уж безмятежным, чтобы не казаться наигранным.

– Раскрыв перед вами ход моих рассуждений относительно третьего лица в постулированном мной треугольнике, иными словами – убийцы, я наконец перейду к свидетельским показаниям, которые должны подкрепить мои умозаключения. Я сказала – подкрепить? Нет, я хотела сказать – подтвердить, чтоб не осталось сомнений в правильности мо-

ИХ ВЫВОДОВ.

– И к каким же вы пришли выводам, миссис Филдер-Флемминг? – мягко полюбопытствовал мистер Брэдли. – Вы же их еще не обнародовали. Лишь намекнули, что убийца – соперник сэра Юстаса, тоже претендовавшего на руку мисс Уайлдмен.

– Совершенно верно, – поддержала его Алисия Дэммерс. – Даже если вы не хотите его прямо назвать, Мейбл, может быть, можно говорить немножко яснее?

Мисс Дэммерс не любила неопределенности. Неопределенность для нее пахла неряшливостью, а этого мисс Дэммерс терпеть не могла. Кроме того, ей ужасно хотелось узнать, на ком миссис Филдер-Флемминг остановила свой выбор. Уж она-то знала, что Мейбл могла как угодно придуриваться, нести как дурочка всякую чушь, по-дурацки одеваться и держаться, но на самом деле дурочкой ее никак нельзя было назвать.

Мейбл скромно потупилась.

– Боюсь, еще не время. Сначала мне хочется познакомить вас с аргументацией. Думаю, позже вы поймете почему.

– Очень хорошо, – вздохнула мисс Дэммерс. – Но только, пожалуйста, давайте не будем нагнетать атмосферу детективных романов. Мы должны заниматься расследованием трудного дела, а не мистифицировать друг друга.

– У меня есть веские причины, Алисия, – миссис Филдер-Флемминг нахмурилась и попыталась вновь собраться с

мыслями.

– Так на чем я остановилась? Да, свидетельские показания. Это действительно интересно. Мне удалось установить два важнейших факта, которые до сих пор в расследовании не всплывали. Первый: сэра Юстас совсем не был... – миссис Филдер-Флемминг запнулась, а затем, ободренная молодецким видом мистера Брэдли, решила и выпалила незамысловатую правду: – не был влюблен в мисс Уайлдмен. Он хотел жениться на ней ради денег, вернее, ради денег ее отца, на которые он рассчитывал. Я надеюсь, сэра Чарльз, – ледяным тоном прибавила она, – вы не сочтете что я клевету на вас, если напомним членам Клуба, что вы невероятно богаты. Это очень важное обстоятельство в моей версии.

Сэр Чарльз склонил свою красивую крупную голову.

– Вряд ли это можно назвать клеветой. Скорее всего, это просто дурной тон, а воспитание хорошего тона не входит в сферу моих профессиональных интересов. Боюсь, что напрасно потеряю время, если попробую дать вам некоторые советы в этом направлении.

– Очень интересная новость, миссис Филдер-Флемминг, – поспешно вмешался Роджер, чтобы прекратить обмен любезностями между миссис Филдер-Флемминг и сэром Чарльзом. – Как вам удалось ее раздобыть?

– У лакея сэра Юстаса, мистер Шерингэм, – не без гордости отвечала миссис Филдер-Флемминг. – Я расспросила его. Сэр Юстас не делал тайны из своих планов. Он вы-

кладывал лакею все свои секреты. Женившись на дочери сэра Чарльза, сэр Юстас собирался расплатиться с долгами, купить парочку скаковых лошадей, обеспечить леди Пеннфазер и вообще начать новую и, без сомнения, бесчестную жизнь. Он пообещал, что подарит Баркеру, лакею, сотню фунтов в тот день, когда «поведет дочурку к алтарю», как он изволил выразиться. Мне не хотелось бы оскорблять ваших чувств, сэр Чарльз, но я имею дело с фактами, а факты важнее чувств. Сведения, на которые я рассчитывала, обошлись мне в десять фунтов. Примечательная, как выяснилось, информация.

Она обвела собрание победным взглядом.

– И вы думаете, – переборков застенчивость, осведомился мистер Читтервик, – что можно доверять сведениям, полученным из столь пакостного источника? Право, источник ужасно себя замарал. Ну разве мог бы мой лакей продать меня даже за десять фунтов?

– Каков хозяин, таков и слуга, – отрезала миссис Филдер-Флемминг. – Факты вполне надежные. Я смогла многое перепроверить. Так что в целом, думаю, можно им доверять. Мне хотелось бы привести еще одно высказывание сэра Юстаса. Оно не лестного характера, но говорит о многом, очень многом. Как-то сэр Юстас по пытался соблазнить мисс Уайлдмен, пригласив ее в отдельный кабинет в ресторан «Мопсичейка» (этот факт я потом проверила). Ему это понадобилось, чтобы окончательно решить дело с браком, к которому

он стремился. Простите, сэр Чарльз, но нельзя не упомянуть о подобном факте. Сразу скажу, что попытка не увенчалась успехом. В тот вечер он заметил лакею: «Дочурку легче затащить под венец, чем как следует подпоить». И это, по-моему, красноречивее всех слов говорит о том, что за человек сэр Юстас. Я думаю, теперь вы лучше поймете, сколь велико было в человеке, который всем сердцем любил девушку, побуждение вырвать ее из рук такого скота. Я подхожу ко второму факту, который является краеугольным камнем всей конструкции. Он и заставил убийцу – и это лежало в основе его решения – пойти на такой крайний шаг, как убийство. Факт этот несет основную нагрузку в моей версии. Дело в том, что мисс Уайлдмен была безумно, безнадежно и безответно влюблена в сэра Юстаса Пеннфазера.

Как актриса, стремящаяся к драматическому эффекту, миссис Филдер-Флемминг помолчала, пока весь смысл произнесенных ею слов постепенно проникал в сознание аудитории. Но сэр Чарльз принимал все слишком близко к сердцу и весомости ее слов не почувствовал.

– Позвольте спросить: а где вам удалось раздобыть подобные байки? – с невыразимым сарказмом спросил он. – У горничной моей дочери?

– Именно, у горничной вашей дочери, – любезно отозвалась миссис Филдер-Флемминг. – Расследование уголовных дел, как я обнаружила, весьма дорогостоящее увлечение, но на благородное дело грех жалеть деньги.

Роджер вздохнул. Он вдруг подумал, что если его несчастному детищу, его Клубу, суждена будет мучительная смерть, то агония начнется с потери миссис Филдер-Флемминг или сэра Чарльза; но, увы, он знал, кто из них уйдет. Жаль, думал Роджер. Сэр Чарльз, как настоящий профессионал, в этом смысле составлял приятное исключение, поскольку среди остальных членов Клуба (если не считать мистера Читтервика) преобладали люди литературных наклонностей. Роджеру случалось на заре своей юности посещать литературные сборища, и теперь он был абсолютно уверен, что не сможет заседать в компании, где все зарабатывают себе на жизнь, строча литературные опусы.

Кроме того, надо признать, что миссис Филдер-Флемминг излишне круто обходилась со стариком. Все-таки дело касалось не кого-нибудь, а его родной дочери.

– Таким образом, – продолжала миссис Филдер-Флемминг, – мне удалось обосновать тот наисерьезнейший мотив, которым был движим человек, вознамерившийся, по моему предположению, убить сэра Юстаса. И для него это был единственный выход из невыносимой ситуации. Теперь разрешите мне увязать личность этого человека с некоторыми фактическими данными, которые могут рассматриваться как улики, наводящие на след убийцы. Когда недавно старший инспектор позволил нам ознакомиться с фальшивым письмом из фирмы «Мейсон и сыновья», я постаралась рассмотреть его как можно внимательное – ведь я неплохо

разбираюсь в пишущих машинках. Письмо было напечатано на «гамильтоне». Человек, которого я подозреваю в убийстве, имеет такую машинку у себя в конторе. Вы можете сказать, что это совпадение, на «гамильтоне» печатают многие, – вполне возможно; но если таких совпадений набирается целая куча, они перестают быть совпадениями, они становятся системой. То же самое касается совпадения в случае с мейсоновским бланком. Человек этот определенным образом связан с фирмой «Мейсон». Если вы помните, три года назад фирма «Мейсон» судилась с одной из конкурирующих фирм, был большой процесс, но я забыла его подробности. Может быть, вы помните их, сэр Чарльз?

Сэр Чарльз нехотя кивнул, словно не желая оказывать своей противнице даже такой мелкой услуги, как прояснение забытых деталей процесса.

– Должен, конечно, помнить, – он был лаконичен. – Дело было затеяно против фирмы «Фернли чоколат компани», которая нарушила авторское право, воспользовавшись рекламой фирмы «Мейсон». Я выступал на стороне фирмы «Мейсон и сыновья».

– Благодарю вас. Так я и думала. Ну хорошо. Этот человек был связан с тем делом. Он как законник выступал на стороне фирмы «Мейсон». И несомненно, он был своим человеком в фирме. Знал ее вдоль и поперек. Возможностей получить в собственное пользование пару бланков, как вы понимаете, у него было миллион. И потому он имел

все шансы три года спустя обнаружить у себя дома старый бланк фирмы. У бланка пожелтевшие края, следовательно, ему должно быть не меньше трех лет. На бланке следы затертой надписи, типичной для фирмы «Мейсон». Налицо очевидный факт. Все сходится. А теперь, – продолжала вещать миссис Филдер-Флемминг, – возьмем почтовую марку. Я абсолютно согласна с сэром Чарльзом в том, что убийца, человек в высшей степени сообразительный, намереваясь устроить для себя безупречное алиби, никому бы не доверил отправку рокового пакета по почте. Я исключаю вариант, что он имел сообщника, это было бы слишком опасно; имя сэра Юстаса не могло остаться незамеченным, обнаружилась бы связь. Убийца, убежденный в том, что подозрение падет на кого угодно, но только не на него (вечное заблуждение всех убийц), с риском для собственного алиби решает все-таки сам опустить пакет. Чтобы дело получило наконец свое завершение, необходимо было установить местонахождение этого человека между восемью тридцатью и девятью тридцатью того вечера в районе Стрэнда. Задача представлялась мне невероятно трудной, но, к моему удивлению, все оказалось очень просто. Человек, о котором я все время говорю, присутствовал на ужине в отеле «Сесиль». Там была вечеринка старых выпускников его факультета. Вряд ли стоит напоминать, что отель «Сесиль» находится напротив Саутгэмптон-стрит. Почтовое отделение на этой улице ближе всех к отелю. Спрашивается: чего же легче? Выскользнуть неза-

метно на пять минут – вот и все, что требовалось. А затем вернуться на свое место, пока остальные не заметили его отсутствия.

– А что, в самом деле? – захлебнулся от восхищения мистер Брэдли.

– У меня есть еще два заключительных пункта. Помните, когда я говорила о сходстве нашего дела с делом Молине, я подчеркнула, что сходство это не только удивительное, оно и проявляет кое-что. Объясню, что я имела в виду. Я имела в виду, что параллель тут слишком очевидна, чтобы быть просто совпадением. Дело скопировано с дела Молине совершенно сознательно. И если это так, то вывод один. Убийство есть дело рук человека, постигшего глубины истории криминалистики, дело рук криминалиста. Человек, о котором я говорю, – криминалист. Последний пункт моего выступления, – продолжала далее миссис Филдер-Флемминг, – касается опровержения по поводу помолвки между сэром Юстасом и мисс Уайлдмен. Через лакея сэра Юстаса я узнала, что сам сэр Юстас такого опровержения в газету не посылал. Ни он, ни мисс Уайлдмен. Сэр Юстас был взбешен, когда ему сказали об этом. Опровержение было послано без согласия со стороны этих лиц по собственной инициативе человеком, которому я предъявляю обвинение в совершенном убийстве.

Мистер Брэдли на минуту вышел из своего блаженного состояния:

– А как же нитробензол? Вам удалось связать нитробен-

зол с личностью преступника?

– А это как раз один из тех немногих пунктов, по которым я полностью согласна с сэром Чарльзом. Я думаю, что нет никакой необходимости искать связь между личностью убийцы и такой чепухой, которую можно просто где угодно купить, не давая никаких объяснений по этому поводу.

Миссис Филдер-Флемминг явно держалась из последних сил. Речь ее, такая спокойная и по-судейски взвешенная, давалась ей нелегко. Чувствовалось, что с каждой фразой говорить ей было труднее и труднее. Ее душило волнение. Казалось, еще несколько фраз – и оно задушит ее совсем, хотя остальным членам Клуба ее переживания казались немного излишними. Она приближалась к кульминации своего сюжета, однако же не стоило впадать в крайность. Лицо ее заливал пунцовый румянец, а шляпка переехала на затылок и там истерически дергалась в такт переживаниям хозяйки.

– Вот и все! Дело завершено. Этот человек – убийца! – взвизгнула она, оборвав свою речь. В зале стояла полная тишина.

– Ну? – не удержалась Алисия Дэммерс. – Так кто же он? Пока миссис Филдер-Флемминг говорила, сэр Чарльз подал ее глазами, все больше мрачней. Наконец он грохнул кулаком по столу.

– Вот именно – кто? – проревел он. – А ну-ка, выкладывайте! Против кого направлены ваши нелепые инсинуации, мадам?

Всем было понятно, что сэр Чарльз заведомо отрицает выводы оратора, к чему бы они ни свелись.

– Обвинения, сэр Чарльз, обвинения, – пропищала миссис Филдер-Флемминг, поправляя его. – Вы что, не знаете или притворяетесь?

– Увы, мадам, – произнес сэр Чарльз с огромным достоинством, – не имею ни малейшего представления.

И тогда миссис Филдер-Флемминг изобразила трагедию. Подобно королеве в пьесах известного рода, она мед ленно поднялась со своего места (только у королев не бывает на затылке трясущейся шляпки, и если лица их имеют свойство багроветь от натуги, они употребляют грим особых тонов, чтобы это скрыть), не замечая, что кресло за ней опрокинулось и глухо ударилось об пол (так рок отбивает чей-то последний смертный час), и, вытянув перед собой дрожащую руку, вперившуюся в сэра Чарльза, с высоты своего крохотного росточка (пять футов от пола) вскричала пронзительно:

– Ты! Ты и есть тот человек! Я вижу печать Каина на твоём челе! Убийца!

Все замерли от ужаса, а мистер Брэдли отчаянно вцепился в руку мистера Читтервика.

У сэра Чарльза пропал голос, и он проговорил чуть слышно:

– Она сошла с ума.

Когда выяснилось, что сэр Чарльз не намерен тут же разделаться с ней, уложив на месте ни выстрелом из пистолета,

ни пламенем своего испепеляющего взгляда, чего она весьма опасалась, миссис Филдер-Флемминг, укротив истерику, взялась за аргументацию своих обвинений.

– Отнюдь нет, сэр Чарльз, я абсолютно в здравом уме. Вы любите свою дочь куда сильнее обычного, как может любить человек, потерявший жену, любить единственное существо слабого пола, оставшееся на его попечении. Вы решили во что бы то ни стало вырвать дочь из рук сэра Юстаса Пеннфазера, оградить ее юность, невинность, доверчивую душу от этого мерзавца, и тут все средства были хороши. Вы сами подписали себе приговор, когда сказали, что не считаете необходимым доводить до нашего сведения все, что говорилось в вашей беседе с сэром Юстасом. И действительно не считаете, потому что тогда вы сказали ему, что скорее убьете его собственными руками, чем позволите жениться на своей дочери. Но все зашло слишком далеко, бедная девушка совсем потеряла голову от любви и не желала ничего слышать, а сэр Юстас был преисполнен желания на ее чувства ответить, и вам ничего не оставалось, как прибегнуть к последнему и единственному средству, которое могло бы предотвратить катастрофу, и ваша рука не дрогнула. Сэр Чарльз Уайлдмен, пусть судит вас Бог. А я не берусь.

Тяжело переводя дыхание, миссис Филдер-Флемминг подняла кресло и опустилась в него.

– Так-так, сэр Чарльз, – сердце под жилеткой у мистера Брэдли едва не лопалось от счастья. – Кто бы мог подумать?

Пойти на убийство! Ай-ай-ай, какой ужас, какой невысказанный ужас.

Это было впервые, чтоб сэр Чарльз не заметил назойливого жала. Вряд ли вообще какие-то слова до него доходили. Теперь, когда он стал понимать, что миссис Филдер-Флемминг предъявила ему обвинение самым серьезным образом, а не в припадке преходящего безумия, сэр Чарльз почувствовал, как и мистер Брэдли, что сердце у него в груди вот-вот лопнет. Его лицо наливалось кровью, будто забирая пунцовость со щек миссис Филдер-Флемминг, которая стала бледнеть. Вообще он был похож сейчас на ту лягушку из детской сказки, которая дулась-дулась и, не рассчитав, лопнула. Роджер, совершенно ошарашенный бурной речью миссис Филдер-Флемминг, встревожился не на шутку за него.

Но тут сэр Чарльз вновь обрел спасительный дар речи.

– Господин президент, – вдруг прорвало его, – если эта дама не шутит, а надо сказать, что так приличные люди не шутят, то как это понимать? Должен ли я принимать всю ее абракадабру всерьез?

Роджер взглянул на миссис Филдер-Флемминг и поперхнулся. Ее полное решимости лицо, казалось, окаменело. Пусть сэр Чарльз называет это абракадаброй, но его противнице удалось построить версию, и причем не дырявую, а вполне обоснованную.

– Я полагаю, – сказал он, стараясь тщательно подбирать слова, – что, если бы обвинение выдвигалось не против вас,

сэр Чарльз, а против кого-то другого, вам пришлось бы согласиться, что оно достаточно аргументировано и, уж если дело на то пошло, к нему придется отнестись со всей серьезностью, хотя бы из необходимости опровергнуть.

Сэр Чарльз фыркнул, а миссис Филдер-Флемминг энергично закивала в знак согласия с президентом.

– Если опровержение вообще возможно, – заметил мистер Брэдли. – Должен признаться, что сам я нахожусь под сильным впечатлением от всего сказанного миссис Филдер-Флемминг, которая, как мне кажется, вполне справилась с делом. Может быть, мне пойти позвонить в полицию, господин президент? – Брэдли был преисполнен искреннего рвения выполнить свой гражданский долг, каким бы неприятным он ни был.

Сэр Чарльз сильно заморгал, в очередной раз лишившись дара речи.

– Я полагаю, в этом пока нет нужды, – мягко ответил Роджер. – Мы еще не слышали, что сам сэр Чарльз может сказать по этому поводу.

– Ну что ж, можно послушать, – снисходительно заметил мистер Брэдли.

Пять пар глаз впились в сэра Чарльза, пять пар ушей обратились в слух.

В душе у сэра Чарльза происходила страшная борьба, но он не проронил ни слова.

– Я так и предполагал, – пробурчал мистер Брэдли, – что

тут скажешь в свою защиту? Сэр Чарльз, своим красноречием избавивший от виселицы столько убийц, теперь, когда ему предоставляется блестящая возможность защитить самого себя, не может найти слов в свое оправдание. Прискорбно.

Взгляд, брошенный сэром Чарльзом на своего мучителя, явственно говорил, что, окажись они с мистером Брэдли где-нибудь без посторонних свидетелей, он бы нашел слова для этого негодяя. А пока что он только брюзжал, негодую.

– Господин президент, – как всегда, быстрее всех нашла выход сметливая Алисия Дэммерс, – я вот что предлагаю. Сэр Чарльз, как я понимаю, не желая отвечать суду, признает себя виновным, а мистер Брэдли, как примерный гражданин, собирается передать его в руки полиции. Так ведь?

– Совершенно верно, – подтвердил примерный гражданин.

– Мне самой подобный оборот дела нежелателен. Сэр Чарльз заслуживает большего уважения. Конечно, нам всегда внушали, что убийство является поступком антиобщественным. Но всегда ли? По моему мнению, сэр Чарльз, освобождая мир и свою дочь от сэра Юстаса Пеннфазера, действовал из благородных побуждений, несущих пользу обществу. То, что по недоразумению жертвой, и притом невинной, оказалось другое лицо, к делу не относится. Даже миссис Филдер-Флемминг, говоря о том, сможет ли она сама осудить его за это, колебалась, в отличие от судей, которые

непременно вынесут свое решение. Правда, она прибавила в самом конце, что ей недостает компетенции осудить его. Я не поддерживаю ее точки зрения Будучи (и смею надеяться, что это так) человеком здравомыслящим, я считаю, что у меня хватит компетенции судить сэра Чарльза. Более того, я полагаю, что у всех нас, пяти членов Клуба, вполне хватит компетенции устроить суд над сэром Чарльзом. Миссис Филдер-Флемминг может выступать в роли прокурора. Кто-нибудь (предлагаю мистера Брэдли) будет его защитником. Мы, все пятеро, можем выступать как некое жюри, которое большинством голосов будет решать «за» или «против». Все будет зависеть от результата голосования, и если большинство будет против сэра Чарльза, мы вызовем полицию; а если за него, то давайте договоримся о том, что никто из нас никогда не проронит ни слова о его преступлении за пределами этой комнаты. Могу я предложить такое решение собранию?

Роджер улыбнулся ей, но не выразил своего одобрения. Он понимал, что Алисия Дэммерс так же, как и он, ни на секунду не сомневается в том, что сэр Чарльз преступления не совершал, и что она просто разыгрывает знаменитую адвоката; что, конечно, достаточно жестоко, но, наверное, по ее представлениям, он вполне того заслуживает. Мисс Дэммерс всегда уверяла, что она за объективность при всех обстоятельствах, и что иногда кошке бывает полезно самой побегать за мышкой, и что в данном случае это пойдет на благо тому, кому дана законная власть судить других людей, и

пусть он сам посидит на скамье подсудимых, да еще по такому страшному обвинению. Что же до мистера Брэдли, то, хотя он, скорее всего, тоже не верил, что сэр Чарльз убийца, он тоже включился в розыгрыш потому, что теперь-то он мог вволю отыграться на сэре Чарльзе за то, что тот добился такого успеха в жизни, какого ему, Брэдли, не видать как своих ушей, а чем он хуже сэра Чарльза?

Нет, размышлял Роджер, и мистер Читтервик не сомневается, что сэр Чарльз не преступник, хотя, судя по его перепуганной и оторопелой физиономии и по тому, как он искоса поглядывает на автора этой безумной версии, совсем неизвестно, что у него на уме. На самом деле Роджер был убежден, что ни у кого не возникало и тени подозрения в том, что сэр Чарльз был причастен к убийству, за исключением миссис Филдер-Флемминг и, возможно, судя по его виду, самого сэра Чарльза. И, как этот джентльмен изволил сказать, даже сама мысль, если подойти к ней здраво, является абсолютнейшей нелепицей. Сэр Чарльз не мог быть виновен, потому что... Потому что он был сэр Чарльз, а не кто-то еще. Этого не могло быть потому, что не могло быть никогда, и потому, что он никогда бы не смог, и потому, что все есть, как есть, и все дела.

С другой стороны, миссис Филдер-Флемминг очень скрупулезно доказала, что смог бы. А сэр Чарльз даже не потрудился доказать обратное.

И снова Роджеру от всей души захотелось, чтобы в прези-

дентском кресле сидел не он.

– Я считаю, – повторил он, – что, прежде чем мы примем какие-либо меры, мы должны выслушать сэра Чарльза. Уверен, – прибавил президент добродушно, припомнив подобающую такому случаю формулировку, – сэр Чарльз сможет дать исчерпывающее объяснение по всем пунктам, которые ему инкриминируются, – и Роджер выжидающе поглядел на подсудимого.

Сэр Чарльз выглянул из-за грозовых туч своего гнева.

– Я что, действительно обязан защищать себя от этой истории? – рявкнул он. – Хорошо, я признаю, что я и есть тот криминалист, которого миссис Филдер-Флемминг считает проклятым убийцей. Признаю, что был на вечеринке в отеле «Сесиль» в тот вечер, и этого, по-вашему, уже достаточно, чтобы затянуть веревку на моей шее. Признаю теперь, когда моя личная жизнь, вопреки правилам хорошего тона и в нарушение всех представлений о приличиях, подвергнута публичному осмеянию, да, я признаю, что скорее задушил бы сэра Юстаса собственными руками, чем позволил бы ему жениться на моей дочери.

Он остановился и устало провел рукой по высокому лбу. Это уже был не прежний грозный сэр Чарльз, а глубоко удрученный старик. Роджеру стало его ужасно жалко. Но миссис Филдер-Флемминг так здорово сколем ила дельце, что пощады для сэра Чарльза не предвиделось.

– Я это все признаю, но для законного суда вряд ли хоть

одно из ваших доказательств будет иметь какой-либо вес. Вы хотите, чтобы я доказал, что не посылал никому этих шоколадок, разве не так? Что я вам могу на это сказать? Ну, я могу, например, привести с собой двух моих соседей по столу, которые поклянутся, что я никуда не отходил от своего места до... Ну, наверное, до одиннадцати. Другие свидетели с моей стороны помогут мне доказать, что дочь моя в конце концов согласилась отказаться от брака с сэром Юстасом, как я ей советовал, и сама захотела погостить в Девоншире у наших рода пенников, и пробудет она там довольно долго. И снова я должен признать, что произошло это уже после того, как конфеты были отправлены по почте. Короче говоря, миссис Филдер-Флемминг удалось с большим искусством состряпать прошив меня дело на основании *prima facie*, но целиком построенное на ложной посылке (я бы хотел обратить ваше внимание на то, миссис Филдер-Флемминг, что адвокату не положено бывать, когда ему вздумается, у своего клиента, а что встречи адвоката с клиентурой происходят обязательно в присутствии его поверенного, либо в конторе, либо к доме адвоката, ноопять-таки в присутствии поверенного), и я готов пойти на то чтобы дело было расследовано вполне официально, если наше собрание сочтет это нужным. И, что гораздо важнее, я бы сам желал, чтобы это расследование состоялось, поскольку на меня брошена тень. Господин президент, я прощу вас и в вашем лице всех членов Клуба действовать по своему усмотрению.

Роджер решил избегать рискованных поворотов.

– Что касается меня, сэр Чарльз, то я вполне уверен в том, что рассуждения миссис Филдер-Флемминг, безусловно, очень неглупые, как вы уже сказали, основываются на ошибке. И возможно ли вообще, чтобы родной отец послал отравленный шоколад предполагаемому жениху своей дочери? Стоило ему чуть-чуть подумать, и он бы сообразил, что они непременно должны попасть к его дочери. У меня сложилась своя версия нашего дела, но даже если это обстоятельство не принимать во внимание, я убежден, что обвинения, выдвинутые против сэра Чарльза, совершенно бездоказательны.

– Господин президент, – рассерженно перебила его миссис Филдер-Флемминг, – вы можете говорить что угодно, но в интересах...

– Я согласна, господин президент, – неучтиво прервала ее мисс Дэммерс, – даже в голову не может прийти, что сэр Чарльз послал эти шоколадки.

– Хм! – Мистер Брэдли был огорчен, что потехе так быстро пришел конец.

– Правильно, правильно! – поддержал мистер Читтервик с неожиданной для него уверенностью.

– С другой стороны, – продолжал Роджер, – я могу понять, что миссис Филдер-Флемминг имеет право настаивать на официальном расследовании, на котором также настаивает и сэр Чарльз, желая сохранить свою добрую репутацию.

цию. Я вполне согласен с сэром Чарльзом, что миссис Филдер-Флемминг удалось построить версию, основанную на фактах. Однако мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что до сих пор из шести членов Клуба выступили только двое. И есть вероятность, что после того как каждый из нас выскажет свою версию, дело примет такой неожиданный оборот, что версия, которую мы только что выслушали (я не говорю, что это обязательно случится, но может произойти), потеряет всякий смысл.

– Ого! Что это там наш достопочтенный президент замыслил? – проворчал мистер Брэдли.

– Поэтому будем голосовать, – заключил Роджер, не обращая внимания на миссис Филдер-Флемминг, которая так и сверлила его злобным взглядом. – Я предлагаю отложить обсуждение дела, касающегося сэра Чарльза, и не упоминать его имени ни здесь, в этих стенах, ни вне их в течение всей последующей недели, после чего, если у кого-то появится желание вновь к этому делу вернуться, мы возобновим разговор, если же нет – забудем его навечно. Голосуем? Кто «за»?

Решение было единогласное. Миссис Филдер-Флемминг собиралась проголосовать против, но во всех комитетах, в которых ей приходилось участвовать, все решения принимались единогласно, и в этом случае привычка взяла верх.

Собрание завершилось. Члены Клуба расходились подавленные.

Глава 9

Роджер сидел на столе в кабинете Морсби в Скотленд-Ярде, в раздражении болтая ногами. От Морсби не было решительно никакого толку.

– Я же говорил вам, мистер Шерингэм, – в который раз терпеливо втолковывал Морсби. – Бесплезно тянуть из меня какие-то сведения. Я сообщил вам все, что нам известно. Неужели я бы вам не помог? Вы же сами не можете этого не понимать.

Роджер фыркнул, выражая сомнение.

– Вы должны понять, что мы просто зашли в тупик, – сказал Морсби.

– Я тоже, – буркнул Роджер. – И мне это не доставляет удовольствия.

– Скоро привыкнете, мистер Шерингэм, – утешил его Морсби, – чем чаще будете братья за такие дела.

– Не могу продвинуться ни на шаг, – посетовал Роджер. – И даже не могу утверждать, что теперь мне этого так уж и хочется. Я уверен, что искал совсем не там, где надо было. Если разгадка кроется в частной жизни сэра Юстаса, то от этого дьявола ничего не добьешься. Думаю, искать надо не там.

– Хм, – произнес Морсби, считавший, что как раз там и надо искать.

– Я проводил беседы и перекрестные допросы со всеми его друзьями, пока они не стали от меня бегать. Я навязывал свое общество друзьям его друзей и опять устраивал перекрестные допросы. Я постоянно торчал в его клубе, как призрак тех мест. И что я обнаружил? Что сэр Юстас не просто штучка, как вы его назвали, а та еще штучка, весьма отвратительный тип (к счастью, среди мужчин такие типы встречаются гораздо реже, чем думают женщины), который хвастается своими успехами у женщин и при этом выбалтывает их имена. Хотя в его случае я склонен думать, это происходит не от врожденного хамства, а от недостатка ума. Я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Я собрал десятки женских имен, и ни одно из них не навело на след! И если в истории замешана женщина, то должна же была она за это время всплыть! Так ведь нет, не всплыла.

– А что там с этим американским делом, в котором мы усматривали параллель с нашим, мистер Шерингэм?

– Вчера на него ссылалась одна из наших дам, членов Клуба, – нахмурился Роджер. – Оно мало что ей дало.

– Да, конечно, – кивнул старший инспектор. – Наверное, миссис Филдер-Флемминг? Она думает, что преступник сэр Чарльз, не так ли?

Роджер взглянул на него с изумлением.

– Откуда вы знаете? Бессовестная старая ведьма! Успела вам наболтать?

– Конечно нет, сэр, – Морсби был оскорблен, как будто он

не знал, что половина трудных дел, осевших в Скотленд-Ярде, сдвигается с мертвой точки благодаря источнику, который значится под кодом «полученная стекающаяся информация». – Она ни слова мне не сказала, хотя я считаю, что она обязана была поставить нас в известность. Однако многое из того, чем ваши люди занимаются, нам и так известно, и о чем они думают, кстати, тоже.

– Оказывается, За нами следят, – сказал Роджер удовлетворенно. – Вы еще раньше говорили, что за нами надо Присматривать. Ну-ну. Так что же, вы собираетесь арестовать сэра Чарльза?

– Да пока нет, мистер Шерингэм, – тон Морсби был суров.

– А как вам версия? Она состряпала потрясающее дельце, а?

– Я был бы до крайности удивлен, – дипломатично заметил Морсби, – если бы выяснилось, что, вместо того чтобы препятствовать нам в поимке убийц, сэр Чарльз принялся сам убивать.

– Это не так щедро оплачивается, – согласился Роджер. – Нет, конечно, я вовсе не думаю, что так оно было на деле, но мысль сама по себе совсем недурна.

– А какова будет ваша версия, мистер Шерингэм?

– Не имею ни малейшего понятия, Морсби. Мне предстоит докладывать завтра вечером. Сочиню что-нибудь, чтобы отделаться. Но жаль, конечно, – Роджер задумался, – к сожалению, дело это представляет для меня чисто академический

интерес. У других членов Клуба к этому примешивается и свой интерес, что усиливает их желание докопаться до истины, не говоря уже о том, что во многом облегчает расследование. Им легче раздобыть новые сведения и свидетельства, как мне кажется. Они ближе знакомы с теми, кто причастен к этой истории.

– Ну что же, мистер Шерингэм, – усмехнулся Морсби, – придется вам убедиться, как нам не просто здесь, в Скотленд-Ярде. Наш интерес к делам не бывает своим личным (если смотреть на дело изнутри, а не извне), и поэтому мы заслуживаем снисхождения, когда дело не удастся раскрыть. Но это так, между прочим, – с профессиональной гордостью произнес Морсби, – такое случается крайне редко.

– Согласен, что заслуживаете, – сочувственно произнес Роджер. – Увы, мне до обеда предстоит одно пренеприятнейшее мероприятие. Надо купить новую шляпу. А почему бы вам в порядке служебных обязанностей не пройтись за мной до Бонд-стрит? Там есть поблизости неплохой ресторанчик, я бы нырнул в него, и было бы замечательно, если бы вы за мной последовали. Ну как?

– Сожалею, мистер Шерингэм, – сухо произнес старший инспектор Морсби, – но мне надо работать.

Роджер удалился.

Он был так огорчен, что решил для поднятия духа взять такси до Бонд-стрит, а не ехать, как обычно, на автобусе. Такси он избегал. Дело в том, что во время войны ему случа-

лось, попадая в Лондон, брать такси. Поборы тогдашних таксистов отбили у него всякую охоту пользоваться этим транспортом. С тех пор прошло много лет, но, как известно, людская память коротка, зато предрассудки живут долго.

Роджеру было от чего прийти в уныние. Он не только понимал, что зашел в тупик, как он уже сказал Морсби. Все обстояло гораздо хуже. В нем росло убеждение, что Он ищет совсем не там, что он пошел по ложному следу. Печально было сознавать, что все его усилия оказались пустой тратой времени. Поначалу он испытывал к делу огромный интерес, который, как он только что был вынужден признать, носил чисто академический характер, поскольку Роджера всегда увлекало любое тонко задуманное убийство, и несмотря на то, что ему удалось установить контакты со множеством лиц, знакомых с участниками драмы, он все же ощущал себя в стороне. Для него самого в этом деле не было решительно ничего такого, что могло бы его целиком захватить. Он даже начал подозревать, что это было как раз одно из тех дел, которые можно расследовать бесконечно, и частному лицу, каковым является он, вести его не под силу: во-первых, из-за отсутствия навыка, во-вторых, терпения и, наконец, времени, а следовательно, им должны заниматься официальные органы полиции.

Но, как часто бывает, вмешался случай. Две неожиданные встречи в тот же день, и притом на протяжении одного часа, в корне изменили его отношение к делу, академический

интерес отодвинулся на задний план, уступив место сугубо личному интересу.

Первая встреча произошла на Бонд-стрит.

Когда он вышел из магазина в новой шляпе, сидевшей у него на голове безукоризненно, он увидел, как сквозь толпу к нему пробивается миссис Веррекер-ле-Межерер. Миссис Веррекер-ле-Межерер была маленькая, изящная, великолепно одетая, богатая, сравнительно еще молодая вдова, и она обожала Роджера. Роджер был не лишен самомнения, и тем не менее он не мог понять, что было тому причиной, но всякий раз, когда он уделял ей хоть каплю внимания, она готова была служить ему как собачонка (конечно, это метафора, он никогда подобного не допустил бы): глядела ему в глаза снизу вверх своими огромными влажными карими глазами и прямо таяла от восторга. И все время болтала. А Роджер, который сам любил поговорить, терпеть не мог болтовни.

Он попытался скрыться на другой стороне улицы, но машины шли сплошным потоком, и ему ничего не оставалось, как сдаться. Изобразив на лице приветливую улыбку, которая скрывала его совсем не любезные мысли, он дотронулся до своей новой отличной шляпы, слегка подпортив ее безупречный наклон.

Миссис Веррекер-ле-Межерер с радостью в него вцепилась.

– О, мистер Шерингэм! Вы-то как раз мне и нужны! Мистер Шерингэм, пожалуйста, скажите... Конечно под боль-

шим секретом... Вы действительно взялись расследовать ужасное убийство бедной Джоан Бендикс? Нет-нет, не говорите, что это не так.

Роджер хотел сказать, что он только надеется его распутать, но она не дала ему произнести ни слова.

– Ведь это правда, да? Ах, как это ужасно! Вы должны, обязательно должны узнать, кто послал шоколадки сэру Юстасу Пеннфазеру. Будет просто возмутительно, если вы не узнаете.

Роджер, как положено при светском общении, попытался, продолжая деланно улыбаться, вставить хоть слово, но бесполезно.

– Я была в ужасе, когда услышала об этом. В кошмарном ужасе, – миссис Веррекер-ле-Межерер изобразила кошмарный ужас на лице. – Понимаете, мы с Джоан были очень близкими подругами. Почти как родные. Мы же учились вместе в школе. Вы что-то хотели сказать, мистер Шерингэм?

Пока она тараторила, Роджер позволил себе недоверчиво хмыкнуть, и ее вопрос застал его врасплох. Он замотал головой, отрицая.

– И что совсем ужасно, просто чудовищно, что Джоан сама накликала на себя беду. Ну, разве это не кошмар?

Роджер насторожился и уже решил не смываться.

– Что вы сказали? – удалось ввернуть ему. Он просто не верил своим ушам.

– Кажется, это называют трагической иронией судьбы, – упивалась своей болтовней миссис Веррекер-ле-Межерер. – Конечно все ужасно трагично, но ирония тоже какая-то трагическая, я даже не представляла, что ирония такая бывает. Вы, конечно, знаете, что все случилось из-за пари, которое они заключили с мужем, и что он проспорил ей коробку шоколада, а если бы этого не было, сэр Юстас сам бы съел эти конфеты и отправился бы на тот свет, а он, все говорят, такая личность, что туда ему и дорога. Знаете, мистер Шерингэм, – миссис Веррекер-ле-Межерер перешла на шепот и опасливо, как конспиратор, огляделась По сторонам, – я никогда никому этого не говорила говорю только вам, потому что знаю, вы это оцените. Вы ведь тоже понимаете, что такое ирония, правда?

– Обожаю иронию, – автоматически ответил Роджер. – Дальше?

– Так вот: Джоан его обманула!

– Что вы имеете в виду? – спросил Роджер, не понимая.

Миссис Веррекер-ле-Межерер видела, что сообщила нечто сенсационное, и не могла скрыть своего удовольствия.

– Ну как же, она вообще не должна была заключать пари. За то и была так страшно наказана. Ужасное наказание, что и говорить, но весь кошмар заключается в том, что она сама навлекла на себя беду, да, в каком-то смысле это действительно так. Я в жутком отчаянии из-за всего этого. Мне даже страшно гасить свет, когда я ложусь спать. Сразу передо

мною в темноте Джоан! Просто жуть! – И действительно, в какой-то момент на лице миссис Веррекер-ле-Межерер промелькнуло настоящее чувство – по лицу ее пробежала тень усталости.

– А почему миссис Бендикс не должна была заключать пари? – терпеливо допытывался Роджер.

– Как почему? Потому что она уже видела эту пьесу! Еще в первую неделю премьеры мы с ней вместе ходили ее смотреть. Она знала, кто окажется убийцей.

– О боже! – воскликнул Роджер, и миссис Веррекер-ле-Межерер дождалась наконец впечатления, на которое рассчитывала. – Опять Кара Судьбы? И никого из нас не минует!

– Что-то лирическое, да? – щебетала миссис Веррекер-ле-Межерер, которой эти слова мало что говорили. – Да, наверное, что-то в этом духе. Хотя, мне кажется, наказание слишком уж жестокое для такой мелкой провинности. Господи, да если каждая женщина, слукавив в споре, будет за это жизнью расплачиваться, кто из нас на белом свете останется? – с наивной откровенностью взмолилась миссис Веррекер-ле-Межерер.

– Н-да! – осторожно прореагировал Роджер.

Миссис Веррекер-ле-Межерер быстро поглядела по сторонам и облизнула губы. Роджеру казалось, она болтает на этот раз не так, как обычно, ради того лишь, чтобы болтать. А наоборот, болтает, чтобы не проговориться, а что бы не

проговориться, надо болтать без остановки. И какая-то у нее есть на то скрытая причина. Казалось, она гораздо глубже восприняла смерть подруги, но не хотела это обнаруживать и заглушала все болтовней. Не без удивления Роджер отметил, что при всей любви к покойной подруге, что, возможно, было и правдой, миссис Веррекер-ле-Межерер, говоря о ней добрые слова, невольно то и дело будто намекала, что за ее подругой была какая-го вина, и, казалось, для нее самой это служило неким утешением при мысли о смерти, постигшей ее подругу.

– Уж кто-кто, но только не Джоан Бендикс! Вот что я никак не могу пережить, мистер Шерингэм. Кто бы мог подумать, что Джоан способна на такое! Джоан всегда была такая славная. Может быть, немножко прижимистая в смысле денег, с этим сталкиваться не очень приятно, особенно зная, как она богата, но это все пустяки. Конечно это была шутка, она просто разыгрывала мужа. Я вообще привыкла думать, что Джоан очень серьезная, если вы понимаете, в каком смысле я говорю.

– Вполне понимаю, – сказал Роджер, которому, как большинству людей, был доступен обыкновенный английский.

– Ну, то есть я имею в виду, что обычно люди не распространяются про честь, и совесть, и про добропорядочность, это как-то само собой разумеется. А Джоан все время про это говорила. Она всегда говорила, что это бесчестно, а то непорядочно, вот и заплатила за свою непорядочность, бед-

няжка. Разве нет? Я думаю, все это лишний раз подтверждает старую поговорку.

– Какую поговорку? – спросил Роджер, почти уже завороченный ее болтовней.

– Тихие воды глубоки. Джоан была слишком глубокой натурой, вот в чем дело, – миссис Веррекер-ле-Межерер вздохнула. В ее глазах душевная глубина была, очевидно, большим общественным злом. – Нет, я не хочу сказать ничего дурного, особенно теперь, когда ее, бедняжки, уже нет на этом свете, но я думаю, что психология очень интересная штука, вы согласны со мной, мистер Шерингэм?

– Совершенно удивительная, – хмуро подтвердил Роджер. – Однако мне пора...

– А что об этом думает сам сэра Юстас Пеннфазер, этот ужасный человек? – В голосе миссис Веррекер-ле-Межерер послышались угрожающие нотки. – В конце концов, он тоже должен нести ответственность за смерть Джоан.

– Конечно, однако... – Роджер не питал особой любви к сэру Юстасу Пеннфазеру, но он чувствовал себя обязанным возразить, поскольку сэра Юстаса обвиняли в том, к чему он не был причастен, – мне кажется, вы не правы, этого нельзя утверждать, миссис Веррекер-ле-Межерер.

– Нет можно, и я это утверждаю, – бестрепетно заявила миссис Веррекер-ле-Межерер. – Вы когда-нибудь его видели? Говорят, он чудовище. Бегает за женщинами, меняет их без конца, надоест – бах! – бросает. Это правда?

– Не могу ничего сказать, – холодно произнес Роджер. – Я его совершенно не знаю.

– Ха, а теперь только и разговоров о том, за кем он последнее время волочитя, – надменно промолвила миссис Веррекер-ле-Межерер, порозовев несколько гуще, чем предписывал цвет ее нежных румян. – Мне уже человек десять сказали. За женой Брайса, вот за кем. Ну, знаете, за женой того нефтяного короля или бензинового, точно не знаю, на чем он разбогател.

– Никогда не слышал о ней, – соврал Роджер.

– Роман начался неделю назад, мне сказали, – трещала миссис Веррекер-ле-Межерер, собирательница свежее испеченных сплетен. – Сэру Юстасу, как я полагаю, надо было утешиться, что ему не досталась Дора Уайлдмен. Слава богу, у сэра Чарльза хватило ума вмешаться и запретить их брак. Он ведь запретил его, да? Я слышала об этом на днях. Ужасный тип этот сэр Юстас! Неужели до него не доходит, что он фактически виновен в смерти бедной Джоан, и эго должно было отрезвить его, наконец. Нет, не доходит. Между прочим, мне кажется, он...

– Вы бывали в театрах последнее время? – громко спросил Роджер.

Миссис Веррекер-ле-Межерер широко раскрыла глаза, не понимая его вопроса.

– В театрах? Да, я думаю, я видела весь репертуар этого сезона. А что?

– Так, спросил ради интереса. Новое ревю в «Павильоне» видели? Недурно, по-моему. Простите, но мне пора...

– О, не говорите! – Миссис Веррекер-ле-Межерер слегка передернуло. – Я была на спектакле в «Павильоне» за день до ее смерти.

«Неужели она ни на минуту не может отвлечься от этой темы?» – подумал Роджер.

– Леди Кэвелстоук пригласила меня к себе в ложу, у Нее собралась там компания.

– В самом деле? – рассеянно спросил Роджер, размышляя, как бы обойти эту дамочку ловким маневром, как в регби, и нырнуть при первой же возможности в поток машин. Но ему не хотелось показаться невежей.

– Замечательный спектакль, – бормотал он, подвигаясь к обочине. – Мне особенно понравился скетч «Вечный треугольник».

– «Вечный треугольник»? – переспросила миссис Веррекер-ле-Межерер, припоминая, видела она его или нет.

– С него начинали...

– Ах, может быть, и не видела. Я чуть-чуть опоздала, на несколько минут. Но что делать? – с чувством произнесла она. – Я всегда и везде опаздываю.

Роджер отметил про себя, что «чуть-чуть» являлось в данном случае эвфемизмом, что вообще было характерно для миссис Веррекер-ле-Межерер, когда она говорила о себе. «Вечный треугольник» по программе шел спустя добрых

полчаса после начала представления.

– А! – Тут Роджер увидел приближающийся автобус. – К сожалению, должен проститься, миссис Веррекер-ле-Межерер. У меня встреча с одним человеком, нам надо кое о чем переговорить. Он из Скотленд-Ярда! – выразительным шепотом закончил он.

– О! Так вы действительно занимаетесь расследованием ужасной смерти Джоан, мистер Шерингэм? Ну скажите, умоляю! Я никому ни звука!

Роджер с загадочным видом огляделся и сделал серьезное лицо.

– Да! – Он приложил палец к губам. – Никому ни слова, миссис Веррекер-ле-Межерер.

Однако Роджер, к своему неудовольствию, заметил, что особого впечатления его признание не произвело. По лицу миссис Веррекер-ле-Межерер можно было прочесть, что она догадывалась о тщетности его попыток и вполне сочувствовала ему как человеку, взявшемуся за непосильное дело.

Но автобус был уже тут, и, воспользовавшись тем, что он притормозил, Роджер наскоро попрощался и легко вспрыгнул на ступеньки. Всем своим видом показывая, что он должен оставаться незамеченным, Роджер, словно крадучись, прошел в глубь автобуса. Все это время он чувствовал на своей спине влюбленный взгляд карих глаз миссис Веррекер-ле-Межерер. Затем он с нарочитым вниманием оглядел пассажиров и опустился на сиденье рядом с человечком в котелке,

совершенно безобидной наружности. Человечек, скромный клерк в отделе каменных плит для памятников у Тути, посмотрел на него с неудовольствием, и понятно, кругом было полно свободных мест.

Автобус въехал на Пикадилли, и Роджер вышел на остановке около клуба «Радуга». Он в очередной раз договорился пообедать с одним из членов клуба. Последние десять дней он занимался тем, что приглашал знакомых и малознакомых ему членов клуба на обед в разные рестораны с надеждой получить ответное приглашение отобедать в клубе «Радуга». До сих пор все его усилия, включая обеды в клубе, не приносили никаких плодов, да и на этот раз он не рассчитывал на удачу.

И совсем не потому, что очередной член клуба не был склонен беседовать о нашумевшей трагедии. Наоборот, выяснилось, что они с мистером Бендиксом вместе учились и даже были закадычными друзьями, совсем как миссис Веррекер-ле-Межерер с миссис Бендикс. Этот член клуба даже утверждал, что имеет более непосредственное отношение к делу, нежели остальные его соклубники, и, пожалуй, даже еще более непосредственное, чем сам сэр Юстас. Таков был член клуба, гостеприимно потчевавший Роджера.

Пока они разговаривали, в ресторане появился человек, не известный Роджеру. Стоило ему приблизиться к их столику, как сотрапезник Роджера внезапно смолк. Незнакомец холодно ему кивнул и проследовал дальше.

Собеседник Роджера, оторопев, будто пред ним представило привидение, проводил его глазами и, наклонившись, зашептал Роджеру через столик:

– Легок на помине! Это же Бендикс! Впервые вижу его здесь, с тех пор как с ним произошла вся эта история. Бедняга! Он совершенно убит, поверьте, просто раздавлен. Я в жизни не встречал человека более преданного своей жене, чем он. Их брак был притчей во языцех. Вы обратили внимание, как ужасно он выглядит?

Все это говорилось таким выразительным шепотом (все-таки этому типу был присущ такт), что, повернись в этот момент Бендикс в их сторону, он бы безошибочно понял, о чем шла речь.

Роджер кивнул. Он обратил внимание на Бендикса еще раньше, едва тот возник на пороге ресторана, и лицо Бендикса его поразило. Но в ту минуту он еще не знал, кто это. Это было лицо сильно исхудавшего человека и очень бледное, с горькими складками у рта, – лицо человека, вдруг состарившегося от горя.

«Пропади все пропадом, – подумал он, пораженный видом Бендикса. – Должен же кто-то ему помочь. Если убийца вскоре не отыщется, не знаю, до чего этот человек доведет себя».

Но вслух он произнес совсем другое; фраза вырвалась у него произвольно и прозвучала довольно бестактно:

– К вам на грудь он не бросился. А вы говорили, что были

близки с ним, закадычные друзья.

Собеседник Роджера смутился.

– Видите ли, приходится учитывать момент... Да и не скажешь, что мы были совсем уж закадычными друзьями. Он года на два, на три старше меня, и учились мы на разных факультетах. Он проходил курс современных наук, а я штудировал классику.

– Понятно, – мрачно отреагировал Роджер, подумав, что дружба их выражалась, скорее всего, в том, что Бендикс время от времени награждал того пинками и зуботычинами.

Тема была оставлена.

До конца обеда Роджер был рассеян. В голове его билась и не могла найти выхода какая-то смутная мысль. У него было странное ощущение, что совсем недавно, может быть, в течение прошедшего часа, где-то и каким-то образом он узнал нечто очень важное, но не смог уловить сути.

И только спустя полчаса, когда, надевая пальто, он отвлекся от мучительных соображений, что именно он упустил, его внезапно осенила долгожданная, безумная догадка. Он даже застыл на месте – одна рука в рукаве, а другая, минуя рукав, повисла в воздухе.

– О боже! – вырвалось у него.

– Что-нибудь не так, старина? – поинтересовался гостеприимный член клуба, совсем разомлевший от выпитого портвейна.

– Благодарю, все в порядке, – быстро проговорил Роджер,

возвращаясь на землю.

Он вышел на улицу и подозвал такси.

Возможно, впервые за всю свою жизнь миссис Веррекер-ле-Межерер подсказала кому-то ценную мысль.

Оставшуюся часть дня Роджер провел в больших хлопотах.

Глава 10

Президент позвонил в колокольчик, предлагая мистеру Брэдли начинать доклад. Мистер Брэдли пригладил усики и собрался с мыслями, чтобы не ударить в грязь лицом. Он начинал свою карьеру продавцом автомобилей (тогда его звали Перси Робинсон), но вскоре обнаружил, что конвейерное производство приносит большой барыш, и поставил на конвейер производство детективных романов. В этом деле ему очень способствовала публика, в доверчивости которой он убедился на основе торгового опыта. Он бойко сбывал свой товар, но иногда забывал, что он не на автомобильных торгах на помосте у Олимпии. Он презирал на свете всех и вся, включая Мортон Харроугейта Брэдли, за которого не дал бы и ломаного гроша. Но уважал Перси Робинсона. Его книжки раскупались десятками тысяч.

– Мне довольно трудно говорить, – начал он в приятной манере истинного джентльмена, которому предстоит беседовать с кучкой болванов. – Я нахожусь под впечатлением прошлых встреч и потому предвижу, что, по сложившейся традиции, и мне надлежит обнаружить убийцу в самом неподходящем для этого персонаже; но миссис Филдер-Флемминг лишила меня такой возможности. Я просто не знаю, где найти более неподходящего кандидата в убийцы, чем сэр Чарльз. Каждому из нас, кому выпало несчастье выступать

после миссис Филдер-Флемминг, придется довольствоваться крохами, из которых едва ли можно соорудить версию, подобную той, что предложила миссис Филдер-Флемминг. Я не хочу сказать, что не сделал всего, что было в моих силах. Я изучил дело, приложив к этому все старания, и результат получился более чем удовлетворительный. Но, как я уже заметил, успех последнего оратора наверняка затмит любые попытки, на которые отважатся остальные. Итак, с чего же я начал? Ах да, я начал с отравляющего вещества. Мне показалось это очень существенным. Какое воображение надо иметь, чтобы додуматься, что в шоколадках можно обнаружить нитробензол. Мне приходилось в связи с моей работой знакомиться с практикой применения отравляющих веществ; не знаю случая, чтобы нитробензол использовали в этом качестве с преступными целями. Бывало, что к нему прибегали в Целях самоубийства, были несчастные случаи, происшедшие по неведению, но таких зарегистрировано всего три-четыре, не больше. Меня удивляет, что никому из предшествующих ораторов эта мысль не пришла в голову. Поражает и то, что о ядовитых свойствах нитробензола знают очень немногие. Даже эксперты не всегда в курсе дела. Я говорил с человеком, который изучил курс естественных наук в Кембридже и теперь специализируется в химии, и он понятия не имеет, что нитробензол является ядовитым веществом. Более того, оказалось, что я лучше осведомлен в этом вопросе, чем он. Химик, работающий в коммерческой фир-

ме, вряд ли вспомнит о нитробензоле, если речь пойдет об обычных отравляющих веществах. В их списках ядов нитробензол, естественно, отсутствует, хотя список этот весьма солидный. Существуют и еще кое-какие нюансы. Нитробензол весьма широко используется. Вещество это может быть применено в любых отраслях производства. Нитробензол может служить растворителем универсального типа. Нам известно, что главным образом его применяют в производстве анилиновых красителей. Это важная сфера его применения, но не основная. Он широко применяется в производстве кондитерских изделий и в парфюмерии. Диапазон применения нитробензола обширен, охватить его невозможно, да я и не ставлю перед собой такую задачу. Короче говоря, от шоколадных конфет до автомобильных шин. Но что важнее всего – он чрезвычайно доступен. Не представляет никаких трудностей получить его химическим способом. Любой школьник, соединив бензол с азотной кислотой, в процессе химической реакции может получить нитробензол. Я сам проделывал такой опыт сотни раз. Тут не требуется никакой дорогостоящей аппаратуры, только элементарное знание химии. Собственно, нитробензол может получить кто угодно, даже человек, не имеющий никаких познаний в области химии; для этого требуется только знание самого процесса получения вещества, как такового. Все это можно проделать тайно. Никто даже не догадается. Но все же, как я полагаю, незначительные сведения в этой области надо иметь, хотя бы для

того, чтобы задумать подобный опыт. С известной целью, во всяком случае. Итак, имея в виду наше дело в целом, я пришел к заключению, что использование нитробензола является не только единственной характерной для него особенностью, но вдобавок еще и наиболее важной вещественной уликой в деле. И не в том смысле, в каком синильная кислота, например, будучи труднодоступным отравляющим веществом, служит ценной уликой, которая может легко вывести на преступника, а нитробензол как отравляющее вещество, доступное всем и каждому, и привлек преступника, замышлявшего убийство. Отнюдь нет, я как раз считаю, что в силу всего этого лицо, которое воспользовалось этим отравляющим средством, можно предельно просто выявить из очень ограниченного числа предполагаемых лиц.

Мистер Брэдли сделал паузу, чтобы закурить сигарету. Никто из товарищей по Клубу не проронил ни слова, что говорило об интересе, вызванном его речью. Брэдли, однако, не показал и вида, что он польщен. Внимательно оглядев аудиторию, словно учитель, имеющий дело с классом придураков, он продолжал свою аргументацию.

– Прежде всего предположим, что использовавший нитробензол обладал минимальными познаниями в химии. Возможно, тут следует кое-что уточнить. Это могла быть и самая общая осведомленность в химии, а могли быть и узкие конкретные сведения, связанные со специальностью. Речь, допустим, может идти о лаборанте, достаточно увлеченном

своей работой, пролиставшем соответствующую литературу, на эту тему в свободное от работы время. Такой персонаж мог бы нам вполне подойти. Или это молодая девушка, работница фабрики, где в производственном процессе используется нитробензол; в таких случаях существуют рабочие инструкции, предостерегающие от неосторожного с ним обращения, поскольку он обладает ядовитыми свойствами. Это уже второй персонаж, который может быть нам интересен. Вообще, по-моему, существуют два типа пользователя вышеуказанного вещества, способных применить его в качестве яда. Первый тип я уже с вами рассмотрел, и, как видите, он может быть двух видов. В данном преступлении, – продолжал мистер Мортон Харроугейт Брэдли, – мы, по всей вероятности, будем иметь дело и с другим типом пользователя. Этот тип значительно превосходит первый по своим интеллектуальным возможностям. В этой категории вместо лаборанта мы имеем химика-любителя, а вместо девушки с фабрики, скажем, женщину-врача, занимающуюся проблемами токсикологии. А теперь отвлечемся вовсе от специалистов-химиков. Возьмем, например, некую даму, в высшей степени смышленную, которую чрезвычайно интересуется такая наука, как криминалистика, причем интерес ее в основном сосредоточен на токсикологии как отрасли этой науки. Скажем, такая, как миссис Филдер-Флемминг.

Миссис Филдер-Флемминг вскрикнула от негодования, а на сэра Чарльза неожиданный (но вполне заслуженный) вы-

пад Брэдли против ненавистной мучительницы произвел такое впечатление, что он, не сдержавшись, загоготал (иначе эти звуки, исторгшиеся из его груди, никак не назовешь).

– Все поименованные мною лица, – продолжал с невозмутимым спокойствием мистер Брэдли, – вполне могут быть обладателями Справочника Тэйлора по судебной медицине, хранящегося среди прочих книг в их книжном шкафу; и притом не просто хранящегося, но и довольно часто используемого. Я согласен с вами, миссис Филдер-Флемминг, что методика преступления выдает некоторые познания в криминалистике. Вы приводили в качестве аналога известное дело, которое, несомненно, имеет удивительную параллель с нашим; сэр Чарльз приводил с той же целью другое дело, а я бы хотел напомнить о третьем. Получается смесь из нескольких известных старых дел, и я уверен, что это не случайно. Мысль о познаниях в криминалистике, которыми обладал убийца, осенила меня еще до того, как вы стали ее развивать, выступая с вашими версиями. К этому выводу мне помогло прийти соображение, что, кто бы ни посылал шоколад сэру Юстасу, он непременно должен был владеть экземпляром Справочника Тэйлора. Признаю, что это чистая догадка, но когда я заглянул в собственный экземпляр Справочника, то обнаружил, что статья о нитробензоле помещается на следующей странице после цианистого калия; а это дает большую пищу для размышлений.

Докладчик помолчал.

Мистер Читтервик кивком головы выразил свое согласие с ним и сказал:

– Кажется, я понимаю вас. Вы хотите сказать, что любой человек, который роется в справочнике, где есть все про яды, и ищет среди них какой-то определенный, может попасть в разряд...

– Совершенно точно, – согласился мистер Брэдли.

– Вы строите свою версию главным и преимущественным образом на ядовитом веществе, примененном преступником, – заметил сэр Чарльз вполне добродушно. – Не хотите ли вы нам сказать, что вам удалось установить личность преступника, исключительно исходя из этой единственной предпосылки?

– Нет, сэр Чарльз, вряд ли бы к решился на такое. Я придаю большое значение этому лишь потому, что применение нитробензола, как я уже говорил, бесспорно является характерной особенностью расследуемого нами преступления, каковой факт сам по себе не может решить проблемы. Но вкупе с другими обличающими убийцу уликами, выявленными в процессе расследования, когда сложный путь расследования остается позади, может оказаться решающим фактором для установления личности преступника. Посмотрим на факт использования нитробензола в свете всей истории преступления. Первое, что приходит нам в голову, это то, что преступление – дело рук не только очень неглупого, но и хорошо образованного человека, что сразу исключает пер-

вый тип персонажей, которые могли бы употребить нитробензол в качестве отравляющего вещества. Итак, исключаем лаборанта и фабричную девушку. Все наше внимание сосредоточено теперь на очень неглупом, образованном персонаже, интересующемся криминалистикой, обладающем познаниями в области токсикологии, а также, если я не ошибаюсь (что со мной бывает редко), экземпляром Справочника Тэйлора или подобной ему книженцией, которая стоит у нашего персонажа на полке. Вот заключение, которое я, дорогие мои Ватсоны, извлек из того факта, что из всех возможных ядов преступник избрал исключительно нитробензол, – и мистер Брэдли с нескрываемым самодовольством, непонятным для его слушателей, погладил волосяную растительность над верхней губой.

Всем своим поведением мистер Брэдли хотел показать, что он собою безмерно доволен и считает, что имеет на то основания.

– Очень, очень занятно, – пробормотал мистер Читтервик, глубоко потрясенный.

– Ну ладно, давайте подведем итоги, – произнесла мисс Дэммерс, ничуть не потрясенная. – Так в чем заключается ваша версия? Если она вообще у вас есть.

– А как же? Конечно есть, – мистер Брэдли надменно улыбнулся. Ему впервые удалось вызвать раздражение у мисс Дэммерс, и это доставляло ему удовольствие. Но только по порядку. Я просто хотел продемонстрировать вам, что

вывод, к которому я приближаюсь, неизбежен. А этого можно достичь, если внимательно проследить, так сказать, за ходом моих мыслей. Придя к определенным выводам относительно яда, как такового, я затем занялся другими вопросами, ответы на которые привели бы меня к результатам, которые в дальнейшем можно было бы свести вместе и сопоставить между собой. Прежде всего я занялся бланком, на котором было напечатано фальшивое письмо. Это была еще одна важная улика, помимо яда. Бланк меня сразу весьма озадачил. Не могу объяснить почему, но имя «Мейсон» всколыхнуло в моей памяти неясные воспоминания. Мне показалось, что я слышал его совсем в другой связи, не имеющей ничего общего с прекрасным шоколадом этой фирмы. И тут я вспомнил. Боюсь, что мне придется говорить о своих сугубо частных обстоятельствах, – продолжал мистер Брэдли после короткой паузы, – и потому прошу сэра Чарльза заранее меня извинить, а то еще он упрекнет меня за дурной тон. Дело в том, что моя сестра, перед тем как выйти замуж, была стенографисткой.

Он внезапно умолк, словно искал в уме оправдание для подобной семейной подробности и не намерен был говорить о ней, но все же сказал:

– То есть по образованию она была выше уровня обычной стенографистки, она вообще-то училась до этого на секретаря высшей квалификации. Ну так вот. Она устроилась в контору одной дамы, которая занималась тем, что поставля-

ла на временную работу секретарш в крупные фирмы на тот период, когда их постоянные работники болели или уезжали в отпуск. Вместе с моей сестрой в конторе числились еще две-три девушки, и нанимали их обычно на две-три недели. Таким образом, каждая могла сменить за год довольно много мест. Однако я отчетливо помню, что, пока моя сестра работала в той конторе, одной из фирм, которую она обслуживала, замещающая секретаршу кого-то из директоров, была фирма «Мейсон и сыновья». Этот факт может мне пригодиться, подумал я. Не в том смысле, что она могла навести меня на след убийцы, нет. Но она могла свести меня с тем или иным сотрудником фирмы, возникни у меня подобная необходимость. И я отправился к сестре. Она все прекрасно помнила. Ей у Мейсона очень понравилось. С тех пор прошло года три или четыре, и она всерьез подумывала, а не вернуться ли ей в фирму в качестве постоянной секретарши, представься такой случай. Естественно, в ту пору она еще не успела сойтись ни с кем из штатных сотрудников, но представить меня двум-трем из них было в ее возможностях, если бы это понадобилось. «Между прочим, – сказал я ей как бы невзначай, – мне показывали письмо, посланное сэру Юстасу вместе с коробкой шоколада, и меня поразило, что штамп фирмы на бланке и сам бланк я уже видел когда-то. Ты, случаем, не на бланках писала мне письма, когда работала в фирме?» – «Точно не помню, – сказала она, – но сами бланки ты конечно можешь помнить. Мы писали на них, когда играли в настольные иг-

ры. Они подходили нам по формату». Действительно, дома мы любили играть в разные на столыные игры. Забавно, как в памяти остается связь, но не сами обстоятельства. И я тут же вспомнил. В одном из ящиков письменного стола у моей сестры лежала целая кипа этих бланков. Я часто сам резал их на листочки поменьше, чтобы удобнее было играть. «Но к тебе-то они как попади?» Она ответила довольно туманно, что взяла их в фирме, когда там работала. Я забросал ее вопросами, и тогда она мне рассказала, что однажды собираясь уходить домой, она вспомнила, что к нам вечером должны прийти гости, и это значило, что мы обязательно будем играть в слова и всякие там шарады, а подходящей бумаги для этих игр осталось мало. Сестра вернулась, быстро поднялась наверх, в офис, и швырнула в свой кейс-атташе толстую кипу бланков, лежавших возле ее машинки. Второпях она даже не сообразила, что взяла их куда больше, чем нужно на один вечер, и нам этих бланков хватило года на четыре. Это была половина стопки, что лежала у нее на столе. Я ушел от сестры в состоянии крайнего беспокойства. Но до этого я рассмотрел оставшиеся бланки. Мне показалось, это точно те же самые бланки, что и тот, на котором было напечатано письмо. Даже края слегка выцвели, как и на нем. Не только беспокойство охватило меня, но и тревога. Еще раньше мне пришло в голову, что поиски лица, написавшего сэру Юстасу письмо, прежде всего следует начать среди сотрудников фирмы, не исключая и тех, что работали там раньше. В этой

истории с письмом меня очень многое смущало. Размышляя обо всем этом деле, я пришел к поразительному выводу, что, крутясь вокруг бланка, выстраивая концепцию относительно того, как его использовали, полиция и другие заинтересованные в расследовании лица впадали в заблуждение, помещая карету впереди лошади. Считалось само собой разумеющимся, что сначала убийца обдумал путь убийства, а затем предпринял попытку добыть бланк. Очевиднее всего, бланки уже находились в руках преступника, что и подсказало ему дальнейший ход действий. Было маловероятно, что бланк, попав в руки полиции, наведет на след преступника. Тогда как в предыдущем случае отравителя можно было бы выследить. Приходила вам в голову такая мысль, господин президент?

– Признаюсь, не приходила, – ответил Роджер. – Получается, по Холмсу: любая догадка неизбежно заключает в себе вероятность. Как это ни удивительно, но мысль У вас вполне здравая, Брэдли.

– С психологической точки зрения она, разумеется, превосходна, – согласилась и мисс Дэммерс.

– Очень признателен, – скромно откликнулся мистер Брэдли. – Тогда вам будет ясно, почему мое открытие так меня смущало. Окажись под ним реальная почва, любой обладатель старого мейсоновского бланка с пожелтевшими от времени краями немедленно попадал бы под подозрение.

Сэр Чарльз вместо комментария громко откашлялся, но

всем было понятно, что он хотел этим сказать: истинному джентльмену не подобало бросать тень подозрения на свою родную сестру.

– Боже ты мой, – покачал головой мистер Читтервик, выражая примерно ту же мысль, но попроще: его больше волновали чисто человеческие взаимоотношения.

А мистер Брэдли нагнетал напряжение:

– Был еще один момент, который я не мог не отметить. До того как моя сестра пошла учиться на секретаршу, она носилась с мыслью стать медицинской сестрой. Девочкой в школе она прошла подготовительный курс и с тех пор была одержима этим желанием. Она не только читала всякого рода пособия по уходу за больными, но и медицинскую литературу. Несколько раз я заставлял ее за чтением – и чтением внимательным – Справочника Тэйлора, который был у меня.

Он снова замолк, но на этот раз никто высказаться не пожелал. Видимо, все полагали, что Брэдли переусердствовал.

– Итак, я отправился домой и там все обдумал. Мысль, что моя собственная сестра оказалась в списке подозреваемых, мало того, возглавляла список, представлялась мне абсурдной. Обычно в сознании не укладывается, что человек из нашего окружения может оказаться причастен к убийству. Эти вещи несовместимы. Но я поддался искушению и вообразил, что, если бы на месте моей собственной сестры был кто-то другой, я бы уже готов был поздравить себя с тем, что расследование дела я завершил. Однако при том, как скла-

дывалось у меня, что было мне делать? В конце концов, – произнес Брэдли, несколько рисуясь, – я поступил так, как и должен был поступить перед лицом сложившейся ситуации. На другой день я отправился к сестре и напрямую спросил ее, было ли у нее что-нибудь с сэром Юстасом Пеннфазером, а если было, то как далеко это зашло. Она взглянула на меня с недоумением и сказала, что до того, как прочла в газетах об убийстве, она о таком человеке даже не слышала. И я ей поверил. Я попросил ее вспомнить, что она делала вечером накануне убийства. Она взглянула на меня с еще большим недоумением и сказала, что в это время они с мужем находились в Манчестере, где остановились в отеле «Павлин», а вечером ходили в кино (если она правильно запомнила, фильм назывался «Огонь судьбы»). И я снова вынужден был ей поверить. Но, как полагается, на всякий случай, я проверил то, что она мне сказала, и все в точности подтвердилось; в момент, когда пакет опускали в почтовый ящик, она имела стопроцентное алиби. Трудно выразить словами, какое я испытал облегчение.

Мистер Брэдли говорил едва слышно, еле сдерживая нахлынувшие чувства, но Роджер поймал его взгляд, когда тот поднял на него глаза. В них мелькнула явная насмешка. Роджеру стало не по себе. С этим Брэдли надо держать ухо востро.

– Таким образом, первый билет оказался пустым, и мне пришлось внести изменения в некоторые разделы моей таб-

лицы, которую я ранее для себя составил. Раньше я перешел к рассмотрению следующих пунктов. Мне пришло в голову, что старший инспектор Скотленд-Ярда Морсби, беседуя с нами в тот вечер, утаил от нас некоторые известные ему данные по делу. Я позвонил ему и задал несколько вопросов. Выяснилось, что письмо было напечатано на пишущей машинке системы «гамльтон» номер четыре, то есть на самой обычной ее модели, что адрес на пакете был написан самопишущей ручкой, и притом печатными буквами; почти с уверенностью могу определить, что это была ручка фирмы «Оникс» с пером средней величины, что чернила были приобретены в магазине фирмы «Хартфилд Фаунтен Пен Инк» и что пакет из обычной коричневой бумаги, равно как и тесьма, которой он был перевязан, не содержали никакой дополнительной информации. Никаких отпечатков пальцев нигде не было обнаружено. Возможно, мне не следует этого говорить, поскольку всем известно, чем я зарабатываю на жизнь, но клянусь, я абсолютно не представляю себе, как работают профессиональные сыщики, – с замечательной откровенностью вдруг заявил мистер Брэдли. – В книге-то все просто, потому что автор знает, что его сыщик должен искать, он и ищет то, что надо автору, и ничего другого. В реальной жизни все происходит совсем по-другому. И знаете, что я сделал? Я решил скопировать метод моего литературного персонажа – сыщика – с точностью до мельчайших деталей. С этой целью я свел в таблице все полученные данные, фак-

тические и предполагаемые (материал получился на удивление громадный, и его надо было разместить в моей таблице), а затем из каждого пункта постарался извлечь как можно больше умозаключений, одновременно не забывая своей основной задачи – установить личность преступника, которая должна была бы постепенно выбраться на свет божий из замысловато сплетенного гнезда моих умозаключений. Одним словом, – провозгласил торжественно мистер Брэдли, – я не мог окончательно и бесповоротно констатировать вину некоей леди А или, скажем, некоего сэра Б ввиду отсутствия достаточной мотивации, поскольку для констатации их вины пришлось бы погрешить против логики заложенного в моей таблице построения.

– Правильно, правильно! – не мог не согласиться с ним Роджер.

– Правильно, правильно! – как эхо, вслед за ним повторили Алисия Дэммерс и мистер Читтервик.

Сэр Чарльз и миссис Филдер-Флемминг переглянулись и быстро отвели глаза, как ученики воскресной школы, застигнутые врасплох, когда они вдвоем занимались чем-то предосудительным.

– Боже мой, – простонал мистер Брэдли, – если бы вы знали, как я устал. Господин президент, я прошу пятиминутного перерыва. Мне надо отдохнуть и выкурить полсигареты.

Президент любезно предоставил мистеру Брэдли эти пять минут, понимая, как ему необходимо восстановить свои си-

лы.

Глава 11

– Мне всегда казалось, – продолжал свою речь мистер Брэдли, – что убийства делятся на два типа: на закрытые и открытые. Под закрытым убийством я подразумеваю убийство, совершенное в замкнутом кругу людей, например на домашней вечеринке, когда очевидно, что убийца обретается среди ограниченного числа участников вечеринки. Убийства этого класса чаще всего встречаются в художественных произведениях. Под открытым убийством я понимаю такое, в котором преступник не связан рамками какой-либо группы и может быть кем угодно на этом свете. И увы, в реальной жизни чаще всего случаются убийства второго типа. Дело, которое мы рассматриваем, отличается тем, что его нельзя с определенностью отнести ни к той, ни к другой категории. Полиция заверяет, что это открытое убийство; а наши предыдущие ораторы склонны отнести его к закрытому. Вся разница заключается в мотиве преступления. Если согласиться с версией полиции, по которой убийство совершил безумец или фанатик, то это, без сомнения, открытое убийство; тогда пакет мог быть отправлен любым человеком, находящимся в то время в Лондоне и не имеющим на тот вечер алиби. Если же придерживаться мнения, что мотив был личного характера и был связан с самим сэром Юстасом, то в таком случае можно считать, что убийца действовал в рамках замкнутого круга

лиц, состоявших в тех или иных отношениях с сэром Юстасом. Далее разговор пойдет об отправке пакета по почте, – продолжал развивать тему мистер Брэдли. – И тут я хотел бы сделать небольшое отступление и поведать вам об одном любопытном обстоятельстве. Насколько я представляю, не кто иной, как я сам, мог оказаться невольным свидетелем того, как отправитель опускал пресловутый пакет в почтовый ящик! Вообразите себе, что в момент, когда происходил этот акт, то есть когда он опускал пакет в ящик, я прогуливался по Саутгемптон-стрит. Это было как раз в тот самый вечер, приблизительно без четверти девять. И я совершенно не мог вообразить, как сказал бы мистер Эдгар Уоллес, что в эту самую минуту у меня под ничего не чующим носом разворачивается первый акт драмы с трагическим финалом. Но никто не послал мне предзнаменования, никто не обратил мой шаг вспять, дабы я мог отвести несчастье. Видимо, в тот вечер у Провидения было туго с предзнаменованиями. Или, скажем, если бы я ощутил приближающуюся беду вялой своей интуицией... От каких волнений я бы нас всех избавил! Увы, – с грустью промолвил мистер Брэдли. – Такова жизнь.

Он помолчал, прежде чем вернулся к своим рассуждениям.

– Однако мы отвлеклись. Мы говорили о том, что такое закрытые и открытые убийства. В мои намерения не входило давать нашему делу точное определение, а потому, чтобы избежать недоразумений, я решил подойти к нему как к убий-

ству открытому. Итак, я исходил из того, что под подозрением оказывается любой в этом подлунном мире. Чтобы хоть немного сузить диапазон, я стал вычленять из этой бесчисленной массы индивида, совершившего данное преступление, опираясь на те маловыразительные улики, которые оставил нам преступник. Я уже сообщил вам свои соображения по поводу использования нитробензола в качестве отравляющего вещества. К следующему пункту, касающемуся образования преступника, я добавил постскрипtum, и это очень важно: отравитель получил хорошее образование, но... не в частной школе и не в университете. Вы со мной согласны, сэр Чарльз? Иначе ничего такого не произошло бы.

– Ну почему? Бывали случаи, когда выпускники частных школ совершали убийства, – заметил сэр Чарльз с некоторым недоумением.

– Допустим. Но не таким предательски-подлым образом. Кодекс чести в частной школе сам по себе кое-чего стоит, и даже в таких вещах, как убийство. Спросите любого выпускника частной школы, и он вам так и ответит. Это убийство не по-джентльменски. Если выпускнику частной школы и придется прибегнуть к такому нетрадиционному способу выяснения отношений, как убийство, он, скорее всего, возьмет за нож или вооружится револьвером или чем-нибудь еще. Но он встретит противника лицом к лицу, а не уложит его выстрелом в спину или из-за угла. Я в этом совершенно убежден. Следующее умозаключение: у подозреваемого

руки очень искусны. Подумайте: аккуратно развернуть каждую шоколадку, извлечь начинку, заполнить новой, заделать отверстие мягкой шоколадной крошкой, снова аккуратнейшим образом завернуть в ту же серебряную бумажку, и так с каждой конфетой, добиваясь того, чтобы они выглядели так, будто до них не дотрагивались, – я вам скажу: эта работа не из легких. И заметьте, все время в перчатках. – Он снова сделал паузу и продолжал:– Сначала я подумал, что, судя по тому, с какой великолепной тонкостью все было сработано, убийство должно быть делом женских рук. Однако чтобы удостовериться в этом, я решил поставить опыт: человек десять, если не больше, из своих друзей, мужчин и женщин, я заставил проделав собственными руками все то, что проделал преступник. Из всех них только мне удалось (говорю без особой гордости) в точности повторить эту тончайшую работу. Значит, необязательно, что это была женщина. Короче говоря, мы констатируем ловкость рук преступника. Далее я подошел к пункту о дозировке. В каждой шоколадке содержалось ровно шесть долей ядовитого вещества, что, как мне кажется, говорит о многом. Подтверждается мое предположение о том, что человек этот аккуратен по натуре и одержим страстью к симметрии. Такие люди бывают. Например, они не выносят, когда картины, висящие на стене, не уравновешивают друг друга в пространстве. Я это знаю, потому что сам почти такой же. Симметрия в моем представлении является синонимом порядка. Мне легко вообразить, как пре-

ступник Впрыскивал яд в шоколадки. Наверное, я бы проделал все точно так, как и он. Неосознанно. Кроме того, надо отдать должное его или ее творческому мышлению. Преступление такого рода не совершают экспромтом. Оно долго и тщательно обдумывается, потихоньку, шажок за шажком, сцена за сценой. Оно выстраивается, как выстраивается пьеса. Вы не согласны со мной, миссис Филдер-Флемминг?

– Мне бы и в голову такое не пришло, но, возможно, тут есть доля истины.

– Да-да, понадобилось много думать, чтоб осуществить подобный замысел. Напрасно мы будем упрекать автора этого замысла в плагиате, ища параллелей с другими известными преступлениями. Даже великие творцы не пренебрегали идеями других ради претворения собственных. И я тут не исключение. Да и вы, Шерингэм. Не сомневаюсь, что и вы, мисс Дэммерс. И с вами подобное может случиться, миссис Филдер-Флемминг. Будем честны.

Призыв был услышан, и каждый шепотом признал справедливость слов мистера Брэдли в свой адрес.

– Ну вот. А теперь вспомните, что Сулливен имел обыкновение адаптировать церковные мелодии. Например, используя старинные грегорианские песнопения, он сочинил «Пару сверкающих глазок» или что-то еще в этом роде, но тоже далеко не духовное. Разве подобное возбраняется? Все это, леди и джентльмены, необходимые штрихи к портрету нашего неизвестного, из чего следует, что он (или она) дол-

жен быть по своему душевному складу человеком холодным, безжалостным и бездушным. Вот и все, как мне кажется. Но это не так уж и мало, как вы считаете? И если кому-то из нас удалось бы выйти на человека, по всем столь разнородным признакам соответствующего Разработанной мною характеристике, и угадать в нем (ней) преступника, это значило бы, что исследователь проделал Долгий и сложный путь к истине. И еще один момент не хочу упустить. Возникшую параллель с еще одним, но другим преступлением. Меня удивляет, что никто о нем не вспомнил. Эта параллель больше соответствует нашему делу, чем те, которые здесь прозвучали. Дело это не так уж широко известно, но вы могли о нем слышать. Убийство доктора Уилсона из Филадельфии, которое имело место всего двадцать лет тому назад. Остановлюсь на нем вкратце. Доктор Уилсон однажды утром получил по почте бутылку пива, будто бы присланного в качестве нового образца из хорошо известной фирмы пивоваров. К бутылке прилагалось письмо, написанное на фирменном бланке. На наклейке с адресом доктора сверху было напечатано название пивоваренного завода. За обедом Уилсон выпил присланное ему пиво и тут же скончался. Пиво было смешано с цианистым калием. Вскоре выяснилось, что пивоваренный завод никакой бутылки ему не посылал, поскольку у них не было практики рассылать клиентам образцы нового пива. Бутылка была доставлена с нарочным через местную транспортную компанию. Там сказали, что бутылку они получили

от какого-то неизвестного, чтобы доставить по адресу. И это все, что они могли сказать. Наклейка фирмы с напечатанным на ней адресом и письмо на бланке были фальшивые. Убийство так и осталось загадкой. Определить, на каком станке печаталось и то и другое, не удалось, хотя полиция перерыла все типографии Соединенных Штатов Америки. Да и мотив преступления так до конца и не был выяснен. Типичное открытое убийство. Бутылка возникла из небытия, в котором до сих пор пребывает целым и невредимым отравитель. Налицо очевидное сходство с нашим делом, я имею в виду пресловутый образчик. Как уже заметила миссис Филдер-Флемминг, это больше, чем совпадение. Наш убийца, несомненно, держал все это дело в уме, и его успешный (для убийцы) исход, разумеется, тоже. А между прочим, вполне может быть, что мотив там был. Уилсон пользовался дурной славой абортиста, и кто-то решил положить конец его деятельности. Из соображений человеколюбия, я думаю. Остались еще люди, у которых это качество сохранилось. Вот, пожалуй, и такая параллель. Сэр Юстас известен как злодей-распутник. Это общее мнение, которое подкрепляет версию полиции об анонимном фанатике. Думаю, что многие факты говорят за их версию. Однако пора перейти к обоснованию собственной версии. На этой стадии я внес в таблицу ряд своих выводов и набросал перечень условий, которым наш преступник, по моим прикидкам, должен отвечать. Однако замечу, что условий этих оказалось такое множество, и причем раз-

нообразных и порой противоречивых, что если бы кому-то вздумалось просчитать шансы поимки преступника, руководствуясь системой, заложенной в моей таблице, то это, сэр Чарльз, был бы уже не ваш один шанс против миллиона, а один шанс против нескольких миллионов. И это не отвлеченное суждение, а математический расчет. В моем перечне двенадцать условий, и, подсчитав вероятность совмещения одновременно всех условий в одном подозреваемом лице (если мои познания в математике меня не подводят), я получил следующий результат: мы имеем один шанс против четырехсот семидесяти девяти миллионов одной тысяча шестисот. И это, заметьте, при одинаковых шансах, что необязательно. Например, что преступник должен обладать знанием криминалистики: тут мы имеем один шанс против десяти; или что ему удалось заполучить мейсоновский фирменный бланк – один против согни. Итак, если все учитывать, – подытожил наконец мистер Брэдли, – я бы сказал что реально мы имеем следующий окончательный результат: один шанс примерно против четырех миллиардов семисот девяноста миллионов пятисот шестнадцати тысяч трехсот пятидесяти девяти. Но это уже верняк, так сказать. Все согласны? Возражений нет?

Ошеломленная публика не нашла, что возразить.

– Ну вот и прекрасно. Значит, мы единодушны, – проговорил мистер Брэдли. – Тогда я зачитываю перечень условий.

Он полистал блокнотик и начал читать:

УСЛОВИЯ, КОТОРЫМ ДОЛЖЕН СООТВЕТСТВОВАТЬ ПРЕСТУПНИК:

- 1. Он (преступник) должен обладать элементарными (по меньшей мере) знаниями химии.*
- 2. Должен обладать элементарными знаниями в области криминологии.*
- 3. Должен был получить достаточно хорошее образование, но не в университете и не в частной школе.*
- 4. Должен был иметь под рукой бланки фирмы «Мейсон» или доступ к ним.*
- 5. Должен иметь пишущую машинку «гамльтон» или доступ к ней.*
- 6. Должен был находиться поблизости от Саутгемптон-стрит, в Стрэнде, между 8.30 и 9.30 вечера за день до убийства.*
- 7. Должен иметь ониксовскую самопишущую ручку с пером средней величины или доступ к ней.*
- 8. Должен иметь чернила фирмы «Хартфилд» для самопишущих ручек или доступ к ним.*
- 9. Должен иметь творческий склад ума, но не пренебрегать достижениями чужой творческой мысли.*
- 10. Должен иметь искусные руки.*
- 11. Должен быть аккуратным человеком, с тягой к симметрии.*
- 12. Должен быть холодным, безжалостным и бездушным.*

ным отравителем, способным убить человека.

– Между прочим, – сказал мистер Брэдли, пряча в карман свой блокнотик, – вы должны были заметить, сэр Чарльз, мы с вами сходимся в том, что убийца не стал бы никому доверять отправку пакета по почте. Да, и еще, просто для общего сведения. Если кто-нибудь из вас хочет знать, как выглядит ониксовская самопишущая ручка с пером средней величины, можете посмотреть на мою. И что любопытно, она направлена хартфилдскими чернилами.

Ручка пошла гулять вокруг стола. Мистер Брэдли, откинувшись на спинку кресла, с отеческой улыбкой следил за тем, как она переходила из рук в руки.

– Вот, собственно, и все дела, – резюмировал мистер Брэдли, когда ручка была ему возвращена.

Роджеру показалось, что он наконец угадал, почему в глазах мистера Брэдли то и дело вспыхивали искры насмешки.

– Вы имеете в виду, что версии, как таковой, у вас нет. Вы не смогли одолеть эти четыре миллиарда шансов против единственно верного и не нашли никого, кто бы соответствовал вашим условиям?

– Да как сказать, – нехотя проговорил мистер Брэдли. – Если уж на то пошло, одного я нашел.

– Нашли? Молодцом! И кого?

– Да провались оно все в тартарары, – скромно потупился мистер Брэдли. – И говорить не хочется. Вздор какой-то.

Хором принялись уговаривать, упрашивать, увещевать. Никогда еще мистер Брэдли не был в центре такого внимания.

– Вы рассмеетесь, если скажу.

Выяснилось, что скорее все пойдут на костер, чем позволят себе смеяться над мистером Брэдли. И как такое могло прийти в голову, когда все, решительно все почитают его глубочайшим образом.

Мистер Брэдли – это показалось всем – собрал все свои силы.

– Мне ужасно неловко. И понятия не имею, как тут быть. Могу поклясться – не знаю. Если я докажу, что человек, про которого я говорю, не только соответствует всем моим условиям, но что у него даже был мотив (несколько отвлеченный, но вполне убедительный) для того, чтобы послать отравленный шоколад сэру Юстасу, то, господин президент, вы мне обещаете, что наше собрание мне поможет решить, как подобает поступить в подобной ситуации?

– Боже милостивый, конечно! – тут же отозвался Роджер, страшно взволнованный. Он тоже был убежден, что нашел окончательно верное решение, но, с другой стороны не могли же они с Брэдли напасть на один и тот же след. А что, если этот малый и в самом деле отыскал... – Господи, ну о чем может быть речь? – с чувством произнес Роджер.

Мистер Брэдли встревоженно оглядел членов Клуба расположившихся вокруг стола.

– Неужели вы не поняли до сих пор, о ком я говорю? Я-то думал, вы догадаетесь. Столько было намеков... Никаких догадок. Ни у кого. Тот, единственный из всех, кто, мне казалось, действительно мог бы соответствовать всем двенадцати условиям? – стиснув голову руками, едва слышно проговорил мистер Брэдли, и от его тщательно зализанной прически осталось одно воспоминание. – Ну как же, черт возьми! Никакая не моя сестра, а – я! Я, я! Конечно же я!

Собрание онемело.

– Вы... Вы говорите – вы? – прервал наконец молчание мистер Читтервик.

Мрачный взор мистера Брэдли остановился на нем.

– Увы, это совершенно очевидно. Я обладаю более чем элементарным знанием химии и могу получить нитробензол, что и проделывал неоднократно. Я криминалист. Я получил приличное образование, но не в университете и не в частной школе. Я имел доступ к бланкам фирмы «Мейсон». У меня есть пишущая машинка «гамилтон» номер четыре. Я был на Саутгемптон-стрит в те критические часы. Я имею ониксовскую самопишущую ручку, с пером средней величины, заправленную хартфилдскими чернилами. Я в какой-то степени обладаю творческим складом ума, но не пренебрегаю чужой мыслью. У меня золотые руки. Я аккуратен, обожаю симметрию. И наверное, я и холоден, и безжалостен, и способен отравить человека. Да, – вздохнул мистер Брэдли. – Никуда не деться. Я тот, кто послал шоколад сэру Юстасу.

Так получается, и я даже сумел это доказать. Но поразительно, что ничего из этого я не помню, Скорее всего, пока я все это проделывал, мои мысли были где-то совсем далеко. Временами я бываю немножко рассеян – я это знаю.

Роджер с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, что было бы совсем некстати. Вместо этого он с суровой миной спросил:

– А как бы вы объяснили мотив своих действия, Брэдли?

Мистер Брэдли оживился:

– Вот в этом-то и была вся трудность. Я долго не мог подобрать для себя подходящий мотив. Как придумать – что бы могло меня связывать с сэром Юстасом? Конечно, мы все, кто бывает в «Радуге», слышали о нем всякого. Я знал, что он пошловат. Но личной неприязни я к нему не испытывал. Пусть будет какой угодно, не мое это дело. Я и не видел его ни разу. Да, в мотиве-то и была вся загвоздка, и его надо было найти. Иначе ради чего я бы стал покушаться на его жизнь?

– Ну, и нашли?

– Полагаю, мне удалось найти, что могло быть реальным поводом для преступления, – проговорил мистер Брэдли не без гордости. – После долгих раздумий я вспомнил, что как-то, беседуя с приятелем о работе профессиональных сыщиков, я поведал ему о своем тщеславном желании совершить убийство, поскольку я совершенно уверен, что могу проделать это так, что меня никто никогда не заподозрит. «И ка-

кое, должно быть, это острое ощущение», – помнится, сказал я тогда ему; ни одна азартная игра не сравнится с этим. Я втолковывал ему, что убийца заключает пари не с кем-нибудь, а с полицией, и причем сразу на две жизни: на свою собственную и на жизнь своей жертвы; если убийцу не обнаруживают, он получает – как выигрыш – и другую; если его поймают, обе жизни им проиграны. Для человека, которому давно приелись обычные развлечения, то есть для меня, убийство должно быть чем-то вроде хобби.

– А! – произнес Роджер, сообразив, в чем тут дело.

– Так вот, когда я вспомнил тот разговор, – мистер Брэдли был совершенно серьезен, – он показался мне весьма знаменательным. Я сразу отправился к этому приятелю и спросил его, помнит ли он, о чем мы с ним тогда говорили, и готов ли он поклясться, что такой разговор между нами был. Он ответил, что готов, и даже припомнил кое-какие подробности, еще более убийственные для меня. Я был настолько потрясен, что взял у него показания. В своих показаниях он сообщил, что, развивая далее свою мысль об убийстве, я стал строить планы, как лучше всего осуществить задуманное. Надо выбрать человека, рассуждал я, от которого мир хотел бы избавиться, но не обязательно политика (слишком заметных лиц я решил избегать), и, выбрав, разделаться с ним с дальней дистанции. А чтобы поддерживать напряжение, как в игре, надо было, рассуждал я, оставить одну-две полувнятные улики. Получалось из этого разговора, что я

оставил больше улик против себя, чем собирался. И в заключение мой приятель сообщил, что, когда я уходил от него, я твердо пообещал при первой возможности осуществить задуманное убийство. Еще я сказал ему, что со временем, когда я напрактикуюсь, у меня может развиться упоительное хобби, а что касается опыта, то он будет просто бесценен для меня как для автора детективных романов. Так что, как мне кажется, – с большим достоинством констатировал мистер Брэдли, – мой мотив полностью обоснован.

– Убийство ради эксперимента, – задумчиво заметил Роджер.

– Убийство для пресыщенных искателей удовольствий, – поправил его мистер Брэдли. – Такой прецедент уже был, как вам известно. Лоуб и Леопольд. Вот вам, пожалуйста, пример. Итак, считаете ли вы, господин президент, что моя версия доказана?

– С моей точки зрения, абсолютно. В вашей аргументации нет ни единой ошибки.

– Я постарался не очень растекаться мыслью. Другое дело, когда я пишу книги – там я себя не ограничиваю. Сэр Чарльз, вы могли бы выстроить премерзкое судебное дело против меня, не так ли?

– Видите ли, мне понадобилось бы более тщательно изучить факты, чтобы вникнуть в суть вашего дела. Но на первый взгляд, Брэдли, рассматривая пока только косвенные данные (а, как вы понимаете, для меня они самые важные), я

должен признать, что у меня почти нет сомнений в том, что именно вы послали отравленный шоколад сэру Юстасу.

– А если бы я объявил, в эту самую минуту, на этом самом месте, находясь в трезвом уме и твердой памяти, что это я их и послал? – упорствовал мистер Брэдли.

– У меня не было бы оснований вам не поверить.

– Но, увя, я их не посылал. А вообще, если бы мне дали побольше времени, я бы смог вам всем доказать самым убедительным образом, что конфетки послал, к примеру, архиепископ Кентерберийский, или, скажем, Сайбил Торндайк, или президент Соединенных Штатов, да кто угодно на свете, назовите кого хотите. Вот чего стоят доказательства. Я состряпал дело против самого себя, основываясь на том единственном факте, что у моей сестры завалялось несколько ветхих мейсоновских бланков. И говорил я вам правду, ничего, кроме правды. Но не сказал, однако, всего. Virtuозно доказать можно все что угодно, равно как и виртуозно исполнить можно все что угодно. Дело только за выбором. Если вы знаете, что именно вы должны донести до публики, а что следует не заметить, обойти, вы докажете любую версию, и притом самым убедительным образом. Это я проделываю в каждой своей книге, и пока ни один рецензент не разнес мои творения за халтурно слепленную аргументацию. Хотя, кто знает, – скромно прибавил мистер Брэдли, – допускаю, что рецензенты и не читают моих книг.

– Ну что же, любопытно задумано, – резюмировала мисс

Дэммерс. – И на редкость поучительно.

– Благодарю, – смиренно промолвил польщенный мистер Брэдли.

– На самом деле это означает, – не без язвительности заключила миссис Филдер-Флемминг, – что вы так и не знаете, кто является преступником.

– Нет, конечно я знаю, – равнодушно откликнулся мистер Брэдли, – но не могу доказать. Члены Клуба словно проснулись.

– Вы нашли кого-то еще? Вопреки тому, что шансы выявить того, кто соответствовал бы всем вашим условиям, столь мизерны? – Сэр Чарльз был обескуражен.

– Думаю, она могла бы соответствовать, – сказал мистер Брэдли, – но я проверил еще не все.

– Она! – Мистер Читтервик был изумлен.

– Да, это женщина. То, что преступление совершено женщиной, – очевидно. И это как раз одна из сторон, которую я старался пока обходить. Странно, что до сих пор никто об этом ни слова не произнес. Как раз единственное, что можно с твердостью утверждать, что преступление – женских рук дело. Мужчине никогда бы в голову не пришло послать другому мужчине отравленные конфеты. Он послал бы отравленные лезвия для бритья, или виски, или пиво, как и поступил этот мерзавец, приятель доктора Уилсона. Мы же имеем типично женское преступление.

– Странно, – тихо произнес Роджер.

– Вы не согласны со мной, мистер Шерингэм?

– Да нет, я просто весь в сомнении, – сказал Роджер. – Вообще-то дело очень путаное.

– Непроницаемое, я бы так его охарактеризовал, – многозначительно проговорил мистер Брэдли.

– Ну хорошо, – нетерпеливо вмешалась мисс Дэммерс, которой надоели бесконечные отклонения от темы и хотелось наконец узнать главное. – Вы нам все-таки назовете преступника, мистер Брэдли?

Мистер Брэдли взглянул на нее не без лукавства:

– Я же сказал, что это ни к чему не приведет, поскольку я не могу ничего доказать. К тому же тут примешался еще такой пустячок, как дамская честь.

– То есть вы опять возвращаетесь к закону о клевете, чтобы не попасть впросак?

– О нет, ни в коем случае. Я без малейших колебаний уличил бы ее в убийстве. Тут есть одно серьезнейшее обстоятельство. Дело в том, что эта дама была какое-то время любовницей сэра Юстаса, а в подобные вещи вникать не положено из соображений приличия.

– Ах вот оно что! – вырвалось у мистера Читтервика.

– Вы желаете что-то сказать? – приветливо обратился к нему мистер Брэдли.

– Нет-нет, просто меня заинтересовало, не совпадают ли у меня с вами кое-какие соображения. И ничего больше.

– Вы имеете в виду вариант брошенной любовницы?

– Вот-вот, – смутился мистер Читтервик.

– Это все так и есть. Вы тоже вышли на эту версию? – Брэдли говорил тоном учителя, который с благосклонной улыбкой поощряет способного ученика. – Это самая точная версия, по всей вероятности. Если взглянуть на дело исходя из характера сэра Юстаса, то образ терзаемой ревностью женщины, оставленной им, вырисовывается с предельной ясностью. Я совершенно намеренно не стал упоминать о пункте тринадцатом в перечне сформулированных мною условий, а он гласит: преступник должен быть женщиной. Теперь, рассуждая о виртуозности доказательств, хочу сказать, что ведь ни сэру Чарльзу, ни миссис Филдер-Флемминг нельзя в этом отказать, не так ли? И оба они не стали исследовать связь между преступником и нитробензолом, хотя это для дела весьма существенно.

– Так вы действительно считаете, что мотивом преступления была ревность? – спросил мистер Читтервик.

– Абсолютно убежден, – твердо сказал мистер Брэдли. – Но хочу добавить, что отнюдь не убежден, что жертвой должен был стать сэр Юстас.

– Не должен был стать жертвой? – спросил Роджер к крайнем смятении. – А как вы это установили?

– Просто я узнал, – скромно поведал мистер Брэдли, – что у сэра Юстаса было назначено свидание в тот день, когда произошло убийство. Он держал это в секрете. Ему предстояло обедать с одной дамой, и не просто с дамой, а с дамой,

весьма для него привлекательной. Скорее всего, это была не мисс Уайлдмен, а другая, и причем сэру Юстасу очень не хотелось, чтобы о ней стало известно мисс Уайлдмен. Но полагаю, что та, что послала ему шоколадки, знала об этой даме. Свидание так и не состоялось, но что свидание отменили – об этом она не знала. Мое предположение (заметьте – предположение, поскольку я не могу подкрепить его достаточно убедительными доказательствами, лишь исхожу из того, что тут выдвигаются на первый план в качестве улики отравленные шоколадки), – словом, мое предположение состоит в том, что шоколадки предназначались совсем не сэру Юстасу, а сопернице той женщины, которая их послала.

– Ах! – Миссис Филдер-Флемминг была совершенно потрясена.

– Это что-то новенькое, – проговорил подавленный сэр Чарльз.

Роджер лихорадочно перебирал в уме имена всех дам сэра Юстаса, о которых он знал, пытаясь представить, кто из этого цветника мог оказаться убийцей. Одну даму он подозревал раньше, но она не очень годилась для роли убийцы, да и сейчас он был в сомнении. Список, казалось, исчерпан.

– Видите ли, Брэдли, если дама, о которой вы говорите, то есть та, что послала шоколадки, действительно была возлюбленной сэра Юстаса, то тут церемониться не стоит, – сказал Роджер. – Наверняка ее имя в связи с этой историей отлично известно в «Радуге», а возможно, и во всех прочих лондон-

ских клубях. Сэра Юстаса скрытным не назовешь.

– Уверяю вас, мистер Брэдли, – усмехнулась мисс Дэммерс, – что представления сэра Юстаса о чести значительно расходятся с тем, к чему его обязывает титул.

– Не думаю, – твердо произнес мистер Брэдли, – что это справедливо и для данного случая.

– То есть?

– Уверен, что только тот, кто послужил источником этой новости (не подозревая, что он таковым является), сэра Юстас и я – и никто больше об их отношениях не знает. Ну и разумеется, сама эта дама, – прибавил мистер Брэдли несколько церемонно, – поскольку она является действующим лицом.

– Но как удалось вам об этом узнать? – упорствовала мисс Дэммерс.

– Сожалею, – спокойно отвечал мистер Брэдли, – но не могу разглашать подобные вещи.

Роджер поскреб подбородок. Может, действительно там замешана еще одна, о которой он не знал? Тогда как быть с новым вариантом версии, которая почти сложилась в его голове?

– Ваша свеженькая и опять убедительная параллель летит кувырком? – прочитала его мысли миссис Филдер-Флеминг.

– Не совсем. Но если так, то у меня имеется и другая. Кристина Эдмундс. Почти такой же случай, если исключить по-

мешательство. Мания на почве ревности. Отравленные шоколадки. Чего лучше?

– Гм! Насколько я правильно понял, – заговорил сэр Чарльз, – краеугольным камнем вашей предшествующей версии или, по крайней мере, отправной ее точкой был нитробензол. Полагаю, что выводы, которые вы из нее извлекли, остаются в силе и в новой версии. Следует ли нам и в данном случае предполагать в преступнице химика-любителя, у которой на полке красуется Справочник Тэйлора?

Мистер Брэдли ласково улыбнулся.

– Это был краеугольный камень моей предыдущей версии, сэр Чарльз. Но не нынешней. Мои рассуждения относительно выбора отравляющего вещества имели особую подоплеку. Я старался навести вас на мысль об определенном лице, и потому мои выводы должны были вас к нему привести. Однако в этих выводах содержалась достаточно внушительная доля истины при всем том, что я намеренно преувеличил их вероятность. Почти уверен по-прежнему, что нитробензол был пущен в ход как наиболее доступное средство. Верно также и то, что как яд он мало кому известен.

– Значит, в вашей новой версии он уже теряет прежнее значение?

– Отнюдь нет. Я придерживаюсь той точки зрения, что преступница вряд ли когда-нибудь пользовалась им прежде, но она знала, что нитробензол может быть употреблен как отравляющее вещество. Откуда она это знала, установить

нетрудно. Я не зря говорил о Справочнике Тэйлора или ему подобной литературе. Я и сейчас не изменил своего мнения. У этой милой дамы имеется Справочник Тэйлора, а у меня был случай убедиться в том самолично.

– Так она криминалист? – не удержалась миссис Филдер-Флемминг.

Мистер Брэдли откинулся в кресле и устремил свой взор в потолок:

– Я бы сказал, что это весьма важный вопрос. Вообще и сам не знаю, что такое криминалистика. С моей точки зрения, если отнести его к этой даме, термин этот тут не уместен. Хотя что-то криминальное в ней есть. Роль, которую играет она в этой жизни, мне абсолютно ясна, она ее играла при сэре Юстасе, и не думаю, что она годится для чего-то еще, кроме этой роли. Ну разве что пудрить свой очаровательный носик и быть привлекательной, но в этом ее *raison d'etre*. Нет, она такой же криминалист, как прелестная канарейка, склонен я думать. Но криминалистикой она балуется – у нее дома книжный шкаф забит книгами по криминалистике.

– Она ваш близкий друг? – осторожно полюбопытствовала миссис Филдер-Флемминг.

– О нет, я видел ее лишь однажды, когда был у нее дома. Я зашел с только что вышедшей и уже нашумевшей книгой об известных убийствах и представился как торговый агент по распространению от издательства, которое выпустило эту

книгу. На мой вопрос, не желает ли она подписаться на книги, экземпляр которой был у меня в пуках, она с гордостью указала мне на полку, и я увидел там такой же экземпляр, а книга всего четыре дня как вышла из печати. Еще бы, она так увлечена криминалистикой! Да она просто обожает криминалистику! Ведь убийство – это так увлекательно, не правда ли? Ну? Кажется, хватит.

– Впечатление, что она совсем дурочка, –отреагировал сэр Чарльз.

– Да, такое впечатление она производит, – согласился мистер Брэдли. – И несет всякий вздор. Если б я встретился с ней в гостях за чашкой чаю, я бы, пожалуй, счел ее глуповатой. Но ей удалось совершить очень неглупо задуманное убийство. Так что я сильно сомневаюсь в том, что она дурочка.

– А вам не приходило в голову, – заметила мисс Дэммерс, – что она ничего такого могла и не совершать?

– Нет, не приходило, – признался мистер Брэдли, – пожалуй что нет. Ну сами подумайте: любовницей сэра Юстаса она была совсем недавно (трехлетней давности связь, но за три года такое не забывается), это женщина, которая слишком много о себе воображает и считает убийство увлекательным занятием. Что еще надо? Кстати, если вам нужны дополнительные свидетельства того, что она в самом деле была одной из дам сэра Юстаса, могу прибавить, что видел у нее дома его фотографию. По широкому краю фотографии

шла надпись: «Твой...», а остальное отрезано, из приличия. Заметьте – не «Ваш», а «Твой». Это вполне резонно свидетельствует, что надпись имела весьма интимный смысл.

– Он мне сам говорил, что меняет женщин, как шляпы, – подхватила мисс Дэммерс. – Наверное, не у нее одной есть основания для ревности?

– Правильно, но при этом вовсе не обязательно держать у себя на полке Тэйлора, чтобы справляться о ядах, – упорствовал мистер Брэдли.

– Кажется, осведомленность в криминалистике выходит наконец на первый план, оттесняя использование нитробензола, – высказал вслух свои соображения мистер Читтервик. – Или я не прав?

– Вполне правы, – ласково поощрил его мистер Брэдли. – По-моему, это очень существенно. Помнить об этом надо все время. Мы рассматриваем дело в двух разных плоскостях, в плоскости использования нитробензола в качестве яда и в плоскости аналогий с другими известными делами, имеющими общие черты с нашим делом. И в том и в другом случае перед нами факт осведомленности в криминалистике.

– Так, так, – пробормотал мистер Читтервик с видом человека, который досадует на себя за свою недогадливость.

Воцарилось молчание, которое мистер Читтервик расценил (несправедливо, конечно) как реакцию на свою неуместную реплику.

– Возвращаясь к перечню условий, – заговорила мисс

Дэммерс, чтобы укрепить свою точку зрения, – вы сказали, что не смогли проверить, насколько ваша подозреваемая подходила под все ваши пункты. Которым же из них она соответствовала, а какие вы не смогли проверить?

Мистер Брэдли ответил с готовностью:

– Пункт первый: я не знаю, разбирается ли она в химии. Пункт второй: не знаю, насколько глубоки ее познаний в криминалистике. Пункт третий: с определенностью могу утверждать, что она получила неплохое образование (насколько она его усвоила, установить трудно), но думаю, что курса наук в частной школе она не проходила. Пункт четвертый: я не смог установить, есть ли у нее доступ к бланкам фирмы «Мейсон и сыновья», помимо того, что она имеет постоянный счет в фирме, но, по версии сэра Чарльза, счет в фирме равнозначен доступу к бланкам, следовательно, согласимся с сэром Чарльзом. Пункт пятый: мне не удалось выяснить, есть ли у нее возможность печатать на «гамильтоне», но это узнать нетрудно, во всяком случае, машинка может быть у кого-то из ее друзей. Пункт шестой: она могла быть недалеко от Саутгемптон-стрит, но все перепутала, устраивая алиби, и оно получилось неполным: она не сумела приехать к началу спектакля, а появилась в театре только в десятом часу вечера. Пункт седьмой: на ее бюро я видел ониксовскую самопишущую ручку. Пункт восьмой: я заметил бутылочку хартфилдских чернил в одном из ящичков бюро. Пункт девятый: я не могу назвать ее человеком с

творческим складом ума, затрудняюсь сказать, есть ли у нее ум вообще, но, по-видимому, она намеренно вводит всех в заблуждение. Пункт десятый: судя по ее лицу, я бы сказал, что у нее необыкновенно искусные руки. Пункт одиннадцатый: если она человек дотошно аккуратный, то очень тщательно это скрывает как серьезный инкриминирующий момент. Пункт двенадцатый: тут, видимо, надо внести уточнение: «...отравительница, способная убить человека по недомыслию». Вот такой расклад.

– Понятно, – сказала мисс Дэммерс. – Но есть пробелы.

– Полагаю, что есть, – кротко согласился мистер Брэдли. – По правде говоря, я считаю, что эта женщина была бы способна совершить убийство, поскольку другого выхода у нее не было. Но мне как-то не верится.

– А! – произнесла миссис Филдер-Флемминг, заменив междометием мысль, которая чуть было у нее не вырвалась.

– Между прочим, Шерингэм, – заметил мистер Брэдли, – эта скверная дамочка вам известна.

– Мне? Неужели? – спросил Роджер, выходя из транса. – Возможно, что так. Вы не будете возражать, если я напишу ее имя, а вы мне скажете, она это или не она?

– Нисколько, – мистер Брэдли оставался невозмутим. – Я сам хотел это вам предложить. Полагаю, как президенту вам следует знать, кого я имею в виду, на случай, если окажется, что я ошибся.

Роджер сложил бумажку вдвое и попросил передать ее ми-

стеру Брэдли.

– Думаю, что она, – сказал он.

– Вы абсолютно правы, – сказал Брэдли.

– Вы основываете свою версию на той причине, которая пробудила в этой даме интерес к криминалистике? Я вас правильно понял?

– Можно сформулировать это так, – согласился мистер Брэдли.

Неожиданно для себя Роджер слегка покраснел. Ему было лучше знать, по какой причине миссис Веррекер-ле-Межерер проявляла такой страстный интерес к криминалистике. Не вдаваясь в подробности, скажем, что по той же причине он всякий раз еле уносил от нее ноги.

– В таком случае вы абсолютно ошибаетесь, Брэдли, – ни секунды не колеблясь, произнес Роджер. – Абсолютно.

– Вам точно известно?

Роджер еле сдержал гримасу отвращения.

– Совершенно.

– Да мне и самому не очень-то верилось, – философски заметил мистер Брэдли.

Глава 12

Роджер был занят по горло. Он метался по городу в такси, не замечая времени. К вечеру надо было закончить все, что касалось расследования.

Такому горе-криминалисту, как миссис Веррекер-ле-Межерер, его действия могли показаться сумбурными и лишеными смысла.

Например, накануне днем он взял такси и отправился в Холборнскую публичную библиотеку и там, порывшись в справочниках, получил данные, которые его совсем не обнадежили. После этого он поехал в контору Уилла и Уилсона, хорошо известную фирму, в обязанности которой входила защита коммерческих интересов отдельных граждан, а также предоставление своим клиентам совершенно секретной информации относительно стабильности предприятия, в которое клиент намеревался вложить деньги.

Роджер бойко отрекомендовался как вероятный крупный вкладчик, внес свое имя в список клиентов, заполнил несколько анкет с грифом «Совершенно секретно» и не уходил до тех пор, пока господа Уилл и Уилсон не пообещали ему, разумеется, если он заплатит еще, что через двадцать семь часов требуемая информация будет у него руках.

Затем он купил газету и отправился в Скотленд-Ярд. Там он и нашел Морсби.

– Я хочу, – он сразу перешел к делу, – чтобы вы помогли мне в одном очень серьезном деле. Вы не можете разыскать таксиста, который взял пассажира на Пиккадилли-серкус или где-то поблизости, это было минут десять десятого вечера в канун того дня, когда было совершено убийство, и высадил его в районе Стрэнда в конце Саутгемптон-стрит? Этот же таксист (а возможно, не он, а другой) взял пассажира в районе Стрэнда около Саутгемптон-стрит приблизительно в четверть десятого и высадил его недалеко от Пиккадилли-серкус. Во втором такси, скорее всего, ехали двое; по поводу первого я не уверен. Или один таксист сделал двойную езду, в чем я сомневаюсь. Это можно выяснить? Мне это необходимо.

– Трудность в том, что прошло много времени, не так-то просто будет это узнать, – засомневался Морсби. – А что, это действительно так важно?

– Крайне важно.

– Хорошо, попытаюсь, тем более что это нужно вам, а не кому-то еще. И раз вы говорите, что это важно, я вам верю.

– Ну и прекрасно, – Роджер был очень признателен Морсби. – Только побыстрей, ладно? И позвоните мне завтра домой, в Олбани, приблизительно в пять, если вам удастся выйти на этого таксиста.

– Что вы задумали, мистер Шерингэм?

– Я хочу разбить одно любопытное алиби, – ответил Роджер.

К обеду он вернулся домой.

После обеда у него так гудело в голове, что он решил пройтись, – все равно толку от себя он не ждал. В смутной тревоге он прошелся по Олбани и очутился на Пикадилли. В глубокой задумчивости бродил он по Пиккадилли-серкус, пока его внимание не привлекли фотоснимки из нового ревю, помещенные на рекламных щитах «Павильона». Он пришел в себя, лишь когда, свернув к Хеймаркет и описав большой круг, попал на Джермин-стрит. Он стоял перед театром «Империал» на живописной, оживленной улице и равнодушно взирал, как кучка запоздавших зрителей исчезала в дверях театра.

Из афиши он узнал, что в тот вечер давали «Скрипящий череп» и эта ужасная пьеса начиналась в половине девятого. На его часах было двадцать девять минут девятого.

Надо было как-то скоротать вечер. И он пошел на спектакль.

Прошла ночь.

На другой день рано утром (то есть рано, с точки зрения Роджера; была половина одиннадцатого) он очутился в захолустном районе, на окраине цивилизации, короче говоря – в Эктоне. Там он занимался не чем иным, как пытался вступить в разговор с девицей из конторы парфюмерной компании «Британия – Восток». Девица помещалась за перегородкой у главного входа в здание компании, куда посторонних не пускали. Связь с внешним миром девица осуществляла

через крохотное матовое окошко. Стучать надо было громко и долго, лишь тогда окошко приоткрывалось; односложно ответив навязчивому посетителю, девица опять закрывала окошко, давая понять, что интервью окончено.

– Доброе утро, – вежливо произнес Роджер, когда наконец ему удалось с третьей попытки достучаться до этой девицы: окошко приоткрылось, она выглянула из своей крепости. – Я бы хотел обратиться.

– Приезжие – по вторникам и пятницам, утром, с Десяти до одиннадцати, – отчеканила девица удивленному Роджеру, и опять окошко очень внушительно захлопнулось. Будет знать, невежа, как иметь дело с солидной британской фирмой, да еще в четверг с утра, – сказала она этим жестом.

Ничего не понимая, Роджер уставился в матовое стекло. Тут ему пришло в голову, что она приняла его за кого-то другого. Он постучал снова, потом еще и еще...

– Я же сказала, – рявкнула девица вне себя от справедливого негодования. – Мы принимаем только...

– Я не приезжий, – поспешил успокоить ее Роджер. – Во всяком случае, – он замялся, вспомнив, какие пустынные пространства ему пришлось пересечь, пока он добрался до этого негостеприимного оазиса. – Во всяком случае, не с коммерческими целями.

– Вы ничего не продаете? – подозрительно спросила девица. Являя собой лицо передового британского бизнеса, она, естественно, относилась с величайшим недоверием ко вся-

кому, кто дерзал обратиться с подобным предложением к ее фирме.

– Нет, ничего не продаю, – заверил ее Роджер совершенно искренне, задетый, однако, ее грубостью.

Он надеялся, что теперь девица смягчится. Конечно она не кинется к нему в объятия, но хотя бы уделит ему несколько минут.

– Ладно, что вам надо? – У нее был вид человека, с благородным терпением несущего свой крест. Из ее тона следовало, что мало кому удавалось проникнуть сквозь охраняемую ею дверь из тех, кто пытался навязать ее фирме сотрудничество.

– Я адвокат, – на этот раз Роджер слукавил, – и веду дело некоего мистера Джозефа Ли Хардвика, который работал в вашей фирме. К сожалению, должен сказать...

– Прошу извинить, про такого не слышала, – сказала девица и снова захлопнула окошко, давая понять, что интервью слишком затянулось.

Роджеру опять пришлось пустить в ход трость. После седьмого удара по матовому стеклу его старания увенчались успехом, и в окошке возник прежний образ оскорбленной британской девицы.

– Я же сказала...

Но Роджеру все это уже порядком надоело.

– Если вы, милая девушка, откажетесь отвечать на мои вопросы, предупреждаю, вас ждут крупные неприятности. Вы

когда-нибудь слышали, что означает неуважение к суду?

Для пользы дела допускается известная фальсификация фактов. Дозволяется даже не слишком сильно треснуть дубинкой по голове. Одну из этих возможностей Роджер и пустил в ход. И хотя барышня была не из пугливых, слова Роджера впечатление произвели.

– Хорошо, что вы хотите узнать? – смирилась она.

– Этот джентльмен, Джозеф Ли Хардвик...

– Говорю вам, никогда о нем не слышала.

Но поскольку названный джентльмен был произведен на свет божий всего три минуты назад, да и то в воображении Роджера, его создатель вполне был готов к такому ответу.

– Возможно, вы его знали под другим именем, – загадочно проговорил Роджер.

Девушка заволновалась. Она даже встревожилась, и очень сильно.

– Если это про развод, – пронзительно закричала она, – то нечего все сваливать на меня! Откуда я знала, что он женат? И потом, это вовсе не причина. И вообще все вранье, что она говорит. Я никогда...

– Развод тут ни при чем, – поспешил усмирить развоевавшиеся страсти Роджер, смущенный столь недевической откровенностью. – К вашей личной жизни это не имеет никакого отношения. Речь идет о человеке, который работал в вашей фирме...

– А! – Одураченная девушка вздохнула с облегчением и тут

же опять вскипела от злости:— Так бы сразу и сказали!

— ...который работал в фирме, — гнул свое Роджер, — в нитробензоловом цехе. У вас ведь есть такой цех?

— Что-то я такого не знаю.

Роджер с сомнением поцокал языком.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Отдел, который контролирует применение нитробензола в производственном процессе. Вы же не будете отрицать, что нитробензол используется у вас в фирме? И притом достаточно широко.

— Ну и что из того?

— Моей фирме сообщили, что человек, о котором идет речь, умер от неосторожного обращения с нитробензолом по той причине, что служащие фирмы недостаточно хорошо предупреждены о его отравляющих свойствах. Мне бы хотелось...

— Что? Умер? Не верю, в первый раз слышу...

— Дело пришлось замять, — быстро вставил Роджер. — Мне хотелось бы взглянуть на одну из таких инструкций, предупреждающих о ядовитых свойствах нитробензола. Плакаты должны быть развешаны по всей фабрике.

— Боюсь, что не смогу вам помочь.

— Вы хотите сказать, — заговорил Роджер, крайне обескураженный, — что никто не предупреждает ваших работников о том, что неправильное обращение с нитробензолом чревато опасными последствиями? И администрация даже не ста-

вит вас в известность, что это смертельный яд?

– А разве я это говорила? Конечно предупреждают. Еще как всех предупреждают. И все с ним обращаются осторожно. Только никакие инструкции не висят. Вообще, если хотите об этом узнать получше, пройдите к одному из наших директоров. Я могу...

– Благодарю вас, – Роджер больше не лукавил. – Я узнал все, что хотел. Будьте здоровы.

И он удалился, ликуя, после чего, взяв такси, отправился в Вэбстеровскую типографию.

В полиграфическом мире типография Вэбстера все равно что Монте-Карло на Ривьере. Вэбстер печатает все что угодно. Поэтому если бы Роджеру понадобилось пополнить запас своей гербовой бумаги новой, красиво напечатанной пачкой, то куда бы он, естественно, обратился? Судя по всему, это и привело его сюда.

Он очень долго и подробно объяснял молодой женщине за стойкой, какую гербовую бумагу ему хотелось бы заказать. Молодая женщина вручила ему альбом с образцами и попросила выбрать по вкусу. Пока он листал альбом, молодая женщина занялась следующим посетителем. По правде говоря, Роджер с его запросами изрядно действовал ей на нервы.

Очевидно, Роджер так и не смог подобрать образец, который его бы устроил, и, потоптавшись у стойки, он незаметно переместился на территорию другой молодой женщины. Ей Роджер начал заново излагать долгую историю о том, что

ему нужно, и эта женщина, в свою очередь, предоставила в его распоряжение альбом с образцами и попросила выбрать наиболее для него подходящий. Поскольку этот альбом содержал те же образцы, что и предыдущий, понятно, что маневр ни к чему Роджера не привел.

И опять, продвигаясь вдоль стойки, он обратился уже к третьей женщине и снова поведал ей о своих нуждах. Дело свое она знала и тут же вручила точно такой же альбом с образцами. Но на этот раз Роджер был вознагражден. Альбом был того же издания, но с некоторыми дополнениями.

Листая альбом, Роджер, как человек общительный, обратился к девушке:

– Я почти уверен, что именно у вас найду то, что мне нужно. Видите ли, меня направил к вам в типографию один мой приятель, а приятель этот личность незаурядная, я вкус у него исключительный.

– Вот как? – Девушка сделала вид, что сообщение это ее очень заинтересовало. Она была совсем молода и успевала в свободное от работы время посещать курсы повышения квалификации продавцов. Из этих уроков она усвоила, что в числе основных правил ее профессии есть следующее: если клиент, обращаясь к продавцу, скажет, к примеру, что сегодня прекрасная погода, то на это следует откликнуться с живейшим интересом, как бы выражая свое восхищение его необыкновенной проницательностью и способностью к тонким наблюдениям, как если бы это был не клиент, а гадалка,

которая только что по одной линии на руке предсказала, что девушке вскоре предстоит получить весточку из-за океана от незнакомого брюнета, который предложит ей уйму денег.

– Ну конечно встречаются, – старательно выговаривала девушка, – не такие, как все, а совершенно особенные, это точно бывает.

– Ах ты боже мой! – спохватился Роджер. – Ведь фотография моего приятеля у меня с собой! Вот совпадение!

– И правда совпадение! – добросовестно подхватила девушка.

Роджер достал фотографию и протянул ей через стойку.

– Не узнаете?

Девушка взяла фотографию и внимательно в нее вгляделась.

– Так это и есть, ваш приятель? Ну, чудеса! Конечно узнаю. Мир ужасно тесен, не правда ли?

– Он был у вас с неделю назад. Я не ошибся?

Девушка задумалась.

– Скорее недели две... Так приблизительно. Кстати, взгляните, вот образцы, которые пользуются особым спросом последнее время.

По простоте душевной Роджер тут же купил пропасть гербовой бумаги, которая была ему совсем ни к чему. И еще потому, что девушка в самом деле была славная и было бы нехорошо, воспользовавшись ее доверчивостью, обмануть ее ожидания.

Он вернулся домой и пообедал.

Остаток дня он провел в попытках купить подержанную пишущую машинку.

Необходима была машинка «гамильтон» № 4, и никакая другая. Когда продавец попытался предложить ему дру, гае модели, он даже на них не взглянул, под тем предлогом, что его приятель настойчиво рекомендовал ему именно «гамильтон» № 4, которую сам купил у них же в магазине три недели назад. Или не у них? Нет? Последние два месяца «гамильтоны» к ним не поступали? Очень странно Но в одном из магазинов они уже были в продаже, и это было тем более странно. Услужливый продавец поискал в записях точную дату и нашел, что последний «гамильтон» был продан месяц назад. Роджер описал своего друга, и продавец немедленно по его описанию узнал в нем своего покупателя.

– Ах боже мой! Я так и думал, – воскликнул Роджер. – Кажется, у меня с собой его фотография. Одну минутку.

Он порылся в карманах и достал фотографию. Продавец был очень любезен, посмотрел на нее и без колебаний признал в друге Роджера своего клиента. С неубывающей любезностью он тут же стал предлагать Роджеру точно такой же подержанный «гамильтон» № 4, и наш сыщик-энтузиаст не смог ему отказать. Роджер постепенно для себя обнаруживал, что работа сыщика, если за ним не стоит солидное официальное учреждение, весьма дорогостоящее удовольствие. Но, как и миссис Филдер-Флемминг, он считал, что денег,

потраченных на благородное дело, жалеть нечего. К чаю он вернулся домой. Дел не было, оставалось только ждать звонка от Морсби. Тот позвонил раньше, чем ожидал Роджер.

– Это вы, мистер Шерингэм? Сейчас в моей конторе находятся четырнадцать таксистов, мусору нанесли... – сварливо доложил Морсби. – Они все взяли пассажира на Пикадилли-серкус и отвезли в Стрэнд, или наоборот, и как раз в то самое время, которое вас интересует. Так что мне с ними делать?

– Задержите их до моего приезда, старший инспектор, – с достоинством ответил Роджер и тут же взялся за шляпу. Он думал, что таксистов будет не больше трех, но делиться своими соображениями с Морсби вовсе не собирался.

Однако расспросы четырнадцати таксистов заняли не так много времени. Не обращая внимания на насмешки, Роджер каждому показал фотографию своего друга и каждого спросил, узнает ли он этого человека (ему пришлось выслушать немало грубоватых шуточек в адрес Морсби, пока тот выходил из комнаты). Показывая фотографию, Роджер старался держать ее так, чтобы Морсби не увидел, кто на ней изображен. Все таксисты сказали, что такого человека не подвозили.

Не скрывая усмешки, Морсби отпустил людей.

– Жаль, жаль. Новое осложнение в деле, которое вы попытаетесь расхлебать. Правильно я понимаю? Роджер снисходительно улыбнулся.

– Напротив, мой дорогой Морсби, сложность обернулась разгадкой.

– Что чем обернулось? – Морсби даже запутался в грамматических связях. – Куда вы клоните, мистер Шерингэм?

– А мне казалось, вы уже знаете. Разве вы не следите за нами?

– Это как сказать... – смешался Морсби. – По правде говоря, мистер Шерингэм, ваш Клуб занимается какой-то ерундой, и я решил отозвать своих людей. Нечего им зря время терять.

– Господи Боже, – тихо проговорил Роджер. – Как думаешь, до чего ж тесен мир...

– Так чем вы занимаетесь, мистер Шерингэм? Можете вы мне сказать?

– Никак не могу, дорогой Морсби. Занимайтесь свои делом. Вас что, в самом деле интересует, отыскал ли я человека, который послал отравленный шоколад сэру Юстасу?

Морсби внимательно на него посмотрел.

– Еще бы, конечно интересует. Если это вам действительно удалось...

– Да, удалось, – скромно подтвердил Роджер. Даже мистер Брэдли при всей своей скромности не смог бы произнести этого так спокойно и просто. – Я представлю вам свой отчет, как только окончательно проясню все обстоятельства... Это было интересное дело, – прибавил он, подавив зевок.

– Действительно интересное? – спросил Морсби, и голос

у него сел.

– Да, в какой-то мере. Но оказалось до абсурдности простым, когда я докопался до сути. Простым до нелепости. Значит, договорились, немного спустя я пришлю вам свой отчет. Пока же всего хорошего.

И он не торопясь покинул контору.

Надо признаться, Роджер порой невыносимо мог раздражать.

Глава 13

Роджер позвонил в колокольчик, начиная заседание.

– Леди и джентльмены, – сказал он, – как автор нашего эксперимента я осмелюсь себя поздравить. Все три члена нашего Клуба, которые уже выступали перед нами, продемонстрировали глубину наблюдений и тонкую аргументацию, на что не способно никакое другое официальное учреждение. Каждый из вас еще до того, как сделать свой доклад, был твердо уверен в справедливости своей версии, мог выдвинуть все необходимые доказательства в ее поддержку, и, как я полагаю, каждый из вас до сих пор остается при мнении, что его версия еще окончательно не опровергнута. Даже версия сэра Чарльза, по которой виновницей содеянного преступления является леди Пеннфазер оставляет место для вопросов, несмотря на бесспорное алиби, которое ей создала мисс Дэммерс; сэр Чарльз имеет основание заявить, что у леди Пеннфазер есть сообщница, и привести в подкрепление своего аргумента соображение мисс Дэммерс о неблагоприятных обстоятельствах, сопутствовавших ее пребыванию в Париже. В той же связи я хотел бы воспользоваться случаем и напомнить, что я ответил мистеру Брэдли вчера вечером. Я сказал, что знаю совершенно точно, что подозреваемая им женщина не могла совершить преступления. Должен внести поправку. Я не знал, точно ли это так или не точно.

Но поскольку я эту женщину знаю, мысль его мне показалась невероятной. Более того, – смело продолжал Роджер, – у меня есть основания догадываться о причине ее увлечения криминалистикой, и уверяю вас, это не та причина, которую тут перед нами излагал Брэдли. Я должен был сказать, что ей нельзя инкриминировать убийство, так как это психологически с ней несовместимо. Конечно факты неопровержимы, а психологическая несовместимость вещь недоказуемая. Мистер Брэдли и по сию пору имеет право предполагать, что эта дама преступница. Во всяком случае, она определенно остается в списке подозреваемых.

– Я согласен с вами насчет этой, как ее, психологической несовместимости, Шерингэм, – заметил мистер Брэдли. – Я так вчера и сказал. Но беда-то в том, что обвинение против нее я доказал.

– Но вы доказали обвинение и против себя, – упрекнула его миссис Филдер-Флемминг нежнейшим голосом.

– О да, но в моем случае несостоятельность обвинения меня совсем не смущает. Тут никакой речи быть не может о психологической несовместимости. Вы меня понимаете.

– Не понимаю, – сказала миссис Филдер-Флемминг. – Думаю, что не понимаю.

– Психологическая несовместимость! – мощным басом зарокотал сэр Чарльз. – Эх вы, писатели! Вы теперь так заморочены Фрейдом, что совсем забыли про человеческую природу. Когда я был молодым, никто не говорил о психо-

логической несовместимости. А почему? Потому что точно знали, что такой штуки не существует вообще.

– Иными словами, человек, которого даже трудно вообразить в этом качестве, в определенных обстоятельствах может совершить самый неожиданный поступок, – уточнила миссис Филдер-Флемминг. – Возможно, я немножко старомодна, но вполне с этим согласна.

– Констанс Кент, – начал сэр Чарльз.

– Лиззи Борден, – метнула свою карту миссис Филдер-Флемминг.

– Дело Аделаид Бартлетт, – достал козырного туза сэр Чарльз.

Миссис Филдер-Флемминг смешала карты и аккуратненько собрала их в колоду.

– По-моему, – сказала она, – люди, которые рассуждают о психологической несовместимости, рассматривают других людей в той же плоскости, что и персонажей своих романов, наделяя их в значительной мере собственной ментальностью, и вследствие этого никогда не могут представить себе, что то, что невозможно для них самих, может оказаться вполне возможным (при всей кажущейся невероятности) для кого-то другого.

– Тут, кстати, следует вспомнить аксиому о самой неподходящей кандидатуре в убийцы, ставшую уже избитым приемом в произведениях детективного жанра, – пробормотал мистер Брэдли. – Так что согласен.

– Может быть, послушаем версию мистера Шерингэма? – предложила мисс Дэммерс. Роджер понял намек.

– Далее я намеревался отметить, что наш эксперимент принял весьма интересный оборот и в том отношении, что каждый из трех ораторов, выступавших со своей версией, назвал своего преступника. Итого мы имеем трех подозреваемых. Я же хочу предложить еще одного, и если мнения мисс Дэммерс и мистера Читтервика в дальнейшем совпадут с кем-нибудь из нас, то у нас будет выбор из четырех возможных. Признаюсь, я ожидал чего-то похожего, но не такого блестящего завершения. И все же, как заметил Брэдли в своем рассуждении о закрытых и открытых убийствах, в нашем деле можно искать решений до бесконечности, отчего оно становится для нас еще интересней, еще таинственней. Сам я начал свое расследование с изучения обстоятельств частной жизни сэра Юстаса. Я был убежден, что именно там следует искать ключ к отгадке тайны убийства. В этом я повторил путь Брэдли. И так же, как он, исходил из посылки, что ключ надо искать в истории с оставленной им возлюбленной я считал, что основной движущей силой данного преступления был мотив ревности и отмщения. И наконец, так же, как он, с самого первого взгляда на дело в целом, я был уверен, что преступление – дело рук женщины. Исходя из этого, я начал с женщин сэра Юстаса и был полностью поглощен соответствующими выяснениями. Я провел много не слишком благочестивых дней в той среде, прежде чем убедился, что у

меня полный джентльменский список его связей за последние пять лет. Составить такой список было нетрудно. Сэр Юстас, как я уже говорил, человек не скрытного характера. И все-таки, мне кажется, список не полон, потому что в него не вошло имя женщины, о которой вчера говорили, не называя ее имени. И если оно пропущено в списке, то мы можем предположить, что не только ее имени не хватает в списке, там нет кое-кого еще. Во всяком случае, мне представляется, что у сэра Юстаса, надо отдать ему должное, были проблески порядочности. Но теперь все это не имеет значения. А имеет значение лишь то, что поначалу я был убежден в том, что преступление было совершено женщиной, и притом сравнительно недавней возлюбленной сэра Юстаса. Короче, я полностью изменил свою точку зрения.

– Неужели? – простонал мистер Брэдли. – Нет, вы не станете говорить, что все это время я пребывал в заблуждении.

– Боюсь, что это так, – произнес Роджер, делая усилие, чтобы в его голосе не проскользнули победные нотки. Обычно очень трудно сохранять безучастный вид, когда знаешь, что не кто иной, как ты, разрешил задачу, над которой безуспешно билось столько блестящих умов. С прискорбием должен сказать, – продолжал он с печалью в голосе, чтобы не выдать переполнявших его чувств, – да, с прискорбием отмечу, что возникновением новой версии я обязан вовсе не своей проницательности. Честно говоря, мне помог счастливый случай. На днях встретив на Бонд-стрит одну весь-

ма недалекую даму, свою знакомую, я получил от нее такие сведения, которые при всей своей кажущейся тривиальности мгновенно изменили мой взгляд на дело (сама она ни секунды не подозревала, насколько важно то, что она сообщила). В какой-то момент я понял, что шел по неправильному пути, исходя из неверных посылок. Фактически я с самого начала совершил главную и принципиальную ошибку – пошел по следу, по которому убийца намеренно направил и полицию, и всех остальных. Вообще любопытно проследить за ролью счастливой случайности, везения в разгадке криминальной тайны, – пустился в рассуждения Роджер. – Мы как-то разговорились об этом с Морсби в связи с нашим делом. Я обратил его внимание на то, какое количество запутанных дел в Скотленд-Ярде распутывается по воле счастливого случая: вдруг сама собой подворачивается улика, которая все решает, или прибегает разъяренная женщина и выводит на чистую воду своего мужа, который, оказывается, до того, как совершить преступление, дал ей повод для ревности. И такие вещи случаются на каждом шагу. Я даже предложил Морсби, если вдруг ему вздумается снять фильм, основанный на какой-нибудь из подобных историй, назвать его «Кара судьбы». Итак, кара судьбы сработала и на этот раз! Нечаянная встреча на Бонд-стрит и последовавшая затем вспышка озарения даровали мне способность понять, – кто был тот, кто послал шоколад сэру Юстасу.

– Так-так-так... – произнес мистер Брэдли, очевидно вы-

ражая общее смятение Клуба.

– И кто это был? – нетерпеливо любопытствовала мисс Дэммерс, которая была начисто лишена способности ощущать драматический накал интриги. Она скорее даже бравировала тем, что у нее слаба композиция и ее книги всегда бессюжетны. Новеллисты, которые в своих работах употребляют такие понятия, как «ценность», «рефлекс», «эдипов комплекс», пишут не ради сюжета.

– Ну, и кто же перед вами явился в этом внезапном откровении? – повторила она свой вопрос.

– Потерпите, дайте мне довести историю до конца, – попросил Роджер.

Мисс Дэммерс вздохнула. Роджер, будучи ее собратом по перу, должен бы не хуже ее знать, что истории нынче не в моде. Но Роджер был автором бестселлеров, а от таких всего можно ожидать.

Роджер тем временем слегка расслабился, откинувшись на спинку кресла, и пребывал какое-то время в приятной задумчивости. Дальше он говорил уже в свободной манере беседы.

– Видите ли, у нашего дела есть свои особенности, и очень яркие. Вы, Брэдли, и вы, миссис Филдер-Флемминг, недооценили преступника, уравнивая наше дело с преступлениями подобного рода. Возможно, преступник и позаимствовал некоторые ценные идеи из известных ранее дел, но, как писал Филдинг в «Томе Джонсе», произведение искусства даже

выигрывает, если его создатель включает в него фрагменты классических произведений без ссылок на источники. Особенность нашего дела в его оригинальности. В нем есть одна отличительная черта, которая не только разбивает все доводы против этого утверждения, но и позволяет считать наше дело на десять голов выше известных аналогов и прототипов. Я уверен, что нашему делу суждено стать классическим в истории криминалистики. И если бы не чистейшая случайность, которую убийца при всей своей изобретательности предвидеть не мог, это дело могло бы стать одной из классических загадок в истории криминалистики. В целом я склонен рассматривать его как одно из самых блестяще задуманных убийств среди тех, что мне известны (потому что, естественно, другие еще более тонко задуманные убийства, так и оставшиеся неразгаданными, как таковые рассматриваться не могут). Словом, это точно рассчитанное, исключительное по своей оригинальности, простое по идее убийство, почти без погрешностей.

– Хм! Однако же погрешности обнаружались, не так ли? – проворчал сэр Чарльз.

Роджер в ответ ему улыбнулся.

– Мотив очевиден, когда знаешь, где его искать, а это неизвестно. Метод говорит о многом, если понять все его составные, а их понять невозможно. Следы замечены плохо, но надо знать, где их оставили: попробуй найди. Все это наш преступник предвидел. Приманки были разбросаны по ку-

сочкам вокруг, мы их заглывали и успокаивались. Потому и не могли напасть на верный след. Все было слишком хорошо задумано. Реакция полиции, публики, прессы – все было просчитано. Мне даже как-то жалко расставаться с убийцей.

– Ну-ну, мистер Шерингэм, – заметила миссис Филдер-Флемминг, – что за лирические нотки!

– Блестяще задуманное убийство всегда приводит меня в такое состояние духа. На месте убийцы я бы последние две недели сочинял оды самому себе.

– Вы и так, того гляди, начнете сочинять оды в свою честь по случаю раскрытия преступления века, – ввернула мисс Дэммерс.

– Пожалуй что да, – согласился с ней Роджер. – Итак, я начну с доказательств. Прежде всего оговорюсь: в моем арсенале нет такого количества средств, какое удалось привлечь Брэдли для обоснования своей первой версии, но, я думаю, вы согласитесь, что собранных мною доказательств и без того будет вполне достаточно. Будет уместно пройтись по перечню из двенадцати условий, которым должен соответствовать преступник, хотя, как дальше станет ясно, я согласен далеко не со всеми двенадцатью пунктами. Я принимаю и могу ответить на первые два, касающиеся того, что убийца владел элементарным знанием химии и криминалистики, но совершенно не согласен с двумя положениями третьего пункта – мне не кажется вопрос об образовании преступника таким уж существенным, и потому я не стал бы ис-

ключать из списка подозреваемых бывших учащихся частных школ и университетских выпускников. Причины я объясню позже. Четвертый пункт также не вызывает у меня доверия. Он звучит так: «убийца должен был иметь под рукой бланки фирмы „Мейсон“ или доступ к ним». Брэдли высказал неглупую мысль о том что убийца уже имел фирменный бланк, и это подсказало ему методику преступления; но, по моему, эта мысль ошибочна. С моей точки зрения, методика была подсказана уже известным ранее делом, инструментом убийства были выбраны шоколадки (на то была своя веская причина, как я покажу дальше), причем убийца остановился на фирме «Мейсон» как наиболее известной шоколадной фабрике. Затем понадобилось раздобыть бланк фирмы, и нетрудно объяснить, как это было сделано. Следует сказать и о пятом условии. Я не согласен с формулировкой, указывающей, что преступник должен был иметь пишущую машинку «гамильтон» номер четыре или доступ к ней, но не отрицаю что факт этот вполне мог иметь место. Просто я бы сформулировал это условие в прошедшем времени. Не надо забывать, что мы имеем дело с очень осторожным преступником, он продумал преступление самым тщательным образом. Поэтому я допустил, что он не стал бы у себя дома держать пишущую машинку как слишком опасную улику и ждать, когда к нему придут и обнаружат ее. Вероятнее всего, машинка и была куплена с совершенно определенной целью. По шрифту легко определить, что машинка была не из

новых. Я решил проверить свои умозаключения и потратил полдня, объездив магазины, продающие подержанные письменные машинки, и наконец наткнулся на один, где и выяснил, что машинка, соответствующая нашему описанию, действительно была куплена, и это подтверждала запись в книге. Продавец, взглянув на фотографию, которая была у меня с собой, опознал убийцу.

– А где эта машинка сейчас? – с горячей заинтересованностью спросила миссис Филдер-Флемминг.

– Полагаю, что на дне Темзы. В этом я убежден. Преступник, фигурирующий в моей версии, сделал все, чтобы не оставить улики. Переходим к шестому условию, – продолжал Роджер. – Тут у меня нет расхождений с поставленным условием: убийца действительно должен был находиться в указанный час недалеко от почтового отделения. У моего подозреваемого есть некоторое алиби, но в нем слишком много дыр. Что касается следующих двух пунктов, относительно самопишущей ручки и чернил, то это я проверить не сумел, хотя, возможно, и надо было бы, однако я не стал бы придавать такого значения этим вещам как уликам; ониксовскими ручками пользуются очень многие, да и хартфилдскими чернилами тоже, так что они не могут ничего ни добавить, ни убавить в расследовании. Кроме того, было бы вполне в манере моего подозреваемого позаимствовать на время чужую ручку с чернилами потихоньку от хозяина. И, наконец, я согласен с тем, что подозреваемый должен иметь

творческий склад ума и искусные руки, и в придачу – особую ментальность преступника, но предположение, что по натуре подозреваемый человек исключительно аккуратный, считаю безусловным.

– Ну, бросьте, – обиделся Брэдли. – Все-таки это достаточно точный вывод, как я считаю. Имеет свой резон.

– Но не в моем варианте, – возразил Роджер. Мистер Брэдли пожал плечами.

– Меня больше всего интересует бланк, – сказал сэр Чарльз. – Я считаю, на этой улике должно строиться дело против любого из подозреваемых. Как вы можете объяснить, откуда в руках у преступника оказался бланк фирмы, Шерингэм?

– Недели три назад бланк фирмы был изъят из альбома образцов гербовой бумаги в магазине при типографии Вэбстера. Затертые ластиком строки говорят, возможно, о том, что на этом месте была типографская пометка с ценой, например: «образец такой-то, цена пять шиллингов девять пенсов». В магазине Вэбстера – три альбома с одними и теми же образцами. В двух из них есть образцы бланка фирмы «Мейсон», а из третьего его кто-то вынул. Берусь доказать, что мой подозреваемый держал в руках эти альбомы около трех недель назад.

– Неужели действительно можете? – Сэр Чарльз был поражен. – Все и вправду звучит убедительно. Что навело вас на мысль об альбомах с образцами?

– Пожелтевшие края письма, – безучастно произнес Роджер, чтобы не показать, как он польщен. – Я не мог понять, как листок из пачки бумаги мог так пожелтеть по краям и даже обесцветиться, и в конце концов сообразил, что это был отдельный листок. Далее мне пришла в голову поразительная мысль, а именно, что, гуляя по Лондону, мы то и дело видим всякого рода типографские образцы, которыми обклеены витрины типографий. Иногда их прикалывают к щитам булавками. Но на нашем бланке не было следов ни клея, ни булавок. Тогда откуда он мог взяться? Очевидно, из альбома с образцами, которые есть во всех магазинах при типографиях, и больших, и маленьких. И я отправился в типографию Вэбстера и там его отыскал.

– Да, – пробормотал сэр Чарльз, – вполне убедительно.

Он вздохнул. Можно было подумать, что сэр Чарльз в мыслях своих бросает прощальный взгляд на милую его сердцу удаляющуюся фигуру леди Пеннфазер, а заодно прощается и с великолепным делом, которое он выстроил против нее. Но внезапно его чело просветлело. И теперь могло показаться, что сэр Чарльз обратил свой внутренний взор на совсем другую и тоже знакомую фигуру – Чарльза Уайлдмена. И она тоже тихо исчезала, а вместе с ней уходило в небытие другое великолепное дело – дело против него самого.

– А теперь, – сказал Роджер, чувствуя, что затягивать далее уже неприлично, – мы подходим к нашей общей фундаментальной ошибке, о которой я уже вскользь говорил. Эта

ошибка была той ловушкой, к которой, ловко расставив приманки, притащил нас преступник.

Члены Клуба выпрямились и обратились в слух.

Добродушно улыбаясь, Роджер обвел их взглядом.

– Вы, Брэдли, вчера были очень близки к разгадке. Помните, вы мимоходом сказали, что сэр Юстас, возможно, и не был намеченной жертвой. И это совершенно верно. Но я пошел дальше.

– Значит, и я попался в ловушку? – огорченно спросил мистер Брэдли. – Это что же за ловушка? И какая тут фундаментальная ошибка, которую нам подсунули?

– Какая? – Это был для Роджера звездный миг. Он дождался его. – Какая? Мы считали, что план не удался, что был убит не тот человек, на которого готовилось покушение!

И тут он был вознагражден.

– Что?! – вскричали все хором. – Господи, да как же так?! Неужели?..

– Абсолютно точно доказано, – почти пропел Роджер. – В этом-то и вся прелесть. План удался. Он был блестяще осуществлен. Никто по ошибке не был убит. Отравлен был тот, кого и требовалось отравить.

– Как это так? – не мог опомниться сэр Чарльз. – Откуда вы это взяли?

– Миссис Бендикс с самого начала была объектом преступления, – продолжал Роджер уже более сдержанно. – Вот почему так тонко был разработан сценарий. Предусматрива-

лась мельчайшая деталь. Преступник предвидел, что, попадись Бендикс на глаза сэру Юстасу в тот момент, когда он будет разглядывать содержимое пакета, сэр Юстас непременно отдаст ему шоколад. Он также предвидел, что полиция, скорее всего, будет искать преступника среди знакомых сэра Юстаса, а не в окружении убитой. Вообразите, Брэдли, он даже предвидел, что преступление будет расценено исключительно как дело рук женщины, хотя в действительности шоколадки были выбраны как инструмент убийства лишь потому, что именно женщина должна была стать его объектом.

– Так-так-так! – неопределенно протянул мистер Брэдли.

– Из вашей версии следует, – допытывался сэр Чарльз, – что убийца был из близкого окружения убитой и не имел никакого отношения к сэру Юстасу? – Было очевидно, что он категорически не принимает версию Роджера.

– Никакого, – подтвердил Роджер. – Но сначала позвольте сказать, как я обнаружил ловушку, в которую мы все попали. На Бонд-стрит я получил следующую чрезвычайно важную информацию: миссис Бендикс видела пьесу «Скрипящий череп» раньше, еще до того, как заключила пари. Это несомненно. Первый раз она была в театре с дамой, от которой я об этом узнал. О чем это говорит? Да о том, что ей был известен ответ в том пари, которое она заключила с мужем, то есть она знала, кто в конце пьесы окажется убийцей.

Присутствующие затаили дыхание, что свидетельствовало о впечатлении, которое произвели слова Роджера.

– О! Какая невысказанная насмешка судьбы! – Мисс Дэммерс снова продемонстрировала свою способность бесстрастно и отрешенно воспринимать происходящее. – Получается, она сама избрала себе кару.

– Увы, – согласился Роджер. – Даже моя знакомая дама, которая мне об этом и рассказала, была поражена, ирония затаилась в этом печальном событии. И это ее мысль, что наказание слишком жестоко для такого проступка. Но я думаю, – Роджер говорил очень тихо, чтобы не дать своему торжеству прорваться наружу, – что даже теперь вы не до конца понимаете, куда я клоню.

Все удивленно взглянули на Роджера.

– Здесь подробно говорилось о характере миссис Бендикс, и вы должны были составить представление о ней. Это была честная, прямодушная молодая женщина, которая придавала особенно большое значение (по словам моей знакомой дамы) честности и добропорядочности. Теперь ответьте: пари, на которое ей был заранее известен ответ, вписывается в этот образ? Или не вписывается?

– Хорошенькое дело! – Это был мистер Брэдли.

– Вот именно. Это психологически несовместимо с ней, да простит мне сэр Чарльз; невозможно себе представить, чтобы она могла пойти на это шуток ради; шутить она, полагаю, не очень умела, и это бесспорно. А следовательно, – твердо продолжал Роджер, – она совсем не шутила. И так же бесспорно, никакого пари не заключала. Никакого пари не

было. Бендикс солгал. И следовательно, Бендиксу шоколад нужен был совсем для других целей, а вовсе не для того, о чем он говорит в своих показаниях. И теперь, зная, что содержалось в этих шоколадках, мы можем предположить, что у всего этого подоплека совсем другая. На чем, собственно, и строится моя версия.

Глава 14

Когда улеглось волнение, вызванное новым прочтением дела, круто меняющим весь сюжет, Роджер приступил к детальному рассмотрению своей версии.

– Конечно, можно ли представить себе, что мистер Бендикс убил свою жену, да еще таким коварным способом? Вообразить немислимо. Но раз уж мы хотим быть свободны от всякой предвзятости, то должны признать, что вывод напрашивается сам собой. На то есть доказательства, и все, вплоть до мельчайших улик, говорит о том, что это именно так.

– Да, но каков же мотив? – воскликнула миссис Филдер-Флемминг.

– Мотив? О, мотив был достаточно серьезный. Во-первых, Бендикс откровенно, нет, не откровенно, – втайне! – уже тяготился ею... Вспомните, что говорили о его характере. В свое время он вел вполне разгульный образ жизни. Но, судя по всему, до конца еще не перебесился – ходят слухи, что и после женитьбы у него были женщины, и не одна, и, как в старые добрые времена, – преимущественно актрисы. Так что он совсем не святой, а напротив, не прочь позабавиться. И могу себе представить, что жена отнюдь не одобряла и не могла одобрять его увлечений. Нельзя сказать, что он ее совсем не любил, когда женился. Это как раз я допускаю. Но его всегда в первую очередь привлекали деньги. И вско-

ре ему стало с ней скучно. А ведь в самом деле, – произнес Роджер с видимым безразличием, – как осудишь его? Любая женщина, далее самая очаровательная, может смертельно надоесть любому нормальному мужчине, если только и будет что печься о чести, долге, порядочности, а это было как раз в ее духе, если верить моему авторитетному источнику. Их брак предстал передо мной совсем в ином свете. Вообразите: жена беспощадна к наималейшим увлечениям мужа; из года в год она терзает его упреками, поминая всякий мелкий грешок. И всегда она права, а он не прав. Она донимает его своей ханжеской добродетелью, бичуя его пороки. Может свести с ума, как многие жены, одержимые навязчивой идеей, которые всю жизнь точат мужей за то, что у них были другие женщины до того, как «он встретил ее, единственную, чистую, неповторимую, и обрек на страдания». Не подумайте, что я хочу опорочить миссис Бендикс. Я просто хочу убедить вас, что жизнь с ней была невыносима. Но это пока только косвенный мотив. Главная беда в ее скупости, что тоже факт. Этим она подписала себе смертный приговор. Ему нужны были деньги, очень нужны (ради денег он и женился), а она не желала делиться с ним ни пенсом. Первое, что я сделал, – продолжал Роджер после короткой паузы, – я взял справочник и составил список тех фирм, в которых мистер Бендикс является вкладчиком. Целью моей было получить конфиденциальную информацию относительно финансовой состоятельности этой семьи. В последнюю минуту,

когда я уже собирался идти на это заседание, мне сообщили (и это не было для меня неожиданностью), что положение всех этих фирм нестабильно, некоторые на грани краха. Чтобы выйти из трудного финансового положения, Бендиксам необходимы были деньги. О чем это говорит? Свои деньги Бендикс истратил, и ему не хватало. Я не поленился заехать в контору и снова узнал то, что и ожидал: по завещанию, она все оставляет ему. И еще одно весьма серьезное обстоятельство (о котором, кажется, никто не подозревал) – мистер Бендикс совсем не такой уж способный бизнесмен, он посредственность. А тут – полмиллиона! Ну, не знаю! По моему, мотив внушительный.

– Мотив проходит, – согласился мистер Брэдли. – А как насчет нитробензола? Вы, помнится, говорили, что Бендикс немного, но был сведущ в химии.

Роджер засмеялся:

– Вы, Брэдли, как в вагнеровской опере. Стоит появиться очередному подозреваемому, у вас начинает звучать тема нитробензола. Но я смогу, мне кажется, убедить вас и на этот раз. Нитробензол, как вам хорошо известно, широко применяется в парфюмерии. Одна из фирм, с которой сотрудничает Бендикс, – парфюмерная компания «Британия – Восток». Я специально предпринял отвратительное путешествие в Эктон с единственной целью – установить, используется ли на их предприятии нитробензол и, если да, осведомлены ли сотрудники компании о его ядовитых свойствах. И

в том и в другом случае ответ был положительный. Поэтому нет сомнения, что Бендикс прекрасно осведомлен о данном веществе. Ему ничего не стоило прихватить самое мизерное его количество, когда он отправлялся домой, нечто-то я в этом не убежден. Думаю, он поступил бы умнее. Он, по всей вероятности, сам выделил яд химическим способом, раз это действительно так просто, как заверил нас Брэдли. Я выяснил, и тоже случайно, что он изучал естественные науки в Селчестере, а это предполагает знание химии, хотя бы элементарное. Мой довод проходит у вас, Брэдли?

– Проходит, друг нитробензол, – согласился мистер Брэдли.

Роджер задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Неплохо задумано дело, ничего не скажешь, – прикинул он вслух. – И тем не менее воспроизвести его план особой трудности не представляет. Бендикс, по-видимому, считал, что обезопасил себя от любой непредвиденной случайности. И это ему почти удалось. Но бывает, что в хорошо отлаженный механизм преступления вдруг попадает песчинка: он не знал, что его жена уже видела пьесу. Он предположил, что на всякий случай, если возникнут подозрения, следует обеспечить себе приличное алиби, показавшись в театре. Без сомнения, он предупредил жену, что ему хочется посмотреть эту пьесу, и пригласил ее в театр. Чтобы не испортить ему удовольствия, она решила скрыть, что уже видела пьесу, и хотя ей не очень хотелось, она благородно отправилась с ним

в театр. Благородство и подвело. Невозможно себе представить, чтобы такой человек, как она, мог имитировать выигрыш в пари, которое муж якобы с ней заключил. И конечно, Бендикс исчезал из театра минут на десять, чтобы за это время успеть бросить пакет в почтовый ящик. Вчера я просидел до конца на этом жутчайшем представлении, чтобы засечь, когда там бывают антракты. Первый антракт подходит в точности. Сначала я думал, что до почты он взял такси; наверное, он так и сделал, однако ни один из водителей такси, совершавших похожий рейс в это время суток, Бендикса не опознал. Возможно, нам просто не удалось выйти на шофера, который его подвозил в тот вечер. Я попросил Скотленд-Ярд поработать для меня в этом направлении, но бесполезно. Еще уместнее было бы предположить, уже зная, насколько он дальновиден, что Бендикс ездил на почту автобусом или в метро. Он мог сообразить, что такси выследить легче. И если так, то обернулся он быстро. Не удивлюсь, если окажется, что к началу второго акта он уже был на месте.

– Думаю, – заметил мистер Брэдли, – мы совершили ошибку, забаллотировав Бендикса, когда он просил принять его в члены Клуба. Нам показалось, он недостаточно сведущ в криминалистике. Припоминаете? Ну и ну.

– Кому могло прийти в голову, что он криминалист-практик, а не теоретик? – улыбнулся Роджер. – Но согласен, это наша ошибка. Было б неплохо среди членов нашего Клуба иметь хотя бы одного криминалиста-практика.

– Должна признаться, был момент, когда я считала, что среди нас такой есть, – произнесла миссис Филдер-Флемминг, решившая пойти на примирение с сэром Чарльзом. – Сэр Чарльз, – прибавила она совсем напрасно, – я бесконечно перед вами виновата.

Сэр Чарльз милостиво склонил голову:

– Забудем об этом, мадам. Во всяком случае, для меня это было небезынтересно.

– Меня ввело в заблуждение дело, которое я приводила в качестве параллели, – задумчиво продолжала миссис Филдер-Флемминг. – Там до странности все совпадало.

– Да и мне сразу пришла на ум та же самая параллель, – согласился Роджер. – Я довольно тщательно изучил дело Молине в надежде нащупать там зацепку. Но теперь я бы назвал в качестве параллели совсем другое дело, дело Кейлайла Харриса. Вспомните: молодой студент медицинского колледжа послал таблетку с морфием девушке по имени Хеллен Поттс. Как впоследствии оказалось, с этой девушкой они были тайно обвенчаны уже год. Он был распутный, испорченный парень. Всем нам известно, что эта история легла в основу великого романа. Так почему бы не лечь ей в основу не менее великого преступления?

– Скажите, мистер Шерингэм, а тогда зачем, – это вступила в разговор мисс Дэммерс, – по вашему мнению, мистер Бендикс пошел на риск и не уничтожил фальшивое письмо и пакет? Ведь у него была такая возможность.

– Он не сделал этого из осторожности, – не задумавшись ни на минуту, ответил Роджер. – И пакет, и фальшивое письмо предназначались для того, чтобы отвлечь внимание от него самого, чтобы указать на совсем другого человека, на сотрудника фирмы «Мейсон», к примеру, или на никому не известного умалишенного. Что ему вполне удалось.

– А не думаете ли вы, что способ, который он избрал, – переслать шоколад через сэра Юстаса, – был не очень надежным? – неуверенно произнес мистер Читтервик. – То есть я хочу сказать, что сэр Юстас, допустим, мог заболеть и не прийти в клуб в то утро. Кроме того, он мог предложить конфеты не Бендиксу, а кому-то еще.

Мистера Читтервика следовало поставить на место. Бендикс был открытием Роджера. Он гордился им, и ему стало больно, когда это было поставлено под сомнение.

– Ну и что? Вы должны понять, что такое мистер Бендикс. Он не кретин. Будьте уверены, что ничего б не случилось, не явись сэр Юстас в то утро в клуб, или если б он сам съел шоколад, или если б пакет украли при пересылке и конфеты съела бы обожаемая дочь почтальона, да мало ли что могло с ними быть, с этими шоколадками? Пораскиньте мозгами, мистер Читтервик! Невозможно представить, чтобы он послал отравленные шоколадки по почте! Разумеется, нет. Он отправил бы по почте совершенно безвредные, самые обыкновенные шоколадки, а по дороге домой заменил бы их другими. Неужели, черт побери, он бы стал так засвечиваться и

дарить нам такую улику?

– Я понял, – пробормотал мистер Читтервик. – Он получил по заслугам.

– Мы имеем дело с выдающимся преступником, – продолжал Роджер, не теряя суровости, – что подтверждаю! – детали. Возьмем, например, его раннее прибытие в клуб, совсем для него необычное (между прочим, зачем так рано приходиться, если тут не кроется что-то?). Далее: он не ждет своего ничего не ведающего сообщника на улице, у клуба, с тем чтобы войти вслед за ним. Нет, ничего подобного не происходит. Сэр Юстас избран им в сообщники лишь по тому, что тот известен постоянством своих привычек. Сэр Юстас появляется в клубе каждое утро ровно в половине одиннадцатого; он гордится своей пунктуальностью; даже похвально ей, что бы ни случилось, он соблюдает старую добрую традицию. И тут же, пятью минутами позже, в десять тридцать пять, появляется Бендикс, и все идет, как он задумал. Вначале меня смущало: почему шоколад был послан сэру Юстасу в клуб, а не домой? Теперь все ясно.

– Моя таблица условий по смыслу не так далека от ваших выводов, – утешил себя мистер Брэдли. – Но почему вас не устраивает весьма тонкое заключение, что убийцей никак не может быть ни выпускник частной школы, ни выпускник университета? Только потому, что вам известно, что Бендикс учился в Селчестере и в Оксфорде?

– Нет, потому что я сделал еще более тонкое предположе-

ние, что кодекс чести, привитый частной школой или университетом, может сыграть свою роль, когда обдумывают, как убить мужчину, но вряд ли – когда речь идет о женщине. Я согласен с вами только в том, что, задуман Бендикс избавиться от сэра Юстаса, он отправил бы его на тот свет открытым, честным способом, достойным мужчины. Но в отношении женщин работают совсем другие правила. Тут никто не выбирает способ убийства сообразно достоинству и чести, а просто хватит дубинкой по голове или что-то в этом роде. Так что яд – разумней всего. Если не поскупиться на нитробензол, то и мучения длятся совсем недолго, жертва быстро теряет сознание.

– Да, пожалуй, – согласился мистер Брэдли. – Это очень тонкая мысль, с психологической точки зрения мое предположение уступает вашему.

– Думаю, что я затронул почти все условия вашей таблицы. Теперь, что касается пунктуальной природы нашего подозреваемого. Это умозаключение было выведено вами из ко-го факта, что убийца впрыснул в каждую шоколадку равную дозу нитробензола, я же пришел к тому, что Бендикс впрыскивал равные дозы для того, чтобы, съев две или три шоколадки проглотить совершенно определенное количество нитробензола, способное вызвать предполагаемые симптомы отравления, не опасного, однако, для жизни. Определить для самого себя несмертельную дозу яда с тем, чтобы вызвать лишь легкое отравление, – это шедевр мысли.

Естественно, мужчина не способен съесть столько шоколада, сколько женщина. Он, без сомнения, сильно преувеличил симптомы своей болезни, но эффект был изумительный. Обратите внимание на то, что о разговоре Бендикса с женой, когда они, находясь у себя дома в гостиной, ели шоколад, мы знаем только с его слов. И исключительно с его слов нам известно, что между супругами было заключено пари. Допустим, что многое из того, о чем они беседовали, имело место. Бендикс достаточно творческая натура, чтобы суметь вплести вымысел в канву подлинных событий, и притом сделать это мастерски. И конечно он не мог уйти из гостиной, пока сам не удостоверился, что жена съела не менее шести шоколадок (он мог, в конце концов, сам уговорить ее их съесть). Этого количества, по его расчету, абсолютно хватило бы для летального исхода. В этом все значение точной дозировки нитробензола – в каждой из шоколадок по шесть долей.

– Выходит, – подытожил мистер Брэдли, – что наш милый Бендикс великий человек.

– Выходит, что так, – с большим достоинством согласился Роджер.

– И у вас ни малейших сомнений, что он убийца? – полюбопытствовала мисс Дэммерс.

– Ни малейших, – Роджер был озадачен.

– М-м-м... – произнесла мисс Дэммерс.

– А разве у вас они есть?

– М-м-м... – опять протянула мисс Дэммерс.

Разговор оборвался.

– Ладно, – прервал молчание мистер Брэдли. – Пора сказать Шерингэму, что он заблуждается, и очень сильно.

Миссис Филдер-Флемминг едва сдерживала волнение.

– Боюсь, что он-то как раз и прав, – тихо проговорила она.

Но мистер Брэдли не отступал:

– Пару добрых прорех в вашей версии я заметил. Вы, Шерингэм, слишком большое значение придаете мотиву преступления. Вы сильно его раздуваете, разве не так? Кто это в наше время станет травить ядом опостылевшую жену? Скорее всего, он бросит ее, и все дела. И потом, мне трудно поверить: а) в то, что Бендиксу так не терпелось спустить ее деньги в сточную яму своего незадачливого бизнеса и он взял да и убил ее; б) что она была настолько скупа, что не дала бы ему денег, окажись он действительно в безвыходном положении.

– Вы так и не вникли в характер и того и другого, – сказал Роджер. – Оба они были упрямы, как дьяволы. Она первая сообразила, что его бизнес – сточная яма. Я могу вам представить список убийств в метр длиной, совершенных по мотивам менее основательным, чем в деле Бендикса.

– Хорошо, допускаю, мотив проходит. Но вспомните, у миссис Бендикс был назначен как раз в день ее смерти с кем-то обед, который был неожиданно отменен. Разве Бендикс не знал об этом? А раз он знал об обеде, то зачем надо было выбирать день, когда она должна была обедать вне дома? Тогда и десерт с шоколадом не состоялся бы.

– И я хотела спросить о том же, – сказала миссис Дэммерс. Роджер был озадачен.

– Думаю, это совсем несущественно. А почему он должен был отдать жене шоколад за обедом, а не за ужином?

– По двум причинам, – быстро отреагировал Брэдли. – Потому что, во-первых, он торопился, естественно, как можно быстрее осуществить задуманное, а во-вторых, поскольку его жена была единственной, кто мог опровергнуть миф о пари, он, очевидно, торопился заткнуть ей рот, едва подвернется случай.

– Вы со мной шутите, Брэдли, – улыбнулся Роджер, – но я не попадусь. Просто отвечу, что знал он или не знал, что она обедает с кем-то, – это значения не имеет. Они часто обедали порознь где-то вне дома, каждый со своими приятелями, и я не думаю, что у них было заведено заранее друг друга об этом уведомлять.

– Хм! – произнес мистер Брэдли и потер подбородок. Бедный мистер Читтервик приподнял свою посрамленную голову:

– Ваша версия в самом деле строится исключительно на пари, так, мистер Шерингэм?

– И на соображениях чисто психологического характера, которые проистекают из легенды о пари. Но, пожалуй, вы правы. Версия строится полностью на пари.

– Значит, если кто-то докажет, что пари и вправду имело место, то Ваша версия окажется несостоятельной, это так?

– А разве, – заметно встревожился Роджер, у вас есть оказательство в пользу того, что пари было все-таки заключено?

– Ни боже мой... – смутился мистер Читтервик. – Ничего подобного. Мне вдруг пришло в голову, что если бы кому-то понадобилось оспаривать вашу версию, как предложил нам Брэдли, то ему следовало бы начать с пари.

– Вы имеете в виду нашу пикировку по поводу обеда с кем-то вне дома и тому подобные пустяки? – добродушно осведомился мистер Брэдли. – Все это так, конечно, но в данном случае я, как говорится, испытывал версию на прочность и вовсе не пытался ее опровергнуть. Почему? Да потому, что я считаю, что версия Шерингэма верна. Мое мнение – тайна отравленных шоколадок раскрыта до конца.

– Благодарю вас, Брэдли, – сказал мистер Шерингэм.

– Трижды ура нашему президенту-сыщику! – вдохновенно воскликнул мистер Брэдли. – Слава его навсегда теперь связана с именем Грэхема Рейнарда Бендикса. Недурная охота получилась у нас! Гип-гип-ура!

– И вы полагаете, мистер Шерингэм, что окончательно доказали, что Бендикс купил пишущую машинку и листал альбом образцов в типографии Вэбстера? – У мисс Дэммерс мысль работала совсем в ином направлении, чем у мистера Брэдли.

– Да, полагаю, мисс Дэммерс. – В голосе Роджера сквозила гордость.

– Как называется тот магазин подержанных пишущих ма-

шинок?

– Пожалуйста, – Роджер вырвал из блокнота листок и написал название и адрес магазина.

– А вы можете описать внешность девушки в типографии Вэбстера, которая опознала Бендикса на фотографии?

Роджер взглянул на нее в некотором смущении и встретил ее обычный холодновато-невозмутимый взгляд. Ему еще больше стало не по себе. Он постарался описать девушку как можно подробнее, насколько позволяла память. Мисс Дэммерс сдержанно его поблагодарила.

– Итак, каковы наши дальнейшие шаги? – засуетился мистер Брэдли, который, похоже, взял на себя роль спикера при президенте. – Наверное, пошлем в Скотленд-Ярд делегацию в составе Шерингэма и меня для того, чтобы сообщить им, что это неприятное дело теперь позади?

– Вы считаете, что здесь все согласны с версией мистера Шерингэма?

– Несомненно.

– А разве у нас не полагается в подобных случаях голосовать? – ледяным тоном осведомилась мисс Дэммерс.

– «Принято единогласно», – привычно провозгласил мистер Брэдли. – Ну что же, будем придерживаться порядка. В таком случае Шерингэм ставит на голосование следующие пункты: а) собрание принимает версию Шерингэма и считает тайну отравленных шоколадок раскрытой, б) собрание делегирует мистера Шерингэма и мистера Брэдли в Скот-

ленд-Ярд для серьезного разговора с полицией. Я подсчитываю голоса. Кто «за»? Миссис Филдер-Флемминг?

Миссис Филдер-Флемминг одобрила предложение мистера Брэдли, постаравшись, однако, не проявлять свое неприятие его манер.

– Безусловно, я считаю, что мистер Шерингэм свою версию доказал, – произнесла она сухо.

– Сэр Чарльз?

– Согласен, – мрачно буркнул сэр Чарльз, который тоже был задет развязной манерой мистера Брэдли.

– Читтервик?

– И я согласен.

Померещилось ли Роджеру или так было на самом деле, только мистер Читтервик, прежде чем ответить, будто поколебался, словно ему мешала какая-то мысль, а он не мог пока найти слов для нее. Все-таки Роджер решил, что это ему померещилось.

– А мисс Дэммерс? – повернулся к ней мистер Брэдли. За ней был последний голос.

Мисс Дэммерс обвела всех спокойным взглядом.

– Я совсем не согласна. То есть я считаю, что трактовка дела в изложении мистера Шерингэма была очень интересна и достойна его звания. Но, с другой стороны, я думаю, он ошибается. Надеюсь, завтра мне удастся доказать вам, что преступление совершил совсем другой человек, и я его называю.

Члены Клуба в изумлении разглядывали ее, не в силах скрыть восхищения.

Роджеру почудилось, что ему изменяет слух, да и язык что-то совсем перестал повиноваться. Он не мог выдать из себя ни звука.

Мистер Брэдли первый пришел в себя.

– Принято, но не единогласно. Господин президент, надо считать прецедентом. Все знают, что означает, когда резолюция не принята единогласно?

Поскольку президент не мог прийти в себя, мисс Дэммерс взяла на себя его функции.

– Я полагаю, заседание закончено, – сказала она.

С тем и разошлись.

Глава 15

Назавтра Роджер появился на заседании Клуба еще более возбужденный, чем накануне. В глубине души он не мог поверить, что мисс Дэммерс в состоянии разрушить или хотя бы серьезно поколебать его версию против Бендикса. Но что бы она ни сказала, это несомненно будет интересно и ее критические замечания, разумеется, тоже.

Алисия Дэммерс была типичным воплощением своей эпохи.

Появись она на свет лет пятьдесят тому назад, неизвестно, какая судьба была бы ей уготована. И уж конечно, надежду преуспеть на литературном поприще ей пришлось бы оставить навсегда. Потому что очень уж она была не похожа на писательницу, какими они были в те времена. Тогда женщина-писатель была существом чудным, по понятиям простых людей. Она носила нитяные перчатки, держалась скованно и притом была одержима страстным, если не сказать истерическим, желанием быть любимой, чему, увы, сильно препятствовала внешность бедняжки. Что же касается мисс Дэммерс, то ее перчатки, не говоря уже о туалетах, были от самых известных фирм, а хлопок давно не касался ее кожи – с тех пор как ей исполнилось лет десять; скованность она объясняла тайными изъянами, которые хотят скрыть; и если ей дано было переживать любовные увлечения, то она уме-

ла прекрасно это скрывать. Страсть и плотские желания, как казалось окружающим, были ей чужды, однако она признавала их как занятное свойство, присущее существам низшего разбора.

Вернемся, однако, к женщинам-писательницам. Гусеница-писательница в нитяных перчатках в процессе эволюции на следующей стадии превращалась в пишущую даму-куколку, немного смахивающую на повариху из хорошего Дома на каникулах; в этой стадии окукливания пребывала как раз миссис Филдер-Флемминг. Потом из подобных куколок вылуплялись бабочки нескольких разновидностей умные, бесстрастные бабочки, среди которых было много прехорошеньких и печальных, чьи портреты в последнее время очень охотно помещают иллюстрированные еженедельники. Это бабочки с ясным челом, пересеченным легкой морщинкой, вызванной напряженной работой аналитической мысли. Есть бабочки ироничные, есть циничные бабочки; есть даже бабочки – хирурги и анатомы, проводящие время в воображаемых анатомических театрах (по правде говоря, частично излишне в этом усердствуя); это бабочки, лишённые плотских вожделений, грациозно порхающие с одного ярко окрашенного психологического комплекса на другой. Бывают бабочки, лишённые чувства юмора. Эти бабочки очень утомительны, и пыльца, которую они собирают, всегда грязновато-серого цвета.

А вот глядя на мисс Дэммерс, на классический овал ее ли-

ца и миловидные черты, на ее большие серые глаза, скользая взглядом – и с удовольствием – по ее высокой, прекрасной фигуре, статность которой она умела подчеркнуть, одеваясь с большим изяществом, так вот: глядя на все это, человек непосвященный ни за что бы не угадал в ней даму-сочинительницу. И это отсутствие эволюционных признаков в сочетании с умением писать хорошие книги и было, по мнению мисс Дэммерс, как раз то, к чему современные писательницы, если мыслили они в духе времени, должны стремиться.

Интересно, что никто не решался спросить у нее, как ей удавалось в своих книгах исследовать чувства других людей, если сама она их не испытывала. Ответ был ясен, поэтому, собственно, никто ее и не спрашивал. Ничто человеческое ей не было чуждо, она могла и умела чувствовать. И между прочим, с большим успехом.

На другой день – точнее, вечер, в пять минут десятого – мисс Дэммерс начала свою речь:

– Вчера мы заслушали виртуозное обоснование необычайно интересной версии нашего дела. Методы, которыми пользовался в своем расследовании мистер Шерингэм, должны служить для нас всех в какой-то степени моделью. Он начал с дедуктивного метода и был верен ему до конца, что вывело его на след убийцы. В доказательство же он использовал индуктивный метод. Таким образом, ему удалось продемонстрировать продуктивность и того и другого метода. Со свойственной ему тонкостью мистер Шерингэм сов-

местил индукцию с дедукцией, и не будем упрекав его за то, что эта великолепная работа целиком базировалась на ошибке, а следовательно, и не могла привести к верному решению. Что же делать, просто не повезло.

Роджер слушал, удивленно улыбаясь, еще не веря, что его версия лопнула.

– Версия, предложенная мистером Шерингэмом, – продолжала мисс Дэммерс своим красивым мелодичным голосом, – должна была показаться некоторым из вас крайне новаторской и неожиданной, однако для меня ничего в ней неожиданного не было, хотя и было вполне увлекательно. Дело в том, что мы оба исходим из одной и той же посылки а именно, что объект преступления не был случаен.

Роджер насторожился.

– Мистер Читтервик обратил ваше внимание на то, что версия мистера Шерингэма строилась исключительно на пари между мистером Бендиксом и миссис Бендикс. Основываясь на этих показаниях мистера Бендикса, мистер Шерингэм дедуктивным методом выводит умозаключение психологического характера, что пари как такового не было. Это заключение имело бы смысл, если бы не было ошибочным. Мистер Шерингэм слишком снисходителен в интерпретации женской психологии. Что же касается меня, то я тоже начала с пари. Но поскольку я значительно лучше знаю женщин, чем он, дедуктивное рассуждение привело меня совсем к другому выводу, а именно, что миссис Бендикс была не столь без-

упречна, когда старалась выглядеть таковой.

– И у меня, конечно, эта мысль мелькала, – попытался возразить Роджер, – но я вынужден был от нее отказаться из соображений чисто логического порядка. Вся жизнь миссис Бендикс говорит о том, что она была порядочной, честной женщиной. За ней нет ничего, что говорило бы об обратном. А если, кроме свидетельства самого Бендикса о пари, у нас нет никаких ему подтверждений...

– А вот как раз и есть, – сразила его мисс Дэммерс. – Сегодня я провела большую часть дня, пытаюсь прояснить это обстоятельство. Я понимала, что не смогу разбить вашу версию, если не добуду веских доказательств, что пари и в самом деле было заключено. Я не хочу затягивать вашей агонии, мистер Шерингэм, и скажу сразу, что у меня есть неопровержимое доказательство, что пари действительно было.

– Есть доказательство? – Роджер был в полной растерянности.

– Определенно. Между прочим, этот момент вы могли бы и сами прояснить, учитывая, какое важное место это занимает в вашей версии, – ласково пожурив его мисс Дэммерс. – Итак, у меня есть два свидетеля. Горничная при которой миссис Бендикс обронила фразу в том духе, что ужасное расстройство желудка, которое так сейчас ее мучает, должно быть, наказание за то пари, которое она выиграла. Это она произнесла в своей спальне, куда поднялась, чтобы лечь в постель, уже чувствуя дурноту. Вторая свидетельница – моя

подруга, которая знает Бендиксов. Она видела Бендиксов в театре, в их ложе. Во время второго антракта миссис Бендикс осталась в ложе одна, и моя подруга зашла в ней поболтать. Миссис Бендикс заметила ненароком, что они с мужем заключили пари, кто в пьесе окажется убийцей, и назвала одного из персонажей, в котором предполагала злодея. Но – что окончательно подтверждает сложившееся у меня мнение о ней – миссис Бендикс не сказала моей подруге, что видела пьесу раньше.

– О! – произнес Роджер, совершенно поверженный.

Мисс Дэммерс старалась обходиться с ним как можно ласковей.

– Понимаете, мистер Шерингэм, из такого факта, как пари, можно было извлечь два вывода, всего два, и вы по несчастной случайности предпочли ложный вывод.

– Но откуда ж вам стало известно, что миссис Бендикс видела пьесу раньше? – уже в третий раз собрался с силами Роджер. – Я сам всего два дня назад об этом узнал, и то по чистой случайности.

– Так я знала это с самого начала, – небрежно бросила мисс Дэммерс. – Ведь вы узнали об этом от миссис Веррекер-ле-Межерер. Я с ней не знакома, но знаю людей, которые с ней общаются. Вчера, когда вы говорили о чудесном случае, пославшем вам столь ценные сведения, я просто не хотела вас перебивать. А то бы я сразу сказала вам, что все, что достигает слуха миссис Веррекер-ле-Межерер, немедленно

становится известным ее друзьям, и это был вовсе не несчастливый случай, а самое обычное дело.

– Понятно, – сказал Роджер и сник в третий раз, уже насовсем. Но как ни подавлен он был, в голове у него всплыла одна подробность, которую миссис Веррекер-ле-Межерер все-таки ухитрилась не донести до своих друзей, и, поймав озорной взгляд сэра Чарльза, Роджер понял, что тот угадал его мысль и с ней согласился. Оказывается, в психологических выкладках мисс Дэммерс тоже случались огрехи.

– И потому, – продолжала наставительным тоном мисс Дэммерс, – мы снова возвращаем мистеру Бендиксу старую роль второй жертвы, снимая с него обвинение в злодействе, – она сделала маленькую паузу.

– Но не возвращаем сэру Юстасу роли предполагаемой жертвы, как было задумано в первоначальном варианте нашей пьесы, – уточнил Брэдли.

Мисс Дэммерс оставила его реплику без ответа.

– Впрочем, я надеюсь, что мистер Шерингэм сочтет мою версию для себя интересной, так же как я вчера по достоинству оценила его версию. И хотя мы с ним расходимся по некоторым основным пунктам, кое в чем наши выводы удивительным образом совпадают. Одно из таких совпадений – наше общее убеждение в том, что убитая стала жертвой преступления не по ошибке.

– Что-что, Алисия? – воскликнула миссис Филдер-Флеминг. – И ты тоже считаешь, что с самого начала преступле-

ние было направлено против миссис Бендикс?

– Я в этом не сомневаюсь. Но чтобы окончательно это доказать, мне придется разбить еще один вывод мистера Шерингэма. Вы особо подчеркнули, мистер Шерингэм, что мистер Бендикс явился в клуб в необычно раннее для него время – в половине одиннадцатого утра и что сам этот факт говорит о многом. Это абсолютно справедливо. Но, к сожалению, вы совершенно неправильно истолковали этот факт. Его раннее появление совсем необязательно говорит о его преступных намерениях, как вы предполагаете. Вы не учли (честно говоря, по-моему, этого никто не учел), что если миссис Бендикс была предполагаемой жертвой, а мистер Бендикс не был ее убийцей, то, возможно, его появление в клубе было подстроено истинным убийцей. Во всяком случае, на месте мистера Шерингэма я бы нашла время попросить на этот счет объяснений у самого мистера Бендикса. Но он этого не сделал, а я сделала.

– И вы спросили у него самого, как случилось, что он пришел в клуб в то утро в половине одиннадцатого? – с благоговением в голосе поинтересовался мистер Читтервик. Вот как надо вести расследование по-настоящему, и никак иначе. Судя по всему, робость мистера Читтервика была большой помехой в его следовательской деятельности.

– Конечно, – живо отозвалась мисс Дэммерс. – Я ему позвонила и задала этот вопрос. И сразу поняла, что даже полиция не удосужилась спросить его об этом. И хотя он отве-

тил почти так, как я и ожидала услышать, было ясно, что он не понимает, как много зависит от его ответа. Он сказал, что зашел в клуб, потому что ему должны были туда позвонить. Почему должны были звонить в клуб, а не домой спросите вы. Я и спросила. Ответ сводился к тому, что иногда звонить домой неуместно. Должна признаться, что я так вытаскивала из него ответ на вопрос, что он, не понимая, насколько для меня важен этот ответ, наверняка счел меня дурно воспитанной. Но другого выхода у меня не было, и в конце концов он признался, что накануне ему в офис позвонила мисс Вера Делорм – у нее эпизодическая роль в спектакле «Пятки вверх!» в театре Ридженси. До этого они встречались от силы два раза и был не против встретиться вновь. Она спросила, нет ли у него завтра утром серьезных дел, и он ответил, что нет. Тогда она спросила, не хочет ли он пригласить ее пообедать в какой-нибудь укромный ресторанчик. Он ответил, что с радостью. Но пока она точно не знала, будет ли сама свободна. Она позвонит ему в «Радугу» завтра утром между половиной одиннадцатого и одиннадцатую.

Пятеро слушателей хмурились и хранили молчание.

– Ну и что тут такого? Я не понимаю, – решила нарушить молчание миссис Филдер-Флемминг.

– Не понимаете? – произнесла мисс Дэммерс. – А что, если мисс Делорм категорически отрицает, что она звонила мистеру Бендиксу?

Лица чуть просветлели.

– Разумеется, это было первое, что надлежало проверить, – заметила мисс Дэммерс с холодком в голосе.

Мистер Читтервик вздохнул. Ничего не скажешь, тут расследование велось по-настоящему.

– Значит, у вашего убийцы был сообщник, мисс Дэммерс? – высказал свое предположение сэр Чарльз.

– Даже два. И оба не подозревали об этом.

– Ах да. Вы имеете в виду Бендикса. Ну а дама, которая ему звонила?

– Ну-ка, ну-ка, – храня непроницаемость, мисс Дэммерс оглядела внимавших слушателей. – Неужели не ясно?

Судя по реакции, никому ничего не было ясно.

– По крайней мере, вам должно быть ясно, почему звонили от имени мисс Делорм: мистер Бендикс еще недостаточно хорошо ее знал и наверняка не узнал бы ее голос по телефону. А кто говорил от ее имени?.. Ну же, думайте, думайте в самом-то деле! – Мисс Дэммерс и от других ждала такой же проницательности, какая была свойственна ей.

– Миссис Бендикс! – взвизгнула миссис Филдер-Флемминг, чутьем уловив возможность новоявленного треугольника.

– Ну естественно, миссис Бендикс, которую кто-то старательно оповещал о мелких интрижках ее супруга.

– Этот «кто-то», несомненно, и был убийцей, – кивнула миссис Филдер-Флемминг. – Благородный друг миссис Бендикс. Во всяком случае, – немного смутившись, поправились

она, вспомнив, что благородные друзья не убивают, – во всяком случае, она его за такого держала. Ей-богу, Алисия, чем дальше, тем интересней.

Мисс Дэммерс позволила себе мимолетную ироническую усмешку.

– Да, это очень интимное, тихое дельце – я говорю об убийстве. Кстати сказать, мистер Брэдли, совершенно закрытое. Однако я сильно забегаю вперед. Сначала мне предстоит полностью разрушить версию мистера Шерингэма, а затем уже перейти к изложению своей.

Роджер застонал еле слышно и возвел очи к потолку. Тяжелый белый потолок вернул его мысли к мисс Дэммерс, и он снова опустил глаза.

– Мистер Шерингэм, честное слово, вы излишне доверчивы к человеческой природе, – не щадила его мисс Дэммерс, – вы верите всему, что вам говорят. У вас не возникает и мысли о том, что это надо проверить. Я уверена в том, что, если бы кто-нибудь пришел к вам домой и заявил, что видел, как персидский шах собственной рукой впрыскивал яд в шоколадки, вы поверили бы беспрекословно.

– Вы считаете, мне лгали? – простонал бедняга Роджер.

– Я так считаю и могу это доказать. Когда вы нам вчера сообщили, что продавец подержанных пишущих машинок опознал мистера Бендикса и подтвердил, что именно он приобрел «гамильтон» номер четыре в их магазине, я была просто поражена. Получив от вас адрес, я решила сегодня же

утром съездить туда и, конечно, уличила его во лжи. Он с улыбкой признался, что солгал вам. Он подумал тогда, что вы ищете «гамильтон» номер четыре в хорошем состоянии, а у него как раз такая была, и в очень приличном состоянии. И ничего дурного он не видел в том, что совет, подтвердив, что ваш друг именно у них купил такую же машинку, тем более что та, которую он вам предлагал, была не хуже любой другой, которую вы могли купить в другом магазине. И если эта маленькая хитрость поможет вам быстрее прийти к решению купить их «гамильтон», что ж тут дурного в конце концов?.. – без улыбки заключила мисс Дэммерс. – Да будь у вас с собой десяток фотографий, он бы с радостью всучил вам десяток машинок.

– Понятно, – сказал Роджер и с грустью вспомнил симпатичного продавца, который помог ему решиться купить ненужную машинку, а заодно избавиться от целых восьми фунтов.

– А теперь о девушке из типографии Вэбстера, – неумолимо продолжала мисс Дэммерс. – И она тоже быстро согласилась, что, возможно, по ошибке признала в человеке на фотографии друга джентльмена, который недавно интересовался образцами гербовой бумаги. Но, честное слово, этот милый джентльмен так расспрашивал, что ей было неловко его разочаровывать – что-то в подобном духе. И чего тут такого, если она ему так и сказала, – мисс Дэммерс ужасно смешно изобразила девушку из типографии Вэбстера.

Но Роджера это совсем не рассмешило.

– Простите, мистер Шерингэм, я не хотела сильно вас огорчить, – произнесла мисс Дэммерс.

– Ничего, ничего, – сказал Роджер.

– Но это очень важно для моей версии.

– Понимаю, понимаю, – сказал Роджер.

– Значит, эти два свидетельства отпадают. Я не думаю, что у вас в запасе есть другие варианты.

– Пожалуй что нет, – согласился Роджер.

– Вероятно, для вас не секрет, – возобновила свою речь над останками мистера Шерингэма мисс Дэммерс, – что я, следуя общему правилу, избегаю пока называть имя преступника. Теперь, когда моя очередь говорить, я вижу преимущество такой установки. Однако боюсь, что к моменту развязки вы все догадаетесь, кого я имею в виду. Во всяком случае, для меня самой личность преступника вырисовывается с предельной ясностью. Но прежде чем его назвать, я бы хотела остановиться на нескольких моментах, которые мистер Шерингэм затронул в своем выступлении. Мистер Шерингэм выдвинул весьма необычную версию. И она действительно необычна в том плане, что ему пришлось все время убеждать нас, как грандиозно было запланировано убийство и детищем какого недюжинного ума оно было. Я с этим решительно не согласна, – твердо заявила мисс Дэммерс. – Моя версия попроще. Да, убийство было задумано неплохо, но все же замысел далек от совершенства. Преступ-

ник слишком понадеялся на счастливый случай, то есть он не мог предвидеть, что всплывет один чрезвычайно важный изобличающий его факт, из чего следует, что замысливший данное преступление ум уж никак нельзя отнести к выдающимся. Скорее наоборот, преступник – человек ограниченного ума, и там, где он не в состоянии создать что-то сам, он непременно прибегнет к заимствованию. Это возвращает меня к одному из пунктов таблицы мистера Брэдли. Я согласна с ним в том отношении, что преступник проявил некоторое знание криминалистики. Но я против его утверждения, что у преступника творческий склад ума. На мой взгляд, это преступление отличается тем, что оно является грубой копией других дел, известных из истории криминалистики, из чего я сделала вывод, что интеллект преступника крайне консервативного склада, он человек, не умеющий улавливать то новое, что несет прогресс, то есть можно утверждать, что это человек упрямый, догматичный, сугубо практичный, лишенный малейшего понятия о духовных ценностях. Все это дело вызывает во мне крайнее физическое отвращение, которое я объясняю тем, что в этом деле как таковом в самой его атмосфере, таится что-то, глубоко противоречащее моим собственным нравственным нормам.

Последние слова мисс Дэммерс произвели на всех должное впечатление. Что касается мистера Читтервика, то он уловил их дух, хотя не смог уяснить для себя суть самих рассуждений мисс Дэммерс.

– Но есть момент, по которому, мистер Шерингэм, наши мнения сходятся: шоколадки были избраны инструментом убийства потому, что они предназначались женщине. Мистеру Бендиксу опасность не угрожала. Мы знаем, что мистер Бендикс не любит шоколад, и вполне резонно предположить, что убийце это тоже было известно; вряд ли он предполагал, что мистер Бендикс решит отведать конфеток. Интересно следить, как часто мистер Шерингэм почти попадает в цель. Он точно установил, что бланк фирмы «Мейсон» был изъят из альбома образцов в типографии Вэбстера. Должна признать, что для меня этот бланк все время оставался загадкой. Я не могла понять, как он мог попасть в руки преступнику. Я терялась в догадках. И тут мне очень помог мистер Шерингэм. Доказав ошибочность его версии, я извлекла из нее все, что касалось бланка, и использовала аргументацию с большой пользой для собственной версии. Девушка, признавшая в Друге мистера Шерингэма по фотографии, которую он ей показал, мистера Бендикса, когда я показала ей свою фотографию, – тут впервые в тоне Дэммерс зазвучали самодовольные нотки, – узнала не Бендикса, а совсем другое лицо – и более того, назвала его имя.

– Ах! – в сердцах произнесла миссис Филдер-Флемминг и покачала головой. Ее переполняло волнение.

– И еще несколько незначительных деталей, которые я отметила в речи мистера Шерингэма и на которых следует остановиться, – продолжала мисс Дэммерс. – Из того, что

большинство мелких фирм, в правление которых входит мистер Бендикс, нельзя назвать преуспевающими, мистер Шерингэм делает вывод, что мистер Бендикс плохой бизнесмен, с чем я могу согласиться, но я не могу согласиться с тем, что ему смертельно нужны деньги. И снова мистер Шерингэм не потрудился поискать подтверждения своей догадке, и снова он должен расплачиваться за это грубейшей ошибкой. Элементарно было выяснить, что в мелкие фирмы вложена очень незначительная часть средств мистера Бендикса, что это просто так, игрушки богатого человека; зато основной его капитал остается там, куда вложил его Бендикс-старший, его покойный отец, а он вкладывал в надежные государственные акции и в солидные промышленные концерны, настолько значительные, что вряд ли молодому мистеру Бендиксу по рангу положено восседать в правлении директоров этих компаний. Бендиксу хватает здравого смысла, чтобы понимать, как ему далеко до финансового гения, каким был его отец, и он не собирается разоряться на свои игрушки, вкладывая в них больше, чем может себе позволить. Следовательно, главный мотив убийства жены, на который в своей версии делал ставку мистер Шерингэм, отпадает окончательно.

Роджер опустил голову. Отныне и навсегда, чувствовал он, истинные криминалисты будут с презрением указывать на него пальцем как на человека, который не сумел защитить свои собственные выводы. Бесславно будущее, которое ему

уготовано!

– Что же касается побочного мотива, то он в моих глазах не имеет столь важного значения. Хотя в целом я склонна согласиться с мистером Шерингэмом. Я тоже думаю, что миссис Бендикс должна была ужасно надоест своему мужу, который, в конце концов, нормальный мужчина, с нормальными реакциями и своей системой ценностей. Могу даже представить, что миссис Бендикс сама своими бесконечными нравоучениями толкнула супруга в объятия актрис, у которых он искал теплоты и хоть малой толики дружеского участия, чего ему не хватало с ней. Я не отрицаю тот факт, что он был сильно влюблен в нее, когда они поженились. Без сомнения, он ее любил и питал искреннее глубокое уважение. Но несчастен тот брак, – с некоторым цинизмом констатировала мисс Дэммерс, – в котором счастье приносится в жертву уважению. Мужчина на брачном ложе хочет ощущать теплое человеческое тело, а не предмет глубокого уважения. И все же надо отдать должное мистеру Бендиксу. Хотя миссис Бендикс и тяготила его, особенно последнее время, он был в достаточной мере джентльмен, чтобы этого не показывать. Их брак все считали идеальным.

Мисс Дэммерс остановилась и отпила глоток воды.

– И последнее: мистер Шерингэм отметил, что убийца не уничтожил ни письма, ни пакета, потому что считал, что они не только не навредят ему, а, наоборот, помогут направить следствие по ложному следу. С этим я тоже согласна. Но я из-

влекая из этого совсем не тот вывод, что мистер Шерингэм. Я бы сказала, что это полностью подтверждает мою версию, по которой убийство расценивается мною как плод весьма посредственного ума, потому что человек с хорошей головой никогда бы не оставил ни одной вещественной улики, если ее можно было легко уничтожить, какой бы безобидной или удобной она ему ни казалась. Человек с хорошей головой знал бы наперед, как часто улики, специально оставленные для того, чтобы ввести в заблуждение, на деле выводили на след преступника. И я бы сделала еще один, побочный вывод, что письмо и пакет должны были не столько отвлечь внимание вообще, сколько служили какой-то другой цели, а именно: в них должна была содержаться вводящая в заблуждение информация. Я догадываюсь, что это за информация. Вот и все мои замечания в адрес версии мистера Шерингэма.

Роджер поднял голову, а мисс Дэммерс отпила еще глоток воды.

– Я хочу спросить насчет уважения, которое мистер Бендикс питал к своей жене, – рискнул нарушить молчание мистер Читтервик. – Нет ли тут противоречия, мисс Дэммерс? Потому что, как я понял в самом начале, вывод, который вы сделали из факта заключения пари, был таков, что будто бы миссис Бендикс не заслуживала уважения, как нам могло бы показаться. Значит, ваш тот вывод неправильный?

– Правильный, мистер Читтервик, и тут нет никакого противоречия.

– Муж уважает, пока доверяет, – встала миссис Филдер-Флемминг, чтобы подыграть своей подруге.

– Ах, эти тихие воды, которые так глубоки, – заметил мистер Брэдли, он не одобрял подобного поведения, даже в пьесах великих драматургов. – Вот мы и добрались до самых глубин. Так были там тихие воды?

– Были, – равнодушно проронила мисс Дэммерс. – Ну а теперь, как вы, мистер Брэдли, изволили выразиться, мы добрались до самых глубин.

– О! – простонал мистер Читтервик. Он метался в своем кресле, бессвязно что-то бубня. – Если письмо и пакет... убийца мог – и не уничтожил... а Бендикс не убивал... швейцар не считается... О! Я догадываюсь, догадываюсь!

– Я все время ждала – а когда же остальные начнут догадываться? – сказала мисс Дэммерс.

Глава 16

– С самого начала дела, – продолжала мисс Дэммерс, невозмутимая, как всегда, – я считала, что основной уликой, оставленной нам убийцей, была та, о которой он даже не подозревал, – резкая определенность характерных черт его личности. Я брала факты как они есть, не стараясь ничего лишнего им приписать, как это делал мистер Шерингэм, убеждавший нас, что убийца человек уникальных способностей, – и она с вызовом посмотрела на Роджера.

– Разве я выдвигал факты, которые не мог обосновать? – Роджер по ее взгляду понял, что ему надо ответить.

– Конечно. Например, вы преподнесли как достоверный факт предположение, что пишущая машинка покоится на дне Темзы. Тот факт, что ее там нет, говорит опять-таки в пользу выдвигаемой мною версии. Только на основе установленных фактов мне без труда удалось воссоздать мысленный образ убийцы, который я уже набросала вам в общих чертах. Тут надо было остеречься, чтобы не впасть в такую ошибку: сначала поискать вокруг того, кто похож на этот образ, а потом уже начать выстраивать против него дело. В моем сознании запечатлен был образ, и теперь я могла сопоставлять его с любым человеком, который мог вызвать подозрение. Итак, после того как я установила, почему мистер Бендикс прибыл в клуб в столь необычно ранний него час, у меня оставал-

ся невыясненным один момент, по-видимому и не особенно важный, так как никто до сих пор не обратил на него внимания. Я имею в виду обед, который был назначен у сэра Юстаса в тот день и который потом был отменен. Я не знаю, как это стало известно мистеру Брэдли, но готова рассказать, как получила эти сведения я. Все это я выяснила у того же услужливого лакея сэра Юстаса, который раньше сообщил множество интереснейших подробностей миссис Филдер-Флемминг. Должна признаться, что тут я нахожусь в более выгодном положении, чем другие члены нашего Клуба, Я говорю о возможностях, связанных с расследованием обстоятельств личной жизни сэра Юстаса. Я не только лично знала сэра Юстаса, но и его лакея тоже. Вспомните, какую огромную информацию удалось миссис Филдер-Флемминг у него получить за деньги. И теперь представьте, сколько важных фактов могла выудить у него я, причем не только за деньги, но еще на правах старой знакомой. Во всяком случае, после недолгих вступительных переговоров лакей небрежно проговорился, что за четыре дня до известного преступления сэр Юстас велел ему позвонить в отель Феллоуза на Джермин-стрит и заказать отдельный номер для обеда как раз на тот день, в который потом было совершено убийство. Вот какой момент оставался невыясненным, и я должна была во что бы то ни стало найти ему объяснение. С кем у сэра Юстаса был назначен обед? Очевидно, что с женщиной, но с какой из них? Лакей мне в этом помочь не мог. Насколько

ему было известно, в то время у сэра Юстаса не было женщин, потому что он был слишком нацелен на мисс Уайлдмен (да простит мне сэр Чарльз), на ее руку и состояние. Может быть, это была сама мисс Уайлдмен? Но очень скоро мне удалось установить, что это была не она. Вас не удивляет, что повторяется еще одна история с обедом, который должен был состояться, но был отменен, и тоже в день убийства? Мне это самой долго не приходило в голову, но, без сомнения, это одна и та же история. И у миссис Бендикс был назначен с кем-то обед в тот день, но накануне вечером был отменен по каким-то неизвестным причинам.

– Миссис Бендикс! – задохнулась от восторга миссис Филдер-Флемминг. – Шикарный треугольник, ничего не скажешь.

Мисс Дэммерс ответила еле уловимой улыбкой.

– Да. Я не буду вас мучить, Мэйбл. Из слов сэра Чарльза я заключила, что миссис Бендикс и сэр Юстас не были друг для друга совершенно чужими людьми. В конце концов мне удалось обнаружить между ними более тесную связь. Миссис Бендикс должна была обедать с сэром Юстасом в отдельном номере отеля Феллоуза, репутация которого, я думаю, вам известна.

– Конечно чтобы пожаловаться на недостатки своего мужа? – Миссис Филдер-Флемминг выдвинула предположение, которое прозвучало почти невинно, в отличие от ее мыслей, но их она оставила при себе.

– Возможно, и для этого, помимо всего прочего, – равнодушно произнесла мисс Дэммерс, – но главным образом потому, что она была его любовницей.

На присутствующих слова мисс Дэммерс произвели впечатление разорвавшейся бомбы, хотя это было сказано так, будто речь шла всего-навсего о светло-зеленом платье из тафты, в котором миссис Бендикс явилась на обед.

– Вы можете... Вы можете доказать справедливость вашего утверждения? – спросил сэр Чарльз. Он первый оправился от шока.

Мисс Дэммерс приподняла тонкие брови, будто подобный вопрос ее удивил.

– Ну конечно. Я никогда не делаю утверждений, которые невозможно доказать. Миссис Бендикс обедала с сэром Юстасом по крайней мере дважды в неделю, а иногда они и ужинали вместе, там же, в отеле Феллоуза, постоянно в одном и том же номере. Они соблюдали большую осторожность. Всегда врозь приезжали, поодиночке проходили в номер. В отеле их вместе никто не видел. Обслуживал их один и тот же официант, и он по моей просьбе подписал свидетельство, в котором подтверждалось, что по фотографиям в газете он узнал в покойной миссис Бендикс женщину, которая приходила в отель на свидания к сэру Юстасу.

– Вы заставили его засвидетельствовать это? Да неужели? – Мистер Брэдли был поражен. – Наверное, и вам не дешево обходится такое увлечение, как сыскное дело, а, мисс

Дэммерс?

– Одно недешевое увлечение можно себе позволить, мистер Брэдли.

– А если она просто с ним обедала... – В миссис Филдер-Флемминг снова заговорило благородство. – То есть совсем не обязательно, что она была его любовницей. А вы как думаете? Но даже если и так, она в моих глазах абсолютно не проигрывает, – поспешила прибавить миссис Филдер-Флемминг, вспомнив, какое мнение о себе она старалась укрепить в обществе.

– Номер, в котором они обедали, состоит из гостиной и смежной с ней спальни, – сухо продолжала свое сообщение миссис Дэммерс. – Официант сказал мне, что всякий раз после их ухода постель была в беспорядке и было ясно, что ею пользовались. Думаю, этого достаточно, чтобы констатировать факт прелюбодеяния. Не правда ли, сэр Чарльз?

– О, без сомнения, без сомнения, – раскатистым басом отозвался сэр Чарльз. Он был крайне смущен. Сэр Чарльз всегда терялся, когда женщины при нем употребляли такие слова, как «прелюбодеяние», «сексуальные извращения» и даже «любовница». Конечно если это случалось в другое время, а не в часы, отводимые под адвокатскую практику. – Бедный сэр Чарльз был ужасно старомоден.

– Сэру Юстасу, разумеется, нечего было опасаться королевского прокурора по бракоразводным делам, – бесстрастным тоном закончила изложение фактов мисс Дэммерс.

Она отпила еще глоток воды. Остальные члены Клуба старались привыкнуть к новому освещению доверенного им дела и к неожиданным видам, которые перед ними теперь открывались.

Мисс Дэммерс продолжала речь, еще выше поднимая завесу над тайной, освещая путь к истине лучами своею психологического прожектора.

– Они являли собой весьма любопытную пару. Каждый имел свою особую шкалу ценностей; к тому, что свело их вместе, каждый относился абсолютно по-разному; и даже в порыве охватившей их страсти их существа не могли слиться в единой мысли. Хочу, чтобы вы обратили пристальное внимание именно на этот психологический момент, ибо он преимущественно и явился подоплекой убийства. Я не знаю, что побудило миссис Бендикс стать любовницей такого человека, как сэр Юстас. Избегая банальностей, я не стану утверждать, будто не знаю, как вообще такое могло случиться. Такое случается, и достаточно часто, и можно вообразить сколько угодно вариантов, как это могло произойти и в данном случае. Интересно, что хороших, но недалеких женщин всегда притягивают нехорошие мужчины. А если к тому же она одержима страстью борьбы со злом, как большинство хороших женщин, то вскоре к этому прибавляется тщетное желание спасти его от самого себя. И в семи случаях из десяти первый же шаг по пути к его спасению кончается для нее падением, и они становятся равными в грехе. Впрочем, по-

началу она не осознает своего падения, нет, ни за что. Добродетельная женщина довольно долго пребывает в заблуждении, что, как бы она ни грешила, ее собственные достоинства и красота души от этого не страдают. Принадлежа ему, эта женщина не ощущает себя замаранной; она надеется на то, что через плотскую с ним связь она облагородит его и, когда Уже возникнет душевная близость, она сможет помочь ему стать лучше, забыть дурные привычки, к примеру спать днем, а не ночью, и, что важно, греховность поведения не отражается на чистоте ее души. Нисколько. Возможно, это общее место, но я еще раз повторю: хорошая женщина невероятно склонна к самообману. Да, я действительно считаю, что миссис Бендикс была добродетельной женщиной пока не встретила сэра Юстаса. Но ее беда в том, что она себя переоценивала. О чем свидетельствуют ее постоянные разговоры о чести и порядочности, о которых уже упоминал мистер Шерингэм? Она была влюблена в свои достоинства. И разумеется, вместе с ней те же чувства разделял и сэр Юстас. Он до этого, очевидно, никогда не имел счастья близости с добродетельной женщиной. Процесс совращения (наверное, очень нелегкий) должен был разжечь его любопытство, но и позабавить немало. Он часами выслушивал про долг, и честь, и нравственную перемену, и духовность. Но он терпел, в полной уверенности, что когда-нибудь самым прекрасным образом свое возьмет. Иначе быть не может, раз он поставил себе такую цель. Первые два-три свидания в отеле

он был наверху блаженства. Но постепенно удовольствие от этих встреч стало притупляться. Миссис Бендикс почувствовала, что ее достоинства, о которых она была столь высокого мнения, оказались непрочными под напором обстоятельств. Она начала надоедать ему упреками, страшно его тяготя. Однако он продолжал с ней встречаться, сначала потому, что женщина, для таких, как он, всегда есть женщина, а уж потом она его сама не отпускала. Я вижу очень ясно, что происходит дальше. Миссис Бендикс впадает в отчаяние от сознания своей греховности и уже забывает о своем благородном желании вырвать любимого из когтей зла. Их встречи в постели продолжают, но лишь потому, что там есть кровать и глупо ею не пользоваться. Но удовольствие уже подпорчено, причем и для нее, и для него. Она плачет и кричит, что совесть ее будет утешена только в том случае, если она убежит от мужа к нему, и не откладывая, немедленно, сейчас, или расскажет мужу всю правду и сразу же попросит развода (ах, он этого никогда, никогда ей не простит), а после развода тут же, не задумываясь, выйдет замуж за сэра Юстаса. И хотя к этому времени она уже почти ненавидит его, тем не менее она упорствует в том, что отныне и до конца их судьбы должны быть связаны, и другого выбора ни у нее, ни у сэра Юстаса нет. О, как мне эта психология знакома! Естественно, для сэра Юстаса такой поворот дела неприемлем, поскольку у него в планах другое: поправить состояние, женившись на богатой. Он начинает ненавидеть себя за то, что соблазнил

эту проклятую бабу, а ее еще больше за то, что дала себя соблазнить. И чем упорнее она стоит на своем, тем сильнее он ее ненавидит. Тогда она решает поставить вопрос ребром. До нее доходят слухи о его внимании к мисс Уайлдмен. Он должен порвать с девушкой. Она говорит сэру Юстасу, что, если он не порвет с мисс Уайлдмен, она это сделает за него. Сэру Юстасу становится ясно, что их связь с миссис Бендикс может обнаружиться и что он будет вынужден фигурировать на втором бракоразводном процессе, и тогда все надежды, которые он связывает с мисс Уайлдмен и ее состоянием, рухнул навсегда. Надо что-то делать. Но что? Заткнуть рот проклятой бабе может только смерть. В конце концов ее давно пора было прикончить, не ему, так кому-то другому. Что касается дальнейших моих рассуждений, то тут я не слишком уверена, хотя предположения, на которых они строятся, имеют основания и могут быть подкреплены доказательствами. Итак, сэр Юстас решил избавиться от этой женщины раз и навсегда. Он тщательно вынашивает свой замысел, вспоминая, что читал в книжках по криминалистике о подобных случаях, но все они были раскрыты из-за какого-то глупого промаха. Подытожив опыт известных ему преступлений, просчитав вероятность любых ошибок, сэр Юстас приступил к исполнению своего плана. Он исходил из того, что об их отношениях с миссис Бендикс никому не известно (в этом он был уверен), и потому, по его раскладу, установить личность убийцы будет совершенно невозможно. И если вам по-

кажется, что в моих предположениях есть натяжка, я могу доказать, что все, что я говорю, основано на фактах. Когда я изучала сэра Юстаса, я дала ему возможность испробовать на мне все приемы обольщения, которыми он пользовался в отношениях с другими женщинами. Один из них был такой: заставить женщину поверить, что все, что интересно ей, глубоко интересует и его. Именно поэтому он проявил огромный интерес к криминалистике (тогда он был открытый, сейчас, возможно, тайный): он взял у меня несколько книг и прочел их. Среди них была книга об известных в Америке уголовных делах, связанных с отравлениями. В ней описаны все те дела, которые приводились членами нашего Клуба в качестве параллелей расследуемому нами преступлению (кроме дела Мари Лафарж и Кристины Эдмундс). Это было около шести недель тому назад. Однажды вечером, когда я вернулась домой, моя служанка сказала, что без меня заходил сэр Юстас, который давно уже не появлялся, он подождал меня недолго в гостиной и ушел. Вскоре после того как произошло убийство, пораженная сходством нашего дела с некоторыми из описанных в той книге, я подошла к своей полке с намерением освежить их в памяти. Книги на полке не оказалось. Не оказалось и моего Справочника Тэйлора. Это я для вас говорю, мистер Брэдли. И обе эти книги я увидела в шкафу в квартире сэра Юстаса в тот день, когда имела длинный разговор с его лакеем.

Мисс Дэммерс выдержала паузу, ожидая комментариев.

Мистер Брэдли воспользовался паузой.

– Негодяй должен получить по заслугам, – изрек он многозначительно.

– Я уже говорила, что не рассматриваю это убийство как плод высоко развитого интеллекта, – снова заговорила мисс Дэммерс. – Теперь я подхожу к детальному рассмотрению своей версии. Сэр Юстас решает убрать с дороги препятствие и придумывает, как это сделать самым безопасным для себя образом. В отличие от мистера Брэдли, я не придаю такого значения нитробензолу, считая, что его достать не так сложно. В качестве инструмента для убийства сэр Юстас избирает шоколадные конфеты, лучше всего с ликером. (Мейсоновские шоколадки с ликерной начинкой – любимые его конфеты, он их покупает в больших количествах, и недавно, что весьма важно для дела, он запасся несколькими коробками.) Затем он приступает к поискам яда, вкус которого мог бы незаметно смешаться со вкусом ликера в шоколадках. Наверное, он прочел в книге про масло горького миндаля, которое употребляется как примесь в кондитерских изделиях, что навело его на мысль о нитробензоле, который широко употребляют как его заменитель. И он остановился на нитробензоле, поскольку его легче достать, он дешевле, как яд – не очень известен, а потому установить, что причиной отравления был нитробензол, практически невозможно. Дальше он назначает миссис Бендикс свидание за обедом, во время которого собирается подарить ей коробку конфет, получен-

ных им в то утро в клубе по почте. Все очень просто. Тогда у него будет свидетельство швейцара, что он вполне невинно получил коробку по почте. Но в последнюю минуту он понимает, что тут что-то не сходится. Если он отдаст коробку в руки миссис Бендикс за обедом в отеле Феллоуза, то его связь с ней станет всем известна. Он лихорадочно соображает, что делать, и придумывает другой план, гораздо лучше первого. Он звонит миссис Бендикс и рассказывает ей о ее муже и Вере Делорм. Миссис Бендикс немедленно забывает о бревне в собственном глазу, что для нее очень характерно, и приходит в ярость при мысли, что ее муж оказался таким распутным. И тут же соглашается с сэром Юстасом, что его надо вывести на чистую воду. Сэр Юстас советует ей позвонить мужу от лица Веры Делорм (конечно изменив голос) и самой проверить, как он откликнется на предложение дамы пообедать в интимной обстановке, например завтра. «И скажи, что позвонишь ему в „Радугу“ завтра утром между десятью тридцатью и одиннадцатью, – небрежно прибавляет сэр Юстас. – Если он побежит в „Радугу“, значит, он готов плясать вокруг ее юбки с утра до ночи». Она поступает, как он ей говорит. Так сэр Юстас устраивает, чтобы Бендикс появился в клубе на следующее утро в половине одиннадцатого. Кто может потом утверждать, что, когда сэр Юстас громогласно бранился, разглядывая содержимое пакета, Бендикс очутился там не по чистой случайности? Что касается пари, из-за которого шоколадки попали к миссис Бендикс, то я не ду-

маю, что в этом случае сама удача плыла в руки сэру Юстасу. В это трудно поверить. Уверена, что, скорее всего, он как-то заранее пари подстроил. Но это всего лишь моя догадка. И не думайте, что я стараюсь обелить миссис Бендикс. Если мое предположение соответствует действительности, то факт этот не противоречит моему первоначальному утверждению, что миссис Бендикс вовсе не была такой честной и порядочной, какой хотела казаться, потому что, было пари подстроено сэром Юстасом или нет, сам факт, что человек держит пари, заранее зная на него ответ, говорит о том, что этот человек нечестный. И в заключение, уж коли повелось у нас сослаться на параллели с другими делами, я хочу напомнить вам дело Джона Тейвелла, который впрыснул цианистый калий в бутылку с пивом и угостил им свою любовницу Сару Харт, когда она ему надоела.

Клуб смотрел на нее с восхищением. Вот когда они наконец добрались до самых потаенных глубин доверенного им дела.

Сэр Чарльз решил высказать чувства, которые вместе с ним разделяли все члены Клуба.

– Если у вас к тому же имеются веские доказательства, мисс Дэммерс... Он имел в виду, что в таком случае Можно было бы считать, что веревка уже почти обвилась вокруг толстой красной шеи сэра Юстаса.

– Вы хотите сказать, что для представителя закона приведенных мною доказательств недостаточно? – спросила мисс

Дэммерс, сохраняя полное спокойствие.

– Пси... Психологические выкладки обычно в глазах закона веса не имеют, – сэр Чарльз все свалил на закон.

– Но мне удалось установить, как сэр Юстас добыл мейсоновский бланк, – возразила мисс Дэммерс.

– Боюсь, что этого недостаточно для доказательства вины сэра Юстаса, – сэр Чарльз, очевидно, демонстрировал неискушенность в психологии тех, кто будет слушать дело.

– Я обосновала серьезнейший мотив, и мне удалось выявить связь между сэром Юстасом и книжкой с описанием аналогичных уголовных дел и со справочником ядов.

– Да, это так, все верно. Но я вот что имею в виду: нет ли у вас точных фактов, удостоверяющих, что сэр Юстас имеет прямое отношение к письму, шоколадкам или пакету, в котором они были доставлены?

– Он пользуется ониксовской ручкой, у него в библиотеке есть чернильница с хартфилдскими чернилами, – сказала мисс Дэммерс с улыбкой. – Уверена, что до сих пор ничего в этом смысле там не изменилось. Весь вечер накануне убийства он должен был провести в «Радуге», но я выяснила, что он отсутствовал целых полчаса, между девятью и девятью тридцатью, и никто в этом промежутке времени его не видел. В девять часов он вышел из столовой, а в девять тридцать официант принес ему в гостиную виски с содовой. Где он был это время, никто не знает. В гостиной его не было. Так где же он был? Швейцар говорит, что он не видел,

как сэр Юстас выходил, но и как входил обратно, тоже не видел. Однако в клубе есть запасной ход, которым сэр Юстас мог воспользоваться, чтобы не быть замеченным, и он, конечно, так и сделал. Я сама его спросила об этом, и он сказал, что после ужина он поднялся в библиотеку посмотреть в справочнике кое-что про охоту на крупную дичь. Мог ли он вспомнить, кто, кроме него, был еще в библиотеке? Он сказал, что, кроме него, никого больше в библиотеке не было; за все время, что он является членом клуба, он ни разу в библиотеке никого не видел. Я поблагодарила и положила трубку. Иными словами, он сказал, что был в библиотеке, потому что знает, что там никого быть не могло, а следовательно, никто из членов «Радуги» не сможет засвидетельствовать, что его там не было. На самом деле вот что он делал в эти полчаса: выскользнул из клуба через запасной ход, поспешил в Стрэнд на почту (в точности, как рассказывает мистер Шерингэм, только о мистере Бендиксе), вернулся, проскользнул в библиотеку, удостоверился, что там по-прежнему никого нет, спустился в гостиную и заказал виски с содовой чтобы тем подтвердить свое присутствие в клубе. Поэтому, это более правдоподобно, чем ваша версия с мистером Бендиксом, не правда ли, мистер Шерингэм?

– Признаюсь, не менее правдоподобная, – вынужден был согласиться Роджер.

– Ну неужели у вас совсем нет серьезных доказательств? – взмолился сэр Чарльз. – Ничего такого, что могло бы потря-

сти следствие?

– Да, есть, – спокойно произнесла мисс Дэммерс. – Я придерживала одну ценную улику до конца, потому что хотела доказать свою версию (что, по-моему, мне удалось) и без нее. Но она последняя. Я прошу всех взглянуть на это.

Мисс Дэммерс извлекла из сумочки конверт из коричневой бумаги. Вскрыв его, она достала фотографию и листок бумаги размером в четверть листа, который выглядел как напечатанное на машинке письмо.

– Фотографию я получила у старшего инспектора Морсби, – объяснила она. – Я не говорила, с какой целью она мне понадобилась. Это копия того фальшивого письма в настоящую величину. Мне хотелось бы, чтобы каждый сравнил ее с этой копией. Мистер Шерингэм, вам не трудно взглянуть на них, а затем передать остальным? Особо обратите внимание на искривленную букву «т» и усеченную заглавную «Н».

В мертвой тишине Роджер склонился над обеими копиями. Он разглядывал их целых две минуты, которые остальным показались двумя часами. Затем он передал их сэру Чарльзу, который сидел от него по правую руку.

– Нет никаких сомнений в том, что оба письма были напечатаны на одной и той же машинке, – произнес Роджер очень значительно.

Мисс Дэммерс, как всегда, сохраняла полную невозмутимость. Ее голос звучал ровно, без эмоций, как будто речь шла о двух лоскутах, которые очень подходили друг другу по ри-

сунку. И уж никак нельзя было вообразить, что ее слова, произнесенные ровным, мелодичным голосом, выносятся! – человеку смертный приговор через повешение.

– Пишущую машинку вы в любой момент найдете в квартире сэра Юстаса, – сказала она. Даже мистер Брэдли был потрясен.

– Я тогда правильно сказал, что негодяй должен получить по заслугам, – произнес он, изображая равнодушие и даже попытался зевнуть. – Ужас что за кретин.

Сэр Чарльз пустил по кругу изобличающие преступника копии.

– Мисс Дэммерс, – произнес он внушительно, – вы оказали огромную услугу обществу. Позвольте вас поздравить.

– Благодарю вас, сэр Чарльз, – ответила мисс Дэммерс своим обычным безучастным тоном. – Идея принадлежит мистеру Шерингэму.

– Мистер Шерингэм, – пробасил сэр Чарльз, – знал, что делал.

Роджер, который надеялся прославиться как человек, самостоятельно раскрывший сложное преступление, криво улыбнулся.

Миссис Филдер-Флемминг поправила дело.

– Мы вошли в историю, – заговорила она с торжественностью, вполне подобающей случаю. – В то время как все силы национальной полиции отказались вести дело, простая женщина разгадала тайну страшного злодейства. Алисия, сего-

дня праздник не только для тебя и не только для всех нас, членов Клуба, это праздник всех женщин, День Женщины!

– Спасибо, Мейбл, – отозвалась мисс Дэммерс. – Как это мило с твоей стороны.

Улики обошли по кругу весь стол, медленно переходя из рук в руки, и вернулись к мисс Дэммерс.

Она передала их Роджеру.

– Мистер Шерингэм, мне кажется, что будет лучше, если этим займетесь вы. Как президенту я все доверяю вам. Теперь вы знаете столько же, сколько я. Как вы понимаете, с моей стороны было бы абсолютно неуместно самой ставить в известность полицию об исходе нашего дела. Более того, я бы пожелала, чтобы мое имя никак не упоминалось в связи с ним.

Роджер тер рукой подбородок.

– Думаю, что можно и так. Я просто отдам эти вещи Морсби с сопроводительной запиской, в которой будет указано, где можно обнаружить пишущую машинку, и пусть Скотленд-Ярд завершит процедуру. Улики плюс мотив, свидетельские показания официанта в отеле Феллоуза – вот что надо довести до сведения Морсби, и, пожалуй, у полиции все это должно вызвать интерес. Хм! Кажется, мне придется сегодня повидаться с Морсби. Вы не составите мне компанию сэр Чарльз? Так будем внушительней.

– Конечно, конечно, – с готовностью согласился сэр Чарльз.

Дело было нешуточное, и никто не шутил, ощущая ответственность момента.

– Мне кажется... – робким голосом вмешался, нарушая торжественность события, мистер Читтервик. – Вам не кажется, что можно было бы отложить ваш визит на двадцать четыре часа? Мне надо...

Роджер просто-таки замер от удивления.

– Но почему?

– Видите ли, – мистер Читтервик очень старался перебороть свою застенчивость, – дело-то в том, что я еще не выступал... Мне кажется, мне надо...

Пять пар глаз уставились на него с изумлением. Мистер Читтервик залился краской.

– Да, конечно. Нет, конечно, – Роджеру хотелось сохранить весь свой такт. – А что, вы хотите... Хотите, разумеется, выступить?

– У меня есть версия, – потупился мистер Читтервик. – Я... Мне совсем не хочется выступать, нет. Но у меня есть версия.

– Да-да, – сказал Роджер и беспомощно посмотрел на сэра Чарльза.

Сэр Чарльз поспешил ему на помощь.

– Я уверен, что мы все с величайшим интересом готовы выслушать версию мистера Читтервика, – произнес он мягко. – С величайшим интересом. Так почему бы не сделать это сейчас, мистер Читтервик?

– Она не совсем закончена, – сказал мистер Читтервик печально, но все же настаивая на своем. – Мне нужно еще двадцать четыре часа, чтобы кое-что прояснить.

Сэра Чарльза вдруг осенило.

– Да-да, конечно. Мы завтра встретимся и выслушаем версию мистера Читтервика. А пока мы с мистером Шерингэмом отправимся в Скотленд-Ярд и...

– Я бы попросил вас этого не делать. – совсем робко пролепетал мистер Читтервик. – Пожалуйста, не надо.

Роджер опять беспомощно взглянул на сэра Чарльза.

Сэр Чарльз ответил таким же беспомощным взглядом.

– Ну что же, я думаю, двадцать четыре часа вряд ли что-нибудь изменят, – неохотно согласился Роджер. – Еще один день – небольшая разница.

– Не очень большая разница, в самом деле, – свое мистер Читтервик.

– Нет, конечно, не очень большая, что и говорить, – повторил вслед за ним сэр Чарльз, откровенно озадаченный.

– Значит, вы даете мне слово, господин президент? – упорствовал мистер Читтервик уже совсем упавшим голосом.

– Да, если вам угодно это так называть, – с холодком в голосе ответил Роджер.

Расходились в полном недоумении.

Глава 17

Это заметили все: мистеру Читтервику, как он и говорил, выступать не хотелось. Он искательно заглядывал в лица членов Клуба, ища сочувствия, но не находил его. Их лица были суровы. Мистер Читтервик – глупая старая баба, говорили их лица. Мистер Читтервик нервно прочистил горло и приступил:

– Господин президент, леди и джентльмены, я вполне понимаю, что сейчас у вас на душе, но у меня есть оправдание, которое заключается в том, что, как бы убедительно ни звучала талантливая версия, предложенная нам мисс Дэммерс, и какими бы бесспорными ни казались ее доказательства, мы уже заслушали такое множество вполне убедительных версий таинственного убийства, в подтверждение которых было выдвинуто так много на первый взгляд бесспорных доказательств, что я, поразмыслив, не мог не ощутить, что даже версия мисс Дэммерс не так уж непогрешима.

Мистер Читтервик преодолел первый барьер и остановился, растерянно мигая глазками, сиюсь вспомнить следующую, уже приготовленную фразу. Так и не вспомнив ее, он продолжал:

– Поскольку не кому иному, как мне, выпала почетная и ответственная задача выступать последним, я прошу не счесть за дерзость с моей стороны некоторую вольность, ко-

торуую я себе позволил, а именно – суммировать выводы, которые излагали выступавшие здесь ораторы, выводы, столь разнообразные, даже противоположные как с точки зрения методов расследования, так и с точки зрения полученных результатов. Но чтобы не топтаться на месте, понапрасну теряя время, я тут набросал небольшую схемку, из которой будет яснее видно, в чем противоречат друг другу версии, расходятся параллели и исключают друг друга предполагаемые преступники. Будьте любезны, не почтите за труд передать мою схемку по кругу.

Мистер Читтервик крайне нерешительно достал схему, плод неусыпного труда и больших раздумий, и предложил ее мистеру Брэдли, который сидел справа от него. Мистер Брэдли благосклонно ее принял и даже, проявляя еще большую благосклонность, положил на стол между собою и мисс Дэммерс, начав внимательно ее изучать. Мистер Читтервик ответил ему на это простодушной, благодарной улыбкой.

– Вы заметили, – сказал мистер Читтервик чуть увереннее, чем раньше, – что, по сути дела, выступавшие не пересекались друг с другом во мнениях ни в одном из наиболее важных пунктов. Расхождение точек зрения поразительно. И, несмотря на это, каждый докладчик был твердо убежден в том, что именно его или ее решение окончательно и верно. Эта схемка лучше любых слов показывает не только то, что перед нами чрезвычайно открытое дело, как сказал бы мистер Брэдли, но она иллюстрирует также еще одну его

мысль – о том, как легко и просто обосновать любую версию, преднамеренно или путем случайных умозаключений. Возможно, для мисс Дэммерс, – предположил мистер Читтервик, – моя схема представит особый интерес. Я не изучал психологии, но даже и меня удивило, насколько то или иное решение отражает, позволю себе сказать, особое направление мысли и характер докладчика. Возьмем, например, сэра Чарльза. Его профессиональный опыт привычно опирается на доказательства материального свойства, и я надеюсь, что не обижу его, если скажу, что в нашем деле он подходил к проблеме, задаваясь вопросом: *qui propter* – кому выгодно? Потому такая вещественная улика, как бланк фирмы «Мейсон», явилась краеугольным камнем его версии. Мисс Дэммерс, напротив, рассматривает дело исключительно с психологической точки зрения, положив в основу своей версии характер преступника, который сам по себе логически выявляется в процессе расследования. Между этими полюсами другие члены Клуба в той или иной степени пользовались обоими методами, то есть исходя из вещественных доказательств или основываясь на психологическом портрете преступника. Но и тут метод построения версии, исходя из уже обозначенного подозреваемого, в каждом отдельном случае был абсолютно индивидуален. Одни из нас целиком полагались на индуктивный метод, другие почти исключительно на дедуктивный; кое-кто, например мистер Шерингэм, сочетал и тот и другой. Короче говоря, задача, которую поставил пе-

ред нами господин президент, послужила для нас поучительным уроком сочетания различных методов расследования.

Мистер Читтервик прокашлялся, нервно улыбнулся и продолжал:

– Есть еще одна схемка, которую я мог бы нарисовать и которая была бы не менее доказательна, чем первая. На ней я бы зафиксировал, сколько противоположных выводов члены Клуба извлекают из неоспоримых фактов, имеющих отношение к нашему делу. Такая схема вызвала бы наибольший интерес у мистера Брэдли как у автора детективных романов. Потому что я часто замечал, – мистер Читтервик как бы просил извинения у всех пишущих в детективном жанре за свою критику в их адрес, – что в их книгах повествователи зачастую исходят из того, что из одного факта проистекает один-единственный вывод, он же единственно верный. Никто, кроме сыщика, любимца автора, не способен извлекать выводов (это в тех книгах, где сыщик вообще способен думать, а таких книг, увы, очень мало). Причем заметьте, что вывод любимого сыщика неизменно верен и неоспорим. Мисс Дэммерс как раз об этом и говорила на днях, когда приводила пример с двумя пузырьками чернил. Вследствие всех этих наблюдений я получил картину, которую хотел бы продемонстрировать на примере такой вещественной улики, как бланк фирмы «Мейсон». Перечислю выводы, которые были сделаны на основании одной этой улики:

- 1. Преступник – служащий или бывший служащий фирмы «Мейсон и сыновья».*
- 2. Преступник – клиент фирмы «Мейсон и сыновья».*
- 3. Преступник работает в типографии или имеет доступ к типографскому станку.*
- 4. Преступник – адвокат, который вел дело на стороне фирмы «Мейсон и сыновья».*
- 5. Преступник – родственник бывшего служащего фирмы «Мейсон и сыновья».*
- 6. Преступник – клиент типографии Вэбстера.*

Конечно, выводов, извлеченных из одной этой улики, просто из листка бумаги, фирменного бланка, было огромное количество, например, что случайное владение им могло подсказать метод убийства, но я называю только те, которые непосредственно вели к установлению личности преступника. Их всего шесть, и, как вы видите, они все противоречат друг другу.

– Я напишу для вас книгу, мистер Читтервик, – пообещал мистер Брэдли, – в которой сыщик сумеет извлечь не шесть противоречивых выводов из каждого факта. В конце он арестует семьдесят два человека, предъявив им обвинение в убийстве, а затем покончит жизнь самоубийством, потому что придет к выводу, что убийство совершил он сам. Я посвящу книгу вам, мистер Читтервик.

– Пожалуйста, сделайте одолжение, – просиял мистер

Читтервик, – потому что это как раз то, что мы имеем в нашем деле. Я коснулся только такой улики, как бланк. Но ведь еще есть яд, пишущая машинка, почтовая марка, точная доза нитробензола и много, много других фактов. Из каждой из этих улик было извлечено не меньше полудюжины разнообразных выводов. Фактически, – суммировал мистер Читтервик, – мы получили такую картину: каждый из членов Клуба расследовал свое дело, полностью отличающееся от других, со своей отдельной версией, своими выводами и заключениями, абсолютно не совпадающими с выводами и заключениями остальных.

– Я подумал и решил, – произнес мистер Брэдли, – что в дальнейшем мои сыщики вообще не будут утруждать себя, извлекая какие-то выводы. Так, пожалуй, будет легче для меня.

– На этом я закончу свои замечания по поводу выслушанных нами версий дела, – продолжал мистер Читтервик, – за которые, я надеюсь, члены Клуба меня простят, и поспешу перейти к объяснению, по какой причине я так настойчиво вчера вечером просил мистера Шерингэма отложить визит в Скотленд-Ярд.

На лицах безмолвно внимающих пяти членов Клуба читалось, что пора наконец переходить к делу.

Мистер Читтервик, по всей видимости, уловил настроенные аудитории, потому что речь его стала торопливей.

– Прежде всего я хочу вкратце остановиться на деле про-

тив сэра Юстаса Пеннфазера, которое вчера вечером нам изложила мисс Дэммерс. Ничуть не посягая на достоинства ее версии, я должен тем не менее заметить следующее: обоснование вины сэра Юстаса, как мне показалось, зависело от двух моментов. Во-первых, по мнению мисс Дэммерс, человек его наклонностей определенно должен быть, ко всему прочему, и убийцей. Во-вторых, что он имел связь с миссис Бендикс, и естественно было бы предположить, что у него была своя причина от нее избавиться, если (но только – если), вот именно, если мисс Дэммерс была точно осведомлена о том, как развивались их отношения в последнее время.

– Да, но как же быть с пишущей машинкой, мистер Читтервик? – вскричала миссис Филдер-Флемминг, которая всегда была за женщин.

Мистер Читтервик вздрогнул, но продолжал:

– Ах да, пишущая машинка. Об этом дальше. Но прежде я бы хотел отметить еще два момента. Мисс Дэммерс выдвигала, помимо психологических доводов, две серьезные вещественные улики против сэра Юстаса, в которых она желала нас убедить. Я не вижу ничего особенного в том, что сэр Юстас имел привычку покупать мейсоновские шоколадки для своих... своих подруг. Если подозревать всех, кто имеет обыкновение покупать шоколадки с ликером фирмы «Мейсон», то тогда под подозрением окажется половина населения Лондона. И уж конечно, даже такой неталантливый убийца, каким нам представляется сэр Юстас, осторожности

ради избрал бы любой другой способ отравления, кроме своих излюбленных шоколадок, которые могли бы навести на мысль о нем как о преступнике. Кроме того, осмелюсь сказать, что сэр Юстас отнюдь не такой уж глупец, каким, возможно, его считает мисс Дэммерс. Второй момент: девушка в типографии Вэбстера узнала сэра Юстаса на фотографии и, более того, назвала его имя. И это, по моему мнению, да простит мне мисс Дэммерс, не представляется мне значительным фактом для доказательства его вины, как бы ни пыталась нам это внушить мисс Дэммерс. Я установил доподлинно, – произнес мистер Читтервик не без внутренней гордости (и он неплохо поработал, совсем как настоящий сыщик), – что сэр Юстас регулярно заказывает гербовую бумагу в типографии Вэбстера, причем на протяжении многих, многих лет. Месяц тому назад он там был и заказал очередную пачку гербовой бумага для своих собственных нужд. Было бы удивительно, если бы девушка, которая принимает заказы, не узнала его, особенно имея в виду, что он человек титулованный. Так что, если девушка знает, кто он такой, ничего в этом особенного нет, – сказал мистер Читтервик твердо и убежденно. – И поскольку во многих случаях, увы, нет оснований считать алиби подозреваемого неудачным, то, следовательно, в распоряжении мисс Дэммерс в качестве изобличающих фактов остаются: пишущая машинка и, наверное, книги по криминалистике. Не хочу быть несправедливым в своих суждениях, – мистер Читтервик старался соблюдать

такт, – но, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что дело мисс Дэммерс против сэра Юстаса целиком и полностью основано на единственном факте, свидетельствующем против сэра Юстаса, – на его пишущей машинке.

Мистер Читтервик остановился и оглядел присутствующих, ожидая возражений.

Возражение тут же последовало.

– Но вы не можете с этим не считаться! – раздраженно воскликнула миссис Филдер-Флемминг. Мистер Читтервик обиделся.

– Не считаться? Уместно ли в данном случае это выражение? Дело ведь не в том, что я ради собственной забавы пытаюсь злонамеренно отыскать слабые места в версии мисс Дэммерс. Поверьте, это не так, и, пожалуйста, поймите меня. Я движим желанием найти истинного преступника, замешанного в нашем деле. И именно принимая во внимание конечную цель, я бы хотел предложить иное обоснование такого изобличающего преступника факта, как принадлежащую подозреваемому пишущую машинку. Этим обоснованием я смогу полностью снять всякое подозрение с сэра Юстаса.

Мистер Читтервик совсем приуныл, угадывая в нападках миссис Филдер-Флемминг намек на то, что он понапрасну тратит драгоценное время членов Клуба. Роджер решил приободрить его.

– Правда, сможете? – озабоченно произнес он тем тоном, каким мать спрашивает у дочери, сможет ли она сама подоить

корову, ведь это корова, с ней шутки плохи. – Очень любопытно, мистер Читтервик. И как же вы это обоснуете?

Мистер Читтервик, чуткий на ласку, весь засиял от гордости.

– Господи! Да неужели вы сами не понимаете? Никто, никто не понимает?

Похоже было, что ни один не понимает.

– А ведь у меня с самого начала мелькнула догадка, что возможен такой поворот, – в радостном возбуждении лепетал мистер Читтервик. – Ну и ну!

Он поправил очки и с лучезарной улыбкой оглядел членов Клуба. Круглое его личико светилось от счастья.

– Ну так где же ваше обоснование, мистер Читтервик? – не выдержала наконец мисс Дэммерс, когда уже всем стало казаться, что мистер Читтервик со своей сияющей миной замолк надолго.

– Ах! Ах да, конечно. Ну как же, мисс Дэммерс, обоснование это, попросту говоря, в том состоит, что вы были не правы в оценке умственных способностей преступника, а прав был мистер Шерингэм, утверждая, что за преступлением кроется человек редкого и тонкого ума (боюсь, что попытки мисс Дэммерс доказать обратное к нашему делу не имеют никакого отношения). В том-то и заключается тонкость ума преступника, что изобличающие его факты были выстроены им таким образом, что под подозрением оказался не кто иной, как сэр Юстас. И еще: доказательства, осно-

ванные на таких уликах, как пишущая машинка и книги по криминалистике, были, употребляя уместный термин, подтасованы.

И лицо мистера Читтервика опять озарила улыбка.

Все как по команде выпрямились, так и застыв в своих креслах. В этот момент их чувства к мистеру Читтервику резко изменились. Да, он знает, что говорит. Не зря он вчера вечером (а нам-то казалось, что совсем некстати) так настаивал на своей просьбе.

Мистер Брэдли даже привстал и, позабыв, что ему положено говорить свысока, восхищенно сказал:

– Черт подери, здорово, Читтервик! А подкрепить доказательствами можете?

– Да, думаю, что могу, – сказал мистер Читтервик, купаясь в лучах снизошедшей на него славы.

– Остается вам только сказать, кто преступник, – предложил Роджер с улыбкой.

Мистер Читтервик улыбнулся ему в ответ.

– О, я знаю, кто преступник.

– Что?! – вскричали хором пять голосов.

– Ну конечно знаю, – скромно потупился мистер Читтервик. – Практически вы сами подсказали мне, кто это. Мне было гораздо легче, чем вам, потому что по жребию я выступал последним. На мою долю осталось только отделить истину от вымысла в каждой прослушанной нами версии и получить последнюю истину.

Все члены Клуба с удивлением воззрились на мистера Читтервика, недоумевая, каким это образом они подсказали ему истину, от которой сами были так далеки.

На лице мистера Читтервика установилось выражение глубокой задумчивости.

– Вот теперь, наверное, я могу сознаться вам, в каком я был смятении, когда наш президент впервые выдвинул идею о расследовании этого преступления. До того времени у меня абсолютно не было никакой практики сыскной работы, я совершенно не знал, с чего начинать, а строить версию я совсем не умел. Я просто не знал, за что зацепиться. Неделя прошла, а я не продвинулся ни на шаг, топчась на том самом месте, откуда начинал. Помните тот вечер, когда говорил сэр Чарльз? Он совершенно меня убедил. На следующем собрании выступала миссис Филдер-Флемминг. И снова какое-то время я пребывал в убеждении, что она права. Мистеру Брэдли так и не удалось окончательно убедить меня в том, что он сам совершил преступление, но если бы вместо себя он назвал кого-то другого, я б и ему поверил. Однако мне показалась правильной его мысль, предполагающая, что убийство совершила брошенная любовница сэра Юстаса, – осмелев, продолжал мистер Читтервик. – Тут мистеру Брэдли удалось меня убедить. И пожалуй, это было самое важное, что я для себя извлек из всего сказанного мистером Брэдли по поводу того, что убийство было делом рук... гм... бывшей любовницы сэра Юстаса. Но уже на следующем заседании мистер

Шерингэм также убедительно доказал мне, что убийцей является мистер Бендикс, и это точно и определенно. И только вчера вечером, во время доклада мисс Дэммерс, я начал прозревать, додумавшись наконец, как на самом деле развивались события.

– Значит, я единственный человек, которому не удалось вас ни в чем убедить, мистер Читтервик? – улыбнулась ему мисс Дэммерс.

– К сожалению, – виновато ответил мистер Читтервик, – вы правы, это действительно так. – Он помолчал. – Поразительно, просто поразительно, как близки вы все были к истине, к отгадке тайны. Каждый из вас внес свою лепту: один установил какой-то очень значительный для дела факт, другой сделал верные и важные для дела выводы. К счастью, когда я понял, что окончательные решения у всех будут разные, каждый вечер, возвратясь домой, я стал делать подробные записи, в которых подводил итоги всему, что было сказано в тот вечер, а затем сравнивал с предыдущими записями и выводил свое резюме. Таким образом, я получил в письменном виде результаты работы высоких умов, до которых мне, конечно, рукой не достать.

– Перестаньте, – буркнул мистер Брэдли.

– Вчера вечером я долго не ложился спать, допоздна размышляя над моими записями, пытаюсь отгадать, где истина, а где обман. Не знаю, будет ли вам интересно выслушать мои соображения по этому поводу? – Мистер Читтервик искрен-

не сомневался в себе.

Все дружно заверили мистера Читтервика, что будут несказанно ему благодарны, если он прояснит, где, в каких точках каждый из них неожиданно для себя наткнулся на истину.

Глава 18

Мистер Читтервик углубился в свои бумажки. Казалось, он собою недоволен.

– Сэр Чарльз, – начал он. – Э-э-э... Сэр Чарльз.

Со всем тщанием старался он отыскать хоть что-то, в чем сэр Чарльз хоть на вершок приблизился к истине, – добрая душа, он так не хотел обижать сэра Чарльза. И вдруг лицо его просияло:

– Ну вот, пожалуйста. Сэр Чарльз был первый, кто на бланке фирмы под текстом фальшивого письма обнаружил следы стертого ластиком первоначального текста, бесценный факт... весьма полезный для нас. И еще: он был совершенно прав, когда сказал, что побудительным мотивом во всей этой трагедии был надвигающийся развод сэра Юстаса. Хотя, к сожалению, – вынужден был добавить мистер Читтервик, – вывод, который он сделал из этого факта, неверный. Он правильно говорил, что преступник, замысливший столь хитроумный план, должен обязательно обеспечить неопровержимое алиби, и что такое алиби есть, и потребуются немало сил и умения, чтобы его опровергнуть. Но он имел в виду леди Пеннфазер, а это была не она. Миссис Филдер-Флемминг, – продолжал мистер Читтервик, – совершенно была права, настаивая, что убийство было дело рук человека, сведущего в криминалистике. Это очень веское соображение,

и я счастлив, – опять физиономия мистера Читтервика просияла, – заверить ее, что она абсолютно права. Миссис Филдер-Флемминг высказала еще одну весьма важную мысль, важную и для понимания всей трагедии, и для собственной ее версии, а именно, что сэр Юстас вовсе не был влюблен в мисс Уайлдмен, но собирался жениться на ней ради денег. Будь это не так, – мистер Читтервик скорбно покачал головой, – я очень и очень боюсь, что вместо миссис Бендикс жертвой могла бы оказаться мисс Уайлдмен.

– Боже правый! – вырвалось у сэра Чарльза, и то, что сэр Чарльз так воспринял эту обрушившуюся на него новость, не сомневаясь и не оспаривая ее, было знаком особого доверия королевского адвоката к мистеру Читтервику.

– Вот вам и все решение, – шепнул мистер Брэдли миссис Филдер-Флемминг. – Все-таки брошенная любовница.

Мистер Читтервик повернулся к нему:

– А что касается вас, мистер Брэдли, просто невероятно, как близки вы были к отгадке, – на лице мистера Читтервика изобразилось полное изумление. – Даже в первой версии против самого себя вы умудрились сделать целый ряд абсолютно правильных умозаключений. Например, ваша мысль, касающаяся нитробензола, и предположение, что у преступника золотые руки и он по природе своей дотошно аккуратен, и что склад ума у него творческий, и даже то, что у него должен иметься Справочник Тэйлора, который стоит на виду на книжной полке, хотя поначалу этот пункт казался

мне слишком уж надуманным. Далее, если не считать того, что четвертый пункт может быть принят лишь с оговоркой и звучать так: «преступник должен был тайком заполучить бланк фирмы „Мейсон“, все двенадцать условий были вполне обоснованы, кроме шестого, которое не требует алиби, а также седьмого и восьмого, касающихся ониксовской пишущей ручки и хартфилдских чернил. Мистер Шерингэм был совершенно прав, когда заметил, что преступник мог незаметно позаимствовать ручку и чернила у случайного лица, что, кстати, и произошло, только – с пишущей машинкой. Ну, а что до вашей второй версии – тут и говорить нечего! – мистеру Читтервику просто не хватало слов выразить свое восхищение. – Каждый пункт – это прямое попадание в цель. Вы отгадали, что преступление – дело женских рук, вы точно определили, что мотивом преступления была ревность или ущемленное женское самолюбие, и вы тоже обосновали свою версию на допущении, что преступник должен быть осведомлен в криминалистике. Все это говорит о вашей необыкновенной проницательности.

– По сути дела, – произнес мистер Брэдли, стараясь не подавать вида, насколько он польщен, – я приложил все усилия, чтобы распутать преступление, но убийцу не обнаружил.

– Это верно, но все же... – воспротивился мистер Читтервик, желая, видимо, внушить мистеру Брэдли, что поймать убийцу – дело десятое, основная же заслуга Брэдли в необыкновенной его проницательности. – Далее мы перехо-

дим к версии мистера Шерингэма.

– Не надо! – взмолился Роджер. – Давайте ее пропустим.

– Почему же? В каждой трактовке был очень важный смысл, – вполне серьезно заверил его мистер Читтервик. – Дело высветилось совершенно по-новому, когда вы сделали вывод, что убитая оказалась жертвой не по ошибке, а была той, которую преступник и намеревался убить.

– Если я и обмишурился, то в компании совсем недурной, – довольно плоско пошутил Роджер и со значением взглянул на мисс Дэммерс.

– Но вы вовсе не обмишурились, – уточнил опять мистер Читтервик.

– Нет? – удивился Роджер. – Так в самом деле умереть должна была миссис Бендикс?

Мистер Читтервик смущенно взглянул на него.

– Разве я только что этого не сказал? Наверное, я слишком путанно выражаю свои мысли. Действительно, преступление отчасти было задумано против миссис Бендикс. Но, как мне кажется, главным образом, оно было направлено против сэра Юстаса и миссис Бендикс одновременно. Вы были совсем близки к истине, мистер Шерингэм, но ваша ошибка в том, что вы подменили ревнивую соперницу ревнивым супругом. Поверьте, вы действительно оказались совсем рядом с истиной. И несомненно, вы были правы, когда говорили, что методика преступления продиктована вовсе не тем, что у преступницы случайно оказался бланк шоколадной фирмы, или

какими-то другими случайностями вроде этой, а была взята преступницей из литературы, содержащей описание известных криминалистике дел.

– Рад, что хоть в чем-то я был почти прав, – пробормотал Роджер.

– И мисс Дэммерс, – легкий поклон в ее сторону, – мне очень помогла. Очень.

– Однако не убедила, – подхватив его мысль, сухо закончила мисс Дэммерс.

– Да, во многом не смогли убедить, к сожалению, – согласился мистер Читтервик, извиняясь как будто. – Однако именно версия мисс Дэммерс и привела меня к разгадке тайны. Ибо она в свою очередь осветила дело с неожиданной стороны. Я имею в виду... гм... связь сэра Юстаса с миссис Бендикс, что и послужило, – опять легкий поклон в сторону мисс Дэммерс, – краеугольным камнем всей этой истории.

– Иначе и быть не могло, – сказала мисс Дэммерс. – И все же, я убеждена, мои выводы неопровержимы.

– Вы не будете возражать, если я изложу сейчас свои окончательные соображения? – нерешительно осведомился мистер Читтервик. Ему так и не удавалось что-то перебороть в себе.

Мисс Дэммерс согласилась, но без особого удовольствия. Мистер Читтервик наконец набрался решимости.

– Да-да, мисс Дэммерс оказалась совершенно права еще в одном – и это очень важно. Я имею в виду ее допущение,

что поводом для преступления была не столько связь сэра Юстаса с миссис Бендикс сама по себе, сколько характер самой миссис Бендикс. Он-то и стал причиной ее гибели. В моем представлении мисс Дэммерс абсолютно правильно проследила развитие интриги, и ее воображение не обманывало ее, когда она постаралась вникнуть в реакции миссис Бендикс. Кажется, для данной ситуации это уместное слово? – робко осведомился мистер Читтервик у мисс Дэммерс, ища поддержки у авторитета. – В этом мисс Дэммерс была права, но, мне кажется, ее вывод о том, что сэр Юстас стал тяготиться этой связью, заблуждение. Сэр Юстас скорее был готов разделить с миссис Бендикс ее душевные муки, ибо суть как раз в том (а это, видимо, ускользнуло от внимания мисс Дэммерс), суть-то в том, что сэр Юстас был очень сильно увлечен миссис Бендикс. Гораздо сильнее, чем она им. Что и явилось решающим фактором трагедии.

Члены Клуба приняли к сведению этот решающий фактор. Все это время они слушали его, напряженно ожидая развязки. Вряд ли хоть кто-то думал всерьез, что мистер Читтервик способен найти разгадку, и акции мисс Дэммерс были еще вполне высоки. И все-таки было ощущение, что этот маленький человечек может предложить что-то неожиданное.

– Мисс Дэммерс, – снова заговорил объект их сосредоточенного внимания, – была права и в другом своем утверждении, а именно: что идея убийства, точнее, методика его, несомненно была почерпнута из источника, в котором изла-

гаются уголовные дела, связанные с отравлениями. На этот источник ссылалась сама мисс Дэммерс, и из ее слов следовало, что собственный ее экземпляр в настоящий момент находится дома у сэра Юстаса Пеннфазера, куда он был подброшен, – проговорил мистер Читтервик с неподдельным ужасом в голосе, – убийцей. И еще один ценный факт был ею установлен. В то утро мистера Бендикса заманили (простите, но не могу подобрать другого слова) в клуб „Радуга“. Однако за день до этого ему звонила вовсе не миссис Бендикс. И его позвали в клуб вовсе не для того, чтобы сэр Юстас вручил там ему шоколадки, нет. Преступница и ведать не ведала, что намечавшийся в отеле обед, на котором должны были встретиться сэр Юстас и миссис Бендикс, по каким-то причинам был отменен. Дело в том, что мистеру Бендиксу следовало появиться в клубе именно в тот момент когда сэру Юстасу должны были вручить пакет с шоколадом. Вот и все. По замыслу преступницы этот момент должен был зафиксировать в сознании мистера Бендикса не кою иного, а сэра Юстаса и полученный им пакет с шоколадом. И если бы подозрения пали на кого-то другого, у мистера Бендикса уже была бы своя собственная точка зрения, что преступником является сэр Юстас. Тем более что тайная связь между сэром Юстасом и миссис Бендикс к тому времени должна была выплыть по воле случая на поверхность. Насколько я понимаю, что уже и случилось, и это, должно быть, доставляло ужасные страдания мистеру Бендиксу.

– Вот почему он так плохо выглядел! – воскликнул Роджер.

– Вне всякого сомнения, – грустно согласился с ним мистер Читтервик. – Да, преступление было задумано очень жестоко. Преступница понимала, что сэр Юстас будет мертв и уже не сможет отрицать своей вины, и все было обставлено самым тщательным образом, чтобы убедить следствие в том, что перед ним дело об убийстве миссис Бендикс в совокупности с самоубийством самого сэра Юстаса. И тот факт, что полиции и в голову не приходило брать под подозрение сэра Юстаса (как нам всем известно), свидетельствует о том, что преступнику не всегда удается направить расследование по нужному для него руслу. А в нашем случае, – сурово произнес мистер Читтервик, – я считаю, что преступница сама себя перехитрила.

– Да уж, если речь шла о деле всей ее жизни и для этого потребовалось всего-навсего присутствие мистера Бендикса в клубе, – не без иронии согласилась с ним мисс Дэммерс, – то уж, конечно, можно сказать, что она и в самом деле сама себя перехитрила.

Очевидно, в версии мистера Читтервика мисс Дэммерс не устраивал отнюдь не только психологический ее аспект.

– А ведь так все и получилось, – добродушно отреагировал мистер Читтервик. – Кстати, раз уж речь зашла о шоколадках, мне хотелось бы добавить, что они были посланы сэру Юстасу в клуб не только для того, чтобы мистер Бен-

дикс засвидетельствовал момент вручения их сэру Юстасу, но, как мне думается, и для того, чтобы сэр Юстас непременно захватил их с собой на обед с миссис Бендикс. Преступница, зная вполне хорошо его привычки, почти точно могла предугадать, что он проведет все утро в клубе и оттуда отправится прямо в отель на обед. Так что все шансы были за то, что он прихватит с собой коробочку любимого шоколада миссис Бендикс. Я думаю, что промах нашей преступницы вписывается в известную ситуацию, когда преступник, продумав тщательно весь план, упускает из виду одну какую-то существенную деталь, которая в дальнейшем служит ключом к раскрытию преступления. Так вот, она совершенно упустила из виду тот вариант, что свидание можно и отменить. Она, конечно, необычайно изощренная преступница, – произнес мистер Читтервик с некоторым восхищением, – но даже и она не избежала этой обычной ошибки.

– А кто она, мистер Читтервик? – совсем неизощренно осведомилась миссис Филдер-Флемминг. Мистер Читтервик улыбнулся лукаво:

– Никто из вас до самой последней минуты не называл подозреваемого. Надеюсь, что и мне будет это позволено. Итак, как мне кажется, мне удалось осветить наиболее сомнительные моменты. Я бы сказал, что мейсоновский бланк был пущен в ход лишь потому, что инструментом убийства должны были стать шоколадки, а „Мейсон и сыновья“ единственная шоколадная фирма, которая пользуется услугами типо-

графии Вэбстера. Такое совпадение было очень на руку, поскольку сэр Юстас обычно для своих... э-э-э... подруг покупал мейсоновские шоколадки.

Миссис Филдер-Флемминг взглянула на него в полном недоумении.

– Единственная шоколадная фирма, которая пользуется услугами типографии Вэбстера?.. Не понимаю.

– Ах, как я скверно все объясняю, – огорчился мистер Читтервик, отнеся недоумение миссис Филдер-Флемминг на счет своей бестолковости. – Понимаете, ей нужна была большая книжная типография Вэбстера, потому что сэр Юстас заказывает в этой типографии гербовую бумагу для своих писем, и было необходимо, чтобы служащие подтвердили, что не так давно он там был, чтобы связать выкраденный из альбома образец с его посещением. Все точно так, как получилось у мисс Дэммерс.

Роджер присвистнул:

– Понятно. Вы хотите сказать, что мы все ставили телегу впереди лошади? Я говорю о фирменном бланке.

– Полагаю, что да, – искренне посочувствовал ему мистер Читтервик. – В самом деле так и выходит.

У членов Клуба, пока еще безотчетно, возникла симпатия к мистеру Читтервику. По крайней мере, его версия, звучала так же убедительно, как вчерашняя версия мисс Дэммерс, и к тому же в ней не было всяких там психологических тонкостей и постоянных разговоров о высших ценностях. Одна

только мисс Дэммерс явно скептически воспринимала выступление мистера Читтервика, но этого можно было ожидать.

– А каков, по-вашему, был мотив преступления? Вы назвали ревность, – изрек сэр Чарльз. – Мне показалось что ваша аргументация еще не исчерпала себя.

– Ну конечно, – мистер Читтервик зарделся от смущения. – Бог мой, мне надо было об этом сказать сразу. Все-таки не выходит у меня выступать. Нет, я думаю – не ревность. Мечь. Или лучше так: в случае сэра Юстаса – это мечь, по крайней мере, а в случае миссис Бендикс – это ревность. Если я правильно понял ситуацию, эта дама... о господи! – мистер Читтервик вконец огорчился и растерялся. – Понимаете, дело очень тонкое. Но приходится вмешаться. Видите ли, эта дама была очень, очень влюблена в сэра Юстаса, хотя ей удавалось скрыть это от своих друзей. И она стала... Она была его любовницей, – решительно проговорил мистер Читтервик. – Но это было давно. Сэр Юстас был тоже увлечен ею, и, хотя он не оставлял привычки развлекаться с другими женщинами, оба считали, что поскольку ничего серьезного там быть не могло, то маленькие интрижки допустимы. Я должен сказать, что дама, о которой я говорю, придерживается современных взглядов и она выше предрассудков. Думаю, что между ними было решено, что, как только сэр Юстас убедит свою жену (которая не знала об этом романе) развестись с ним, они тотчас поженятся. Но когда ему уда-

лось добиться согласия жены на развод, оказалось, что из-за крайне стесненного финансового положения, в котором очутился сэръ Юстас, ему надо было жениться не на этой даме, а на деньгах. Конечно дама была очень расстроена, но зная, что у сэра Юстаса не было никаких чувств... То есть что он не был влюблен в мисс Уайлдмен и что брак, во всяком случае с его стороны, продиктован соображениями выгоды, она примирилась с такой неизбежностью, не имея ничего против мисс Уайлдмен, которую... – мистер Читтервик чувствовал, что обязан это сказать, – считала малоинтересной особой. Она никогда не сомневалась, что их старая дружба крепка и что его любовь останется с ней навсегда, и этого ей было достаточно. Но дальше произошло непредвиденное. Сэръ Юстас не только совсем ее разлюбил. Он серьезно и бесповоротно влюбился в миссис Бендикс. Более того, он обольстил ее, и она стала его любовницей. Это случилось недавно, почти в то самое время, когда он обратил свое внимание на мисс Уайлдмен. И, как мне кажется, мисс Дэммерс нарисовала нам истинную картину того, что из этого вышло. Я имею в виду последствия для миссис Бендикс, а не для сэра Юстаса. Теперь представьте себе положение дамы, о которой я говорил. Сэръ Юстас получает развод. Брак с мисс Уайлдмен отпадает. Вместо него – брак с миссис Бендикс, которую терзают муки совести, для которой единственный путь искупления своей вины – развод с мужем и брак с сэром Юстасом; для сэра Юстаса – желанный брак с миссис Бендикс, единственной

любимой женщиной, а с финансовой точки зрения – даже более выгодный, чем брак с мисс Уайлдмен; и этот брак был теперь неизбежен. Мне претит, когда ссылаются на затертые цитаты, но тут уж действительно будет уместно сказать, что нет в аду фурии страшнее, чем...

– А вы сможете доказать все, о чем вы говорили, мистер Читтервик? – Мисс Дэммерс не дала мистеру Читтервику сослаться на избитую цитату.

Мистер Читтервик запнулся.

– Я... Наверное, смогу, – ответил он, запинаясь.

– Сомневаюсь, – бросила мисс Дэммерс.

Под скептическим взглядом мисс Дэммерс мистер Читтервик принялся объяснять:

– Дело в том, что сэр Юстас, с которым я имел удовольствие недавно познакомиться, – по лицу мистера Читтервика пробежала гримаса, видно, знакомство было не из приятных, – так вот, то небольшое, что сэр Юстас мне сообщил, так сказать, не намеренно... то есть я хочу сказать, что, пока я обедал с ним, я очень деликатно пытался его расспросить... и постепенно личность убийцы окончательно для меня прояснилась... Он обронил несколько случайных фраз, сущие пустяки, но...

– Сомневаюсь, – резко оборвала его мисс Дэммерс. Мистер Читтервик совсем смешался. Роджер поспешил ему на помощь:

– Ну хорошо, подождем пока с доказательствами, мистер

Читтервик, и предположим, что ваше толкование это чистый вымысел. Вы остановились на том, что брак между сэром Юстасом и миссис Бендикс стал неизбежен.

– Да, верно, – сказал мистер Читтервик, с благодарностью глядя в глаза своему спасителю. – И тогда эта дама приняла страшное решение и осуществила свой очень тонкий план. Я думаю, что я все объяснил. За ней еще сохранилось право посещать дом сэра Юстаса, благодаря чему она однажды, когда его не было дома, пришла и напечатала письмо на его машинке. У нее способности к подражанию, и ей ничего не стоило, позвонив мужу миссис Бендикс, симитировать голос мисс Делорм.

– Мистер Читтервик, кто-нибудь из нас знаком с этой дамой? – Это было требование миссис Филдер-Флемминг.

Мистер Читтервик совсем смешался.

– Э-э-э... ну... да... – Он мялся, выдавливая слова. – Ну, помните, она взяла две книжки в шкафу мисс Дэммерс и отнесла их сэру Юстасу. Ну вот.

– Теперь я буду осторожнее в выборе друзей, – с легким сарказмом заметила мисс Дэммерс.

– Значит, вы говорите, бывшая любовница сэра Юстаса? – пробормотал Роджер, перебирая в уме имена из длиннющего списка, которые он мог припомнить.

– Ну да, – подтвердил мистер Читтервик. – Но об этом никто не знал. То есть... Господи, как же мне трудно, – и он стер платком пот со лба. Вид у него был совсем жалкий.

– А ей что ж, удалось это скрыть? – допытывался Роджер.

– Да... Да, ей и правда удалось все скрыть... То есть подлинный характер их отношений. Никто даже и не заподозрил их в близости.

– Так, может, они и не знали друг друга, – не унималась миссис Филдер-Флемминг, – раз их никто и никогда не видел вместе?

– Нет, одно время их видели вместе, – сказал мистер Читтервик, затравленно обводя взглядом своих сотоварищей по Клубу. – И очень часто. Потом, как я понимаю, они решили, что им лучше сделать вид, что они разошлись, и они стали встречаться тайно.

– Не пора ли назвать имя дамы, Читтервик? – прогремел на весь Клуб сэра Чарльза, само воплощение законности.

Мистер Читтервик с трудом выбрался из-под канонады сыпавшихся на него вопросов.

– Знаете, это странно, но преступники никогда не умеют вовремя остановиться. Разве это не так? – устало проговорил он. – Да, это очень часто бывает. Уверен, что ни за что не нашел бы разгадку, удовлетворись преступница хотя бы тем, что ей удалось из ее замечательного плана. Но ей понадобилось подставить другого, свое преступление приписать ему... Человек очень неглупый, о чем свидетельствует великолепно задуманное убийство, она должна была забыть старые счеты, быть выше. Конечно ее план не удался. То есть я бы сказал, удался только наполовину. Так почему бы-

ло не признать частичное поражение? Зачем искушать судьбу? Провал был неизбежен... Неизбежен...

Мистер Читтервик был просто в отчаянии. Он лихорадочно перебирал свои листочки, и его так трясло, что он едва не вываливался из кресла.

– Боже мой, – протянул он в каком-то исступлении, будто на грани помешательства. – Как же мне трудно! Но остается последнее. Я – про алиби. Мысль об алиби пришла потом, благодаря счастливому стечению обстоятельств. Ведь отель „Сесиль“ и отель „Савой“ находятся неподалеку от Саутгемптон-стрит, не так ли? Мне известно, что у этой дамы есть подружка, женщина в какой-то степени необыкновенная. Практически все время она в отъезде, в разных исследовательских экспедициях, причем в экспедициях участвует она одна и ведет исследования в одиночку. Попадая в Лондон, она проводит здесь день-два, не больше, и при этом я убежден, она из тех, кто очень редко читает газеты. Даже если бы ей и случилось прочесть в газете об убийстве миссис Бендикс, вряд ли бы у нее шевельнулись какие-нибудь подозрения, особенно в отношении ее подруги. Я установил, что накануне убийства эта женщина, которую, между прочим, зовут Джейн Хардинг, провела две ночи в отеле „Савой“ и утром того же дня, когда пакет с шоколадом был доставлен сэру Юстасу, отбыла в Южную Африку. Где она может быть теперь, не имею ни малейшего представления. Единственное, что я знаю, в Лондон она прибыла из Парижа, где про-

вела целую неделю. Убий... убийца знала, что подруга будет в Лондоне, и потому срочно поспешила в Париж. К сожалению, – как бы извиняясь, сказал мистер Читтервик, – тут многое основано на догадках. Но, я думаю, ей ничего не стоило попросить подругу отправить пакет из Лондона, поскольку почтовая пошлина из Франции в Англию очень высока. И уж совсем было просто устроить так, чтобы пакет доставили утром того дня, когда должно было состояться свидание сэра Юстаса с миссис Бендикс за обедом в отеле. Она могла сказать подруге, что конфеты были подарком ко дню рождения или что-то в этом роде... и... и что пакет надо отправить тогда-то, чтобы его получили в определенное время на следующий день.

Мистер Читтервик вытер пот со лба и посмотрел на Роджера, ища сочувствия. Роджер ответил ему недоумевающим взглядом.

– Боже мой, как же мне трудно, – прошептал мистер Читтервик, словно в забытьи. – Как невероятно трудно Единственное, что меня успокаивает...

Алисия Дэммерс поднялась из-за стола и стала не спеша собирать свои вещи.

– К сожалению, мне пора, – сказала она. – У меня сегодня свидание. Надеюсь, господин президент извинит меня.

– Разумеется, – ответил Роджер, несколько удивленный. Подойдя к двери, мисс Дэммерс обернулась:
– Очень жаль, что я не услышу, чем завершится ваша вер-

сия, мистер Читтервик. Но повторяю: я очень сомневаюсь в том, что вам удастся ее доказать.

И она вышла из зала.

– Абсолютно права, – прошелестел мистер Читтервик, в оцепенении глядя ей вслед. – Точно знаю, что не удастся. Но сомнений у меня нет. Увы, ни малейших.

Всех как громом поразило.

– Как?! Вы считаете?..– взвизгнув, закудаhtала миссис Филдер-Флемминг.

Мистер Брэдли первый взял себя в руки.

– Ну что же, по крайней мере, ясно, что рядом с нами работал настоящий криминалист-практик, – провозгласил он в манере, явно усвоенной им не в Оксфорде. – Весьма и весьма любопытно.

И снова напряженное молчание сковало Клуб.

– Позвольте спросить, – президент был совершенно обескуражен, – так для чего же мы тут собираемся?

Никто не решился высказать вслух то, о чем он сейчас подумал.